

ISSN 1998-1627

Economics and Management

ЭКОНОМИКА и управление

российский научный журнал | russian academic journal

**ТЕМА
НОМЕРА**
№ 11 (169)
2019

**ПАРТНЕРСТВО И ОБМЕН ОПЫТОМ:
НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ РАЗВИТИЯ**

экономика и управление

Редакционная коллегия

Главный редактор

О. Г. СМЕШКО

д-р экон. наук, доцент

Заместитель главного редактора

Г. А. КОСТИН

д-р техн. наук, доцент

Научные редакторы

В. А. ПЛОТНИКОВ

д-р экон. наук, профессор

С. А. БЕЛОЗЁРОВ

д-р экон. наук, профессор

Начальник издательства

О. В. ЯРЦЕВА

Литературный редактор-корректор

Е. С. ЧУЛКОВА

Перевод

при участии ООО «ЭКО-ВЕКТОР АЙ-ПИ»

<http://eco-vector.com>

Верстка

Е. О. ЗВЕРЕВА, М. Ю. ШМЕЛЁВ

Дизайн обложки

Т. Л. МИСНИК

Фото для обложки

дизайн Freepik / <https://www.freepik.com/>

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-67819 от 28 ноября 2016 г. выдано

Федеральной службой по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Учредитель издания:

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий

управления и экономики»

© Все права защищены

ISSN 1998-1627

Издается с 1995 г. Выпускается ежемесячно (12 номеров в год).

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Экономика и управление» обязательна

Адрес редакции и издательства

Россия, 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Тел.: (812) 448-82-50

E-mail: izdat-ime@yandex.ru, izdat@spbume.ru

URL: <http://www.emjume.elpub.ru>

Подписано в печать 18.11.2019.

Отпечатано в типографии ООО «РАЙТ ПРИНТ ГРУПП».

198095, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21. Заказ № 215.

Тираж 500 экз. Цена свободная

Журнал «Экономика и управление» получают по адресной рассылке:

Администрация Президента РФ и Правительство РФ, Совет Федерации,

Государственная Дума, министерства и ведомства РФ, полномочные

представители Президента РФ в федеральных округах, главы

административных субъектов РФ, Российская академия наук, научные

институты, российские и зарубежные вузы, предприятия, организации

и учреждения отраслей народного хозяйства, краевые,

областные и районные библиотеки

Подписной индекс 29996 — по каталогу агентства «Роспечать»,

41039 — по объединенному каталогу «Пресса России».

Электронная подписка — <http://www.elibrary.ru>

Редакционный совет

А. Г. АГАНБЕГЯН

заведующий кафедрой экономической теории и политики
РАНХиГС при Президенте РФ, д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

Л. А. АНОСОВА

начальник Отдела — заместитель академика-секретаря
Отделения общественных наук РАН по научно-организационной
работе, д-р экон. наук, проф.,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. БЕРГМАНН

вице-президент Европейской академии наук и искусств,
член правления форума «Петербургский диалог», д-р юрид. наук,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Берлин, Германия)

Р. С. ГРИНБЕРГ

научный руководитель Института экономики РАН, д-р экон. наук,
проф., член-корреспондент РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

И. И. ЕЛИСЕЕВА

заведующий сектором Социологического института РАН,
д-р экон. наук, проф., член-корреспондент РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

В. Л. КВИНТ

руководитель Центра стратегических исследований ИМИСС МГУ
им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой финансовой стратегии
МШЭ МГУ, д-р экон. наук, проф., иностранный член РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

А. А. КОКОШИН

декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова,
д-р ист. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. Л. МАКАРОВ

научный руководитель Центрального экономико-математического
института РАН, д-р ф.-м. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. В. ОКРЕПИЛОВ

руководитель Центра региональных проблем экономики качества
ИПРЭ РАН, член Бюро Отделения общественных наук РАН,
д-р экон. наук, проф., академик РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

Б. Н. ПОРФИРЬЕВ

директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

О. Д. ПРОЦЕНКО

советник ректора РАНХиГС при Президенте РФ, д-р экон. наук, проф.,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. СТРИЛКОВСКИ

профессор Карлова Университета в Праге, д-р экон. наук (Прага, Чехия)

В. А. ЦВЕТКОВ

директор Института проблем рынка РАН, член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор (Москва, Россия)

Р. М. ЮСУПОВ

научный руководитель Санкт-Петербургского института
информатики и автоматизации РАН, д-р техн. наук, проф.,
член-корреспондент РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПОД НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИМ РУКОВОДСТВОМ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

Журнал «Экономика и управление» входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал рекомендован экспертными советами по экономике; управлению, вычислительной технике и информатике

СВЕДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ИЗДАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ, ВКЛЮЧЕНЫ В РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ И БАЗЫ ДАННЫХ ВИННИТИ, ИНИОН РАН И ЕЖЕГОДНО ПУБЛИКУЮТСЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СПРАВОЧНОЙ СИСТЕМЕ ПО ПЕРИОДИЧЕСКИМ И ПРОДОЛЖАЮЩИМСЯ ИЗДАНИЯМ ULRICH'S PERIODICAL DIRECTORY. С 2005 г. СТАТЬИ ЖУРНАЛА ВКЛЮЧАЮТСЯ В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ), ДОСТУПНЫЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПО АДРЕСУ: [HTTP://WWW.ELIBRARY.RU](http://www.elibrary.ru) (НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА). РИНЦ — БАЗА ДАННЫХ, СОДЕРЖАЩАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИЮ, ИЗВЛЕЧЕННУЮ ИЗ ТЕКСТА СТАТЕЙ, А ТАКЖЕ ПРИСТАТЕЙНЫХ ССЫЛОК (СПИСКОВ ЛИТЕРАТУРЫ).

Ekonomika i upravlenie (Economics and Management)

Editorial office

Editor-in-Chief

Doctor of Economics, Associate Prof.
O. G. SMESHKO

Deputy Editor

Associate Prof.
G. A. KOSTIN

Editor-in-Science

Prof. V. A. PLOTNIKOV,
Prof. S. A. BELOZEROV

Head of Publishing House

O. V. YARTSEVA

Literary Editors, Corrector

E. S. CHULKOVA

Translation

with the assistance of Eco-Vector Ltd
<http://eco-vector.com>

Mockup

E. O. ZVEREVA, M. Yu. SHMELEV

Cover Design

T. L. MISNIK

Cover Photo

designed by Freepik /<https://www.freepik.com/>

Russian Academic Journal Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media ROSCOMMADZOR ПИ № ФС77-67819 28 nov. 2016. The Russian scientific journal is owned by Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics. Publication Frequency: Monthly

Published since 1995. It is published by Publishing house of Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics.

Any correspondence relating to editorial matters should be sent by e-mail to Oleg Smeshko (e-mail: izdat-ime@yandex.ru)

Contact Details:

Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, Russian Federation, 190103
URL: <http://www.emjume.elpub.ru>

© Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics
ISSN 1998-1627

The regular readers of Economics and Management are the members of the Administration of the President and the Government of Russian Federation, the Council of the Federation, the State Duma of the Russian Federation, Russian President's plenipotentiaries in Federal Districts, Russian Academy of Sciences, Heads of Administrations of all levels and areas, State institutions, Research Centers and libraries

Editorial Council

PROF. A. G. AGANBEGYAN

Head of Department of Economic Theory and Politics of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. L. A. ANOSOVA

Head of Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician Secretary of Department of Social Sciences of RAS, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

PROF. W. BERGMANN

Vice-President of European Academy of Sciences and Arts Letters, Doctor of Law (Berlin, Germany)

PROF. R. S. GRINBERG

Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. I. I. ELISEEVA

Head of Department of Sociology Institute of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

PROF. V. L. KVINT

Head of the Center of Strategic Researches of M. V. Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Financial Strategy of MSU, Foreign member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. A. A. KOKOSHIN

Dean of the Department of M. V. Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. V. L. MAKAROV

Scientific Director of Central Institute of Economics and Mathematics of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. V. V. OKREPILOV

Deputy Chairman of St. Petersburg Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

PROF. B. N. PORFIR'EV

Director of Economic Forecasting Institute of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. O. D. PROTSENKO

Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

W. STRIELKOWSKI

Assistant Professor of Economics, Ph. D., Charles University in Prague (Prague, Czech Republic)

PROF. V. A. TSVETKOV

Director of Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS), Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PROF. R. M. YUSUPOV

Scientific Director of St. Petersburg Institute of Informatics and Automation Control of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

ECONOMICS AND MANAGEMENT IS PUBLISHED UNDER THE GUIDANCE OF DEPARTMENT OF SOCIAL SCIENCES, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**The journal is indexed RISC, listed in the list of HAC
The full text of the journal is placed on EBSCO's Business Source databases**

**ALL THE ARTICLES ARE AVAILABLE FOR PUBLIC ON WWW.ELIBRARY.RU (SCIENTIFIC ELECTRONIC LIBRARY).
ALL THE INFORMATION ON PUBLICATIONS IN ECONOMICS AND MANAGEMENT IS PRESENTED BY "ULRICH'S PERIODICAL DIRECTORY"**

Содержание

Актуальные проблемы развития экономики 4

О. Г. Смешко, Е. В. Ушакова, Т. А. Борисова. Управление качеством государственных и муниципальных услуг в условиях цифровизации общества	4
В. В. Окрепилов, А. Г. Гридасов. Роль стандартизации как ключевого инструмента экономики качества в развитии интеграции Евразийского экономического союза	14
Л. А. Аносова, Л. С. Кабир. Финансирование устойчивого развития: глобальный подход и национальные решения	20
В. Л. Арутюнян, С. В. Дохолян, А. Р. Макарян. Влияние применения единого таможенного тарифа на армянский экспорт ограненных и полированных драгоценных камней в Россию	33
В. А. Цветков, К. Х. Зоидов, А. А. Медков. О международных транзитных перевозках грузов в рамках пространства Шанхайской организации сотрудничества	42
А. В. Ярашева. Трудовые ресурсы молодежи: актуальные региональные проблемы	53
Г. В. Зубаков, О. Д. Проценко, И. О. Проценко. От управления цепями поставок к управлению на основе технологии блокчейн	59

Ю. В. Вертакова. Обзор современных доктрин региональной экономики	64
Ю. В. Кузнецов, Е. М. Анохина, Е. В. Мелякова. Совершенствование управления стратегической устойчивостью предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в депрессивных регионах России	74
В. А. Плотников. Цифровизация и модернизация государственной политики в сфере регулирования занятости	87
Е. А. Торгунаков, Е. В. Торгунакова. Развитие логистики электронной коммерции	95
С. И. Никулина. Финансирование устойчивого развития институциональными инвесторами в Южно-Африканской Республике	101

События и факты 111

СПбУТиЭ развивает сотрудничество в сфере информатизации	111
Technoperspective — 2019	112
СПбУТиЭ принял участие в Петербургском международном инновационном форуме	112

Основные условия и требования к оформлению рукописей научных статей, представляемых в РНЖ «Экономика и управление»	114
--	-----

Contents

Actual Problems Development of Economics 4

<i>O. G. Smeshko, E. V. Ushakova, T. A. Borisova. Quality Management of Public and Municipal Services in the Context of the Digitalization of Society</i>	4
<i>V. V. Okrepilov, A. G. Gridasov. The Role of Standardization as a Key Tool of Quality Economics in the Development of Integration of the Eurasian Economic Union</i>	14
<i>L. A. Anosova, L. S. Kabir. Financing of Sustainable Development: Global Approach and National Solutions</i>	20
<i>V. L. Harutyunyan, S. V. Dokholyan, A. R. Makaryan. The Impact of Applying the Common Customs Tariff on the Armenian Export of Cut and Polished Gems to Russia</i>	33
<i>V. A. Tsvetkov, K. Kh. Zoidov, A. A. Medkov. On International Cargo Transit within the Shanghai Cooperation Organization</i>	42
<i>A. V. Yarasheva. Youth Workforce: Current Regional Problems.</i>	53
<i>G. V. Zubakov, O. D. Protsenko, I. O. Protsenko. From Supply Chain Management to Blockchain-Based Management.</i>	59

<i>Yu. V. Vertakova. A Review of the Current Doctrines of Regional Economics</i>	64
<i>Yu. V. Kuznetsov, E. M. Anokhina, E. V. Melyakova. Improving the Strategic Sustainability Management of Large, Medium, and Small Businesses in the Depressed Regions of Russia</i>	74
<i>V. A. Plotnikov. Digitalization and Modernization of the National Employment Policy</i>	87
<i>E. A. Torgunakov, E. V. Torgunakova. Development of E-Commerce Logistics</i>	95
<i>S. I. Nikulina. Financing of Sustainable Development by the Institutional Investors in the Republic of South Africa</i>	101

Events and Facts 111

UMTE Enhances Cooperation in Field of Informatization	111
Technoperspective – 2019.	112
UMTE Participates in the 2018 St. Petersburg International Innovation Forum	112

Basic Conditions and Requirements for Research Articles Submitted to the Russian Academic Journal "Economics and Management".	116
---	-----

Управление качеством государственных и муниципальных услуг в условиях цифровизации общества

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-4-13

УДК 354:004

Смешко Олег Григорьевич

*ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
доктор экономических наук, доцент*

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а, e-mail: rectorat@spbacu.ru

Ушакова Елена Викторовна

*заведующий кафедрой менеджмента и государственного и муниципального управления
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
кандидат экономических наук, доцент*

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Борисова Татьяна Александровна

*доцент кафедры менеджмента и государственного и муниципального управления
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
кандидат исторических наук, доцент*

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Статья посвящена вопросам внедрения системы менеджмента качества (далее — СМК) в сфере государственного и муниципального управления (далее — ГМУ) в условиях цифровизации общества. Актуальность статьи объясняется тем, что организационные и методические вопросы теории и практики внедрения СМК в сфере ГМУ в условиях цифровизации общества в Российской Федерации (РФ) исследованы недостаточно.

Цель. Разработка эффективных подходов к внедрению методов оценки СМК в сфере ГМУ в условиях цифровизации общества.

Задачи. Рассмотрение методов, подходов и перспектив повышения эффективности деятельности сферы ГМУ в условиях цифровизации общества; определение инструментов для внедрения проекта СМК по ISO 9001:2015 в сфере ГМУ в условиях цифровой экономики; анализ данных для совершенствования процесса управления качеством предоставления государственных и муниципальных услуг.

Методология. Объектом исследования является развивающаяся сфера государственного и муниципального управления в условиях цифровизации общества. Предмет исследования — СМК относительно данной сферы, в том числе управления качеством государственными и муниципальными услугами в условиях цифровизации общества. Теоретической и методологической основой исследования послужили труды российских и зарубежных ученых, международные стандарты и нормативные документы, регламентирующие качество продукции/услуг, а также систем менеджмента. Методология исследования базируется на применении системного подхода, а менеджмент качества рассматривается как система; методология базируется и на применении сравнительного метода, общенаучных методов исследования — анализа и синтеза, сопоставления и сравнения, систематизации и обобщения полученных данных.

Результаты. В аспекте перспектив, подходов и методов разработки и последующего внедрения СМК в сфере ГМУ в условиях цифровизации общества авторами доказана необходимость выхода на новый уровень взаимодействия государства и органов местного самоуправления с гражданами и субъектами предпринимательства посредством перевода такого взаимодействия в цифровой, «проактивный» и дистанционный режим. В процессе исследования обнаружено, что существует необходимость сокращения временных и административных затрат при предоставлении государственных и муниципальных услуг, осуществлении контрольно-надзорных функций, функционировании государственных и муниципальных органов. Проведен анализ рисков, препятствующих созданию полноценной цифровой экономики (в том числе менеджмент рисков с применением стандартов ISO). Выявлена потребность в повышении эффективности применения системы электронного межведомственного взаимодействия после внедрения СМК по модели ISO 9001:2015. К результатам исследования отнесены анализ и улучшение параметров процессов предоставления государственных и муниципальных услуг, выявление приоритетов потребителей для постоянного улучшения СМК и повышения уровня удовлетворенности потребителей; правовые изменения и усиление мер безопасности информационной среды в условиях развития цифровизации сферы предоставления государственных и муниципальных услуг. Установлено, что, наряду со снижением административных барьеров, внедрение СМК влечет повышение качества и доступности государственных и муниципальных услуг.

Выводы. Одним из наиболее важных вопросов проводимой административной реформы является совершенствование порядка предоставления государственных и муниципальных услуг. Реализация

соответствующих мероприятий — процедура, в отношении которой должны быть разработаны показатели результативности и эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг. Апробированным инструментом может стать система менеджмента качества, построенная по модели международного стандарта ISO 9001:2015. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в развитии подходов, методов в изучении отечественного и зарубежного опыта применения СМК в сфере ГМУ в условиях цифровизации общества с целью разработки впоследствии оптимального проекта СМК для данной сферы.

Ключевые слова: система менеджмента качества, СМК, государственное и муниципальное управление, государственные и муниципальные услуги, удовлетворенность потребителей, качество государственных и муниципальных услуг, внедрение СМК в сфере ГМУ.

Для цитирования: Смешко О. Г., Ушакова Е. В., Борисова Т. А. Управление качеством государственных и муниципальных услуг в условиях цифровизации общества // Экономика и управление. 2019. № 11 (169). С. 4–13. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-4-13

Quality Management of Public and Municipal Services in the Context of the Digitalization of Society

Oleg G. Smeshko

*St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103, e-mail: rectorat@spbacu.ru*

Elena V. Ushakova

*St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103*

Tat'yana A. Borisova

*St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103*

The presented study addresses the issues of implementation of a quality management system (hereinafter referred to as QMS) in the field of public and municipal administration (hereinafter referred to as PMA) in the context of the digitalization of society. This study is relevant due to the fact that organizational and methodological issues of the theory and practice of QMS implementation in the field of PMA in the context of the digitalization of society in the Russian Federation are not sufficiently investigated.

Aim. The study aims to develop efficient approaches to the implementation of QMS assessment methods in the field of PMA in the context of the digitalization of society.

Tasks. The authors examine the methods, approaches, and prospects of improving the efficiency of PMA in the context of the digitalization of society; identify tools for the implementation of the QMS projects according to ISO 9001:2015 in the field of PMA in the context of the digital economy; analyze data for improving the quality management of public and municipal services.

Methods. The subject of the study is the developing filed of public and municipal administration in the context of the digitalization of society. This study focuses on the quality management system in relation to this sphere, including the quality management of public and municipal services in the context of the digitalization of society. The theoretical and methodological basis of the study comprises the works of Russian and foreign scientists, international standards and regulations pertaining to the quality of products/services and management systems. The methodology of the study is based on the application of the systems approach, with quality management considered as a system, the comparative method, and general scientific research methods – analysis and synthesis, benchmarking and comparison, generalization and systematization of the obtained data.

Results. In terms of the prospects, approaches, and methods of development and subsequent implementation of QMS in the filed of PMA in the context of the digitalization of society, the authors substantiate the need to reach a new level of interaction between the government and local authorities and the citizens and business entities by switching this interaction to the digital, proactive, and remote mode. In the course of the study it is established that it is necessary to reduce the time and administrative costs of public and municipal services, oversight functions, and operation of public and municipal bodies. The risks that hinder the creation of a full-fledged digital economy are analyzed (including risk management using ISO standards). It is necessary to improve the efficiency of application of the electronic interdepartmental interaction system following the implementation of the QMS according to ISO 9001:2015. The results of the study include analysis and improvement of the parameters of public and municipal services, identifying the priorities of consumers to continuously improve the QMS and increase the level of customer satisfaction, legal changes and enhanced security of the information environment in the context of the development of digitalization in the field of public and

municipal services. It is established that, along with the reduction of administrative barriers, QMS implementation increases the quality and availability of public and municipal services.

Conclusions. One of the vital goals of the ongoing administrative reform is to improve the procedures for the provision of public and municipal services. Implementation of relevant measures is a process that requires indicators of performance and efficiency of provision of public and municipal services. A quality management system built according to the international standard ISO 9001:2015 could become a proven tool. The theoretical and practical significance of the study consists in the development of approaches and methods for the examination of Russian and foreign practices in QMS implementation in the field of PMA in the context of the digitalization of society to further develop an optimal QMS project for this sphere.

Keywords: *quality management system, QMS, public and municipal administration, public and municipal services, customer satisfaction, quality of public and municipal services, QMS implementation in PMA.*

For citation: Smeshko O. G., Ushakova E. V., Borisova T. A. Quality Management of Public and Municipal Services in the Context of the Digitalization of Society. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(11):4–13 (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-4-13

Исследование проблем разработки и внедрения моделей менеджмента качества как в сфере государственного и муниципального управления (ГМУ), так и в государственных и муниципальных учреждениях/организациях/предприятиях, в различных отраслях деятельности в условиях цифровизации общества является актуальным для современной России. Ряд исследований и практических рекомендаций в данной области представлен в трудах отечественных ученых и практиков, в частности Е. А. Горбашко, Г. Н. Ивановой, В. В. Окрепилова и др. В разное время соответствующая тема освещалась в работах Е. В. Ушаковой, Т. А. Борисовой, Р. А. Луговского и других [1–5].

Сегодня продолжается разработка новых инструментов и моделей эффективного менеджмента, позволяющих более результативно осуществлять управление целями и издержками организаций и предприятий, стабильно наращивать показатели качества услуг и продукции. Вместе с тем накопленный опыт и знания в области передового менеджмента становятся все более востребованными в органах государственной власти и местного самоуправления. Вопрос разработки и внедрения модели системы менеджмента качества (СМК) в сфере государственного управления не только остается актуальным, но и приобретает еще большее значение для повышения качества государственных и муниципальных услуг в рамках продолжающейся реализации программы «Электронная Россия» (постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)»; Указа Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; Концепции «Электронное правительство».

Электронное правительство — относительно новая для России форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности, удобства получения организациями и гражданами государственных услуг, а также информации о результатах деятельности государственных органов. От внедрения элементов электронного правительства ожидается повышение эффективности государственного управления и прозрачности государственных процедур, вероятного снижения уровня коррупции в рядах госслужащих. Социальная функция электронного правительства состоит во взаимодействии государства, органов местного самоуправления и бизнеса, общества, а также внутри государственных и муниципальных органов.

Растущая межгосударственная конкуренция и необходимость действенно управлять проблемами в социальной сфере стимулируют прогрессивные страны к активному поиску системных решений, обеспечивающих высокое качество работы всех ветвей власти. Очевидно, что в таких условиях сфера государственного и муниципального управления, заинтересованная в развитии и совершенствовании деятельности, не может оставаться в стороне от моделей, предлагаемых Международной организацией по стандартизации (ISO).

В настоящее время органы государственного и муниципального управления в различных странах мира отдают предпочтение стандартам СМК ISO 9001:2015 (ГОСТ Р ИСО 9001–2015) [6], а также стандартам в области охраны труда и профессиональной безопасности (OHSAS 18001), информационной безопасности (ISO 27001), социальной ответственности (ISO 26000), экологического менеджмента (ISO

14001). В связи с этим процессы и процедуры СМК, в отношении которых должны разрабатываться показатели результативности и эффективности — это те, что относятся к обмену информацией между государственными и муниципальными органами и населением. Но существует и другая процедура — обмен информацией между органами государственной власти и органами местного самоуправления (или межведомственное информационное взаимодействие).

Цель межведомственного информационного взаимодействия — облегчение потребителю (заявителю) процедуры получения государственных и муниципальных услуг. При подобном взаимодействии между структурами производится обмен документами, и, как следствие, уменьшается пакет документов, предоставляемых потребителем, сокращаются сроки предоставления государственных и муниципальных услуг, реализуются сервисы, направленные на дальнейшее облегчение для заявителя процедуры обращения за услугами и получения результатов услуг, в частности предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде. Реализация перечисленных выше мероприятий является процедурой, в отношении которой должны быть разработаны показатели результативности и эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг в условиях цифровизации общества. Апробированным инструментом служит СМК, построенная на основе международных стандартов ИСО 9000, в том числе упомянутого нами ГОСТ Р ИСО 9001–2015 (ISO 9001:2015).

Еще одним аспектом, рассмотрение которого требуется для успешной цифровизации и повышения качества государственных и муниципальных услуг, является понимание сущности электронного правительства и его правовая поддержка. В зарубежной практике ГМУ, как и в российской, термин «электронное правительство» употребляется в различных значениях. Иногда наблюдается смешение понятий e-government («электронная власть, правление, правительство») и e-governance («электронное управление, руководство»). И. Ю. Богдановская, обращая внимание на возможности коммуникативной инфраструктуры, позволяющей взаимодействовать государственным органам и гражданам, определяет термин «электронное государство» как новый этап развития конституционного государства [7].

В широком значении этот термин применим к любым новым проектам использования информационных технологий в сфере государственного и муниципального управления, т. е. проектам электронного правительства. Их реализация предполагает оптимизацию та-

ких процессов и процедур, как предоставление гражданам, организациям различных видов информации и услуг государственных и муниципальных органов, а также подразумевает повышение прозрачности их работы, в том числе для интерактивного участия населения в принятии государственных решений.

На современном этапе в России реализуется деятельность по внедрению элементов цифровой экономики в различных сферах государственного и частного секторов. Тем не менее в регионах существуют и основные проблемы, сдерживающие ее формирование, обусловленные такими факторами, как состояние рынка (отсутствие рыночной ниши для инновационной продукции; монополизация рынка; дефицит высококачественных отечественных разработок, технологий, оборудования); состояние предприятий (отсутствие подразделений и специалистов, занимающихся инновационной деятельностью на предприятиях; низкий уровень качества маркетинговых исследований; недостаточное развитие прикладной науки и подготовки технических специалистов; недостаток энергетических мощностей или их очень высокая стоимость); несовершенство региональной инновационной системы (отсутствие полноценной информации о государственной и региональной поддержке инновационной деятельности; слабая информационная база; отсутствие региональных программ, направленных на создание и поддержку новых производств по выпуску конкурентоспособной продукции, недостаточно развитая инфраструктура инновационной деятельности в регионе); несовершенство нормативно-правовой базы и практики управления (недостаточное нормативно-правовое обеспечение; отсутствие работающего законодательства в области защиты авторских прав; отсутствие системной государственной политики в области инновационной деятельности [8; 9].

Таким образом, электронное управление определяется новой формой внутренних и внешних управленческих отношений в сфере деятельности государственных и муниципальных органов, использующих информационные и телекоммуникационные технологии. Этот общий подход прослеживается в различных определениях рассматриваемого термина в исследованиях деятельности e-government [10; 11; 12]. Моделирование сценариев межведомственного информационного взаимодействия при предоставлении государственных и муниципальных услуг должно позволить выработать и представить для практической реализации конкретные предложения, содержащие новую модель организации электронного взаимодействия.

В качестве еще одного аспекта гарантии качества в сфере ГМУ выступает вопрос удовлет-

воренности потребителей в сфере предоставления данных услуг, который имеет социальную значимость, поскольку речь идет не только об удовлетворенности той или иной услугой как таковой, но и об увеличении численности лояльных граждан (потребителей действующих или потенциальных). В этом контексте СМК должна стать тем механизмом, с помощью которого будет обеспечена устойчивая и адекватная связь с потребителями; выработана, возможно, и система оценки степени (уровня) удовлетворенности потребителей, а также уровня отклонений и т. п. (например, с помощью контрольных карт У. Шухарта и других инструментов менеджмента качества).

Безусловно, речь идет о повышении качества государственных и муниципальных услуг, как и о возможном росте удовлетворенности (или как минимум лояльности) потребителей. С учетом актуальности комплексного применения международных и национальных стандартов в условиях внедрения СМК можно говорить и о дополнительном (к ГОСТ Р ИСО 9001–2015) применении требований таких документов, как ГОСТ Р 54732–2011/ISO/TS 10004:2010 «Менеджмент качества. Удовлетворенность потребителей. Руководящие указания по мониторингу и измерению» [13]; ГОСТ Р ИСО 10001–2009 «Менеджмент качества. Удовлетворенность потребителей. Рекомендации по правилам поведения для организаций» [14]; ГОСТ Р ИСО 10002–2007 «Менеджмент организации. Удовлетворенность потребителей. Руководство по управлению претензиями в организациях» [15]; ГОСТ Р ИСО 10003–2009 «Менеджмент качества. Удовлетворенность потребителей. Рекомендации по урегулированию спорных вопросов вне организации» [16].

Специфика услуг государственного или муниципального секторов состоит в том, что в значительной степени это — коммунальные услуги различных видов и объемов, предоставляемые населению. В отличие от услуг, предоставляемых, например, учреждениями образования или здравоохранения, а также многофункциональными центрами, коммунальные услуги являются тем, в чем испытывают потребность все категории населения, независимо от половозрастной принадлежности, места проживания, социального статуса, уровня доходов.

Зарубежные специалисты отмечают особенности услуг в государственном/муниципальном секторе, которые, на наш взгляд, находят отражение и в отечественной практике. Так, к ним относятся особенности ценообразования государственных/муниципальных услуг; привилегированный характер данных услуг: в большинстве случаев гарантированный рынок сбыта, потребителей; высокая зависимость

от политических структур различного уровня, от их влияния на управление и планирование (занятость, инвестиции, управление, иное); статус и объем регламентирующих деятельность документов (который будет различен для частного сектора, государственного и муниципального); регламентация процесса закупок и выстраивание (в рамках СМК) специфической, заведомо отличной от частного сектора модели взаимоотношений с поставщиками [17].

Учитывая важность процедур обслуживания потребителей, работников государственных и муниципальных учреждений, организаций и предприятий, их можно разделить на несколько категорий:

- 1) «контактный персонал», или работники, находящиеся в непосредственном контакте с пользователями услуг, т. е. основные поставщики услуг, на основании работы которых потребитель создает мнение об организации;
- 2) «вспомогательный персонал», являющийся своего рода катализатором для потребителей, не имеет прямого влияния на производительность служб (на конечный результат — выход по процессу) и вносит вклад в достижение высокой степени удовлетворенности потребителей (например, это могут быть регистраторы, специалисты по приему документов в МФЦ и др.);
- 3) персонал высокой квалификации, участвующий, например, в разработке маркетинговых мероприятий, но не имеющий частый (непосредственный) контакт с потребителями;
- 4) прочий персонал, задействованный в большей степени в обеспечивающих процессах (бухгалтерском учете, закупках, управлении персоналом, иных) и не имеющий контакта с потребителями [17].

Внедрение СМК в данном случае, на наш взгляд, не должно вызвать особых затруднений, а система менеджмента по ISO органично дополнит существующую систему управления, опирающуюся на регламенты, показатели. Так, в организациях, связанных с обслуживанием потребителей, особенно с большой численностью персонала (МФЦ), необходимо наличие четких и нередко детальных инструкций (регламентов, стандартов организации, положений), описывающих требования к процессам, подпроцессам, а также к функциональным обязанностям работников.

Стоит четко определить ряд таких процедур и функций, как сущность заказов на выполнение работ / предоставление услуг (техническое задание); должностные инструкции (при необходимости и рабочие инструкции); рамки корпоративной культуры; систему мотивации, поощрений персонала (материальных и нема-

териальных); миссию, цели, планы и программы организации/предприятия. Рациональным вариантом может и должно стать формулирование миссии, целей с учетом действующих в данной отрасли/сфере государственных и (или) муниципальных услуг программ для обеспечения максимальной результативности и эффективности. Удовлетворенность потребителей государственными и муниципальными услугами зависит не только от качества данных услуг, но и от ряда других (внешних) факторов, т. е. необходимо понимать различие между качеством услуг и удовлетворенностью потребителя, по сути, процедурой обслуживания. Качество обслуживания потребителем может восприниматься и определяться достаточно эмоционально; вместе с тем качество услуги может быть оценено им вполне рационально.

Расширение прав и возможностей граждан путем участия в процедурах оценки предоставления государственных и муниципальных услуг должно стать стимулом к улучшению качества обслуживания, повышению удовлетворенности граждан. В то же время удовлетворенность граждан как потребителей косвенно связана с тем, какую степень лояльности они будут проявлять к государственным органам власти, к органам местного самоуправления. В любом случае оценка работы административных и общих служб связана с формирующимися у граждан общими представлениями о выполнении органами власти своих обязательств перед населением. В этом принципиальное отличие от ситуации в частном секторе в отношении исследования удовлетворенности потребителей. Однако такое исследование требуется, если государственные и муниципальные службы заинтересованы не только в поставке качественных услуг населению, но и в повышении степени лояльности населения к властям разного уровня.

Обеспечить высокое качество и экономическую эффективность государственных услуг непросто. Данный процесс включает в себя создание систем управления в организациях с правильными подходами, четко установленными способами и критериями (параметрами) оказания услуг. Кроме того, требуется сочетание грамотно разработанной политики, ее успешного осуществления, понимания потребностей граждан, технологии, соответствующих ресурсов, сформированной организационной культуры и хорошо обученного персонала.

Все это требует от граждан стать своего рода стержнем, вокруг которого поставщики государственных и муниципальных услуг будут выстраивать актуальные стратегии развития, базирующиеся на принципах эффективности и экономичности управления, направленные на выполнение требований потребителей, и в гло-

бальном аспекте — на реализацию восьми принципов менеджмента качества, а также требований ГОСТ Р ИСО 9001–2015. Если поставщик услуг (будь то государственные, муниципальные службы либо организации, действующие по договорам концессии) понимает, как услуги воспринимаются гражданами, то можно определить способы управления этих оценок, воздействуя на них в нужном направлении. Кроме того, отношения между концепцией обслуживания, предлагаемыми гражданам услугами и имеющимися у них льготами должны быть выяснены и регламентированы.

Зарубежными исследователями определены наиболее важные элементы и факторы, влияющие на качество государственных или муниципальных услуг [18]:

1. Доступ к услуге: место, расписание, время ожидания, доступность через интернет или мобильные приложения. Поэтому важно обратить внимание на общий физический доступ (например, в офис), доступ, требующий дополнительных ресурсов (например, установки пандусов), возможность временного доступа (по дополнительным расписаниям служб, адаптированных к потребностям граждан, например, в праздничные дни), удобные для заполнения формы, и, наконец, доступ с минимальными затратами для потребителя.
2. Уровень связи: руководство организации, учреждения, предприятия должно использовать подходящий язык, доступный для понимания потребителей, что важно в целях упрощения коммуникации с общественностью. Тем не менее административный язык должен соответствовать правовым требованиям, т. е. упрощение не может быть полным или произвольным.
3. Понятная административная система: разнообразие административных задач может затруднить понимание того, как работает администрация организации, учреждения, предприятия. Чтобы решить эту проблему, связанную и с обеспечением удовлетворенности потребителей, при совершенствовании СМК целесообразно работать над процессами (идентифицировать, при необходимости — упрощать, объединять или проводить декомпозицию процессов), информацией (повышением качества и количества) или проводить реинжиниринг процессов.
4. Способность обеспечить гибкий и быстрый ответ: должна быть установлена устойчивая и надежная обратная связь с потребителями. Вместе с тем административные процедуры должны быть достаточно гибкими, чтобы быстро и с минимальными затратами адаптироваться к меняющимся требованиям потребителей.

5. Восприимчивость к услугам: потребители становятся более восприимчивы, если они вовлечены в оценку сервиса.
6. Компетенция персонала, который предоставляет услуги: техническая способность подбора персонала администрацией является ключом к поставке качественных услуг.
7. Вежливость и доброжелательность сотрудников администрации: поведение персонала, находящегося в непосредственном контакте с потребителями важно, поскольку они предлагают услуги буквально «из рук в руки». Кроме того, непосредственный контакт с потребителями представителей администрации позволяет повысить лояльность первых.
8. Достоверность в поставке услуг: достоверность будет предполагать соблюдение следующих принципов, например, равное отношение, справедливость или профессионализм в области поставок услуг. Кроме того, если администрация обладает хорошим имиджем, то административные ошибки будут иметь меньшее влияние на восприятие потребителей.
9. Надежность и ответственность в поставке услуг: на восприятие качества государственных и муниципальных услуг влияет и то, что услуги должны предоставляться с последовательностью и точностью, а работники должны отвечать за конкретные цели. Все это формирует у потребителей представление об ответственности администрации организации, учреждения, предприятия, что очень ценится гражданами.
10. Поставка, безопасность и качество материальных аспектов: услуги должны быть освобождены от опасностей и ненужных рисков для граждан. Со ссылкой на это эргономичность и адаптация административных установок для людей с ограниченными возможностями играют существенную роль. Поэтому важно, чтобы и материальные аспекты предоставления услуг (такие как мебель, материалы и др.) демонстрировали заботу о качестве.

Эти элементы служат ключом к оценке потребителями государственных и муниципальных услуг, поскольку с их помощью возможно построение системы показателей по процессам СМК; построение карт (паспортов) рисков (с учетом требований ГОСТ Р ИСО 9001–2015). Актуальный вопрос в аспекте повышения качества государственных и муниципальных услуг относительно СМК по модели ISO 9001–2015 — управление рисками, что способствует выполнению стратегических и оперативных целей, а также необходимо для отчетности и выполнения заданных показателей. Эффек-

тивное управление рисками часто требует координации различных ресурсов. Комплексные модели управления рисками включают в себя собственно управление, структурную и перспективную оценку процессов, позволяющие определить все виды риска и различные элементы, к которым этот риск применим.

Пункт 6.1 стандарта ISO 9001:2015 оговаривает действия, которые следует предпринимать в отношении рисков и возможностей в СМК: определять риски и возможности, а также компоненты для обеспечения намеченных результатов СМК, для достижения улучшения; планировать ответные мероприятия. Организация должна определять круг действий, которые планируется предпринять для устранения выявленных рисков; интегрировать управление рисками и возможностями в процессы СМК конкретной организации; оценивать результативность этих действий. Организация должна определять, каким образом она сможет оценивать мероприятия в отношении рисков и возможностей. В этот процесс входит и анализ информации (раздел ISO 9.1.3), и обзор управления для оценки эффективности (раздел ISO 9.3.2).

Перечисленные выше мероприятия в отношении рисков и возможностей реализуемы при эффективном использовании внутренних аудитов СМК как инструмента для сбора данных, их систематизации, обобщения полученных сведений и планирования улучшений. Несомненно, реализация комплекса мероприятий будет возможна при внедрении как минимум элементов цифровой экономики в сфере ГМУ. Стоит отметить, что в условиях цифровизации общества внутренним аудиторам СМК так или иначе придется осуществлять комплексное применение стандартов ISO. Это будут и стандарты, и результаты исследований, применяемые в ИТ-инфраструктуре [19; 20], и стандарт ГОСТ Р ИСО 31000–2010 «Менеджмент риска. Принципы и руководство» (ISO 31000:2009) [21], устанавливающий требования в части риск-менеджмента, используемые сегодня и при проведении внутренних аудитов СМК.

Независимо от того, каким способом будут предоставляться услуги населению, будет ли это реализовано государственной или муниципальной организацией, учреждением, предприятием, посредством закупок или концессионных соглашений, следует обеспечивать удовлетворенность и лояльность потребителей. В связи с этим не стоит забывать о том, что нередко лояльность обусловлена лишь недостатком или отсутствием альтернативы, и в случае ее появления потребители при первой же возможности смогут воспользоваться услугами частного сектора. СМК должна стать не только инструментом оценки степени удовлетворенности потребителей, но и инструментом, спо-

собствующим постоянному улучшению услуг и предвосхищению ожиданий потребителей [22].

Подводя итог, отметим, что в процессе исследования выявлено, что отечественный и зарубежный опыт управления качеством в сфере ГМУ не раз становился предметом изучения российских и зарубежных авторов. Тем не менее из имеющихся исследований видно, что не в полной мере уделено внимание как вопросам применения СМК в сфере ГМУ, так и подходам, методам к разработке проекта СМК в сфере ГМУ. Лишь в последние три–пять лет российскими исследователями начал подниматься вопрос о применении международных стандартов ISO, разработки и применения стандартов ГОСТ Р в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг населению. Зарубежные исследования, на наш взгляд, сегодня полнее раскрывают этот вопрос.

Внедрение СМК в сфере ГМУ по модели ISO 9001–2015 на основе процессного подхода служит для того, чтобы улучшать качество управления различных сфер деятельности и организационно-правовых форм (в части предоставления государственных и муниципальных услуг организациями, учреждениями, унитарными предприятиями), что в итоге оказывает воздействие на качество продукции или услуги. СМК предусматривает наличие четких инструкций на все случаи жизни персонала, что коррели-

рует с процедурами разработки регламентов в различных областях ГМУ, а также создание модели организации, где каждая услуга или процесс получения продукции/услуги рассматривается как звено непрерывной цепочки, в конце которой находится потребитель. При этом повышение эффективности должно обеспечивать и удовлетворенность потребителей государственных и муниципальных услуг, а также способствовать росту лояльности граждан в целом.

Внедрение СМК предполагает появление новых горизонтальных связей и отношений, направленных на снятие межфункциональных барьеров и установления отлаженной обратной связи с потребителями. Чтобы регламент был не просто четким, а еще и адекватным, проводятся коррекции / корректирующие действия, меры воздействия на риски для совершенствования процессов СМК. Таким образом, СМК может превратиться в эффективный инструмент, необходимый для улучшения качества деятельности органов ГМУ в целом и непосредственно услуг. Наряду со снижением административных барьеров внедрение СМК по модели международного стандарта ISO 9001:2015, а также комплексное применение ряда других стандартов ISO повлечет повышение качества, доступности государственных и муниципальных услуг с учетом актуальных требований цифровизации общества.

Литература

1. Ушакова Е. В. Развитие цифровой экономики на региональном уровне: проблемы и пути решения // Технологическая перспектива в рамках Евразийского пространства: новые рынки и точки экономического роста: материалы 3-й междунар. науч. конф. СПб.: Астерион, 2017. С. 29–33.
2. Ушакова Е. В., Воронина Е. В., Фугалевич Е. В. Эффективность деятельности органов государственного и муниципального управления как основа развития региона // Экономика и управление. 2018. № 3 (149). С. 35–44.
3. Луговской Р. А., Михайлов Е. В. Проблемы государственного регулирования предпринимательской деятельности управляющих компаний в жилищной сфере // Экономика и управление. 2019. № 5. С. 75–80.
4. Костин Г. А., Юшкова В. В. Государственные и муниципальные услуги: совершенствование системы предоставления // Современные аспекты состояния и перспективы развития государственной региональной политики России и Германии: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПбУТУиЭ, 2019. С. 99–105.
5. Борисова Т. А., Дмитриев В. Я. Повышение эффективности и качества образовательных услуг на основе совершенствования системы менеджмента качества образовательной организации и комплексного применения стандартов ISO // Экономика и управление. 2017. № 8 (142). С. 20–28.
6. ГОСТ Р ИСО 9001–2015. Системы менеджмента качества. Требования [Электронный ресурс]: утв. приказом Росстандарта от 28 сент. 2015 г. № 1391-ст // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194941/ (дата обращения: 15.09.2019).
7. Богдановская И. Ю. Конституционное право в условиях информационного общества (зарубежный опыт) // Административное и информационное право: состояние и перспективы развития: сб. статей. М.: Изд-во Академического правового ун-та, 2003. С. 252–253.
8. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения: 15.09.2019).
9. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 28 июня 2017 г. № 1632-р. // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения: 15.09.2019).

10. Талапина Э. В. Информационная функция государства // Административное и информационное право: состояние и перспективы развития: сб. статей. М.: Изд-во Академического правового ун-та, 2003. С. 248.
11. Стырин Э. М. Региональное электронное правительство в России // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2006. № 1. С. 70–80.
12. Приходько Л. В. Зарубежный опыт внедрения и использования системы «электронный суд» (e-court) // Государство и право. 2007. № 9. С. 82–86.
13. ГОСТ Р 54732–2011/ISO/TS 10004:2010. Менеджмент качества. Удовлетворенность потребителей. Руководящие указания по мониторингу и измерению [Электронный ресурс]: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 13 дек. 2011 г. № 901-ст // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=20#012025914323619169> (дата обращения: 15.09.2019).
14. ГОСТ Р ИСО 10001–2009. Менеджмент качества. Удовлетворенность потребителей. Рекомендации по правилам поведения для организаций [Электронный ресурс]: утв. приказом Ростехрегулирования от 27 мая 2009 г. № 166-ст // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=12146#062039848558604> (дата обращения: 15.09.2019).
15. ГОСТ Р ИСО 10002–2007. Менеджмент организации. Удовлетворенность потребителей. Руководство по управлению претензиями в организациях [Электронный ресурс]: утв. и введен в действие приказом Ростехрегулирования от 31 окт. 2007 г. № 283-ст // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=9149#06242966664388028> (дата обращения: 15.09.2019).
16. ГОСТ Р ИСО 10003–2009. Менеджмент качества. Удовлетворенность потребителей. Рекомендации по урегулированию спорных вопросов вне организации [Электронный ресурс]: утв. приказом Ростехрегулирования от 27 мая 2009 г. № 167-ст // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=12188#008163732370530296> (дата обращения: 15.09.2019).
17. Rodríguez P. G., Burguete J. L. V., Vaughan R., Edwards J. The Transformation of Municipal Services: Towards Quality in the Public Sector // Theoretical and Applied Economics. 2009. No. 2. P. 3–16.
18. Rodríguez P. G., Burguete J. L. V., Vaughan R., Edwards J. Quality Dimensions in the Public Sector: Municipal Services and Citizen's Perception // International Review on Public and Nonprofit Marketing. 2009. Vol. 6. No. 1. P. 75–90. DOI: 10.1007/s12208-009-0030-0
19. ГОСТ Р ИСО / МЭК 27007–2014. Информационная технология. Методы и средства обеспечения безопасности. Руководства по аудиту систем менеджмента информационной безопасности [Электронный ресурс]: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 1 июня 2014 г. № 563-ст // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=7974#05268100014374499> (дата обращения: 15.09.2019).
20. Gantz S. D. The Basics of IT Audit: Purposes, Processes and Practical Information. Elsevier. 2014. 270 p.
21. ГОСТ Р ИСО 31000–2010. Менеджмент риска. Принципы и руководство [Электронный ресурс]: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 21 дек. 2010 г. № 883-ст. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=16552#07914979079891911> (дата обращения: 15.09.2019).
22. Ushakova E. V. Borisova T. A. Implementation of the Project by Quality Management System as a Tool to Improve the Efficiency of Providing Public and Municipal Services // Современные аспекты состояния и перспективы развития государственной региональной политики России и Германии: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПбУТУиЭ, 2019. С. 16–19.

References

1. Ushakova E. V. Development of the digital economy at the regional level: Problems and solutions. In: Technological perspective within the Eurasian space: New markets and points of economic growth. Proc. Int. sci. conf. St. Petersburg: Asterion; 2017:29-33. (In Russ.).
2. Ushakova E. V., Voronina E. V., Fugalevich E. V. The effectiveness of public and local administration as the basis of regional development. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2018;(3):35-44. (In Russ.).
3. Lugovskoi R. A., Mikhailov E. V. Problems of government regulation of the business activity of housing management companies. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(5):75-80. (In Russ.).
4. Kostin G. A., Yushkova V. V. State and municipal services: Improving the delivery system. In: Modern aspects of the state and development prospects of the state regional policy of Russia and Germany. Proc. Int. sci.-pract. conf. St. Petersburg: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics; 2019:99-105. (In Russ.).
5. Borisova T. A., Dmitriev V. Ya. Increasing the efficiency and quality of educational services: Improvement of their quality management systems with complex implementation of ISO standards. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2017;(8):20-28. (In Russ.).
6. GOST R ISO 9001-2015. Quality management systems. Requirements (IDT). Approved by the order of Rosstandart on September 28, 2015 No. 1391-st. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194941/ (accessed on 15.09.2019). (In Russ.).

7. Bogdanovskaya I. Yu. Constitutional law in the information society (foreign experience). In: Administrative and information law: State and development prospects. Coll. articles. Moscow: Academic Law University; 2003:252-253. (In Russ.).
8. On the economic security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (accessed on 15.09.2019). (In Russ.).
9. On approval of the "Digital Economy of the Russian Federation" program. Decree of the Government of the Russian Federation of June 28, 2017 No. 1632-r. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (accessed on 15.09.2019). (In Russ.).
10. Talapina E. V. Information function of the state. In: Administrative and information law: State and development prospects. Coll. articles. Moscow: Academic Law University; 2003:248. (In Russ.).
11. Styurin E. M. Regional e-government in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) = Moscow State University Bulletin. Series 21: Public Administration*. 2006;(1):70-80. (In Russ.).
12. Prihod'ko L. V. Foreign experience in introducing and using the electronic court system (e-court). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2007;(9):82-86. (In Russ.).
13. GOST R 54732-2011/ISO/TS 10004:2010. Quality management. Customer satisfaction. Guidelines for monitoring and measuring. Approved and enforced by order of Rosstandart of December 13, 2011 No. 901-st. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=20#012025914323619169> (accessed on 15.09.2019). (In Russ.).
14. GOST R ISO 10001-2009. Quality management. Customer satisfaction. Guidelines for codes of conduct for organizations. Approved by the order of the Russian Technical Regulation on May 27, 2009 No. 166-st. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=12146#062039848558604> (accessed on 15.09.2019).
15. GOST R ISO 10002-2007. Organization management. Customer satisfaction. Guidelines for complaints handling in organizations. Approved and enforced by order of the Russian Technical Regulation on October 31, 2007 No. 283-st. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=9149#06242966664388028> (accessed on 15.09.2019).
16. GOST R ISO 10003-2009. Quality management. Customer satisfaction. Guidelines for dispute resolution external to organizations. Approved by the order of the Russian Technical Regulation on May 27, 2009 No. 167-st. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=12188#008163732370530296> (accessed on 15.09.2019). (In Russ.).
17. Rodríguez P. G., Burguete J.L.V., Vaughan R., Edwards J. The transformation of municipal services: Towards quality in the public sector. *Theoretical and Applied Economics*. 2009;(2):3-16. URL: <http://www.store.ectap.ro/articole/365.pdf>
18. Rodríguez P. G., Burguete J.L.V., Vaughan R., Edwards J. Quality dimensions in the public sector: Municipal services and citizen's perception. *International Review on Public and Nonprofit Marketing*. 2009;6(1):75-90. DOI: 10.1007/s12208-009-0030-0
19. GOST R ISO/IEC 27007-2014. Information technology. Security techniques. Guidelines for information security management systems auditing. Approved and enforced by order of Rosstandart dated June 1, 2014 No. 563-st. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=OTN&n=7974#05268100014374499> (accessed on 15.09.2019). (In Russ.).
20. Gantz S. D. The basics of IT audit: Purposes, processes and practical information. Waltham, MA: Syngress Books; 2014. 270 p.
21. GOST R ISO 31000-2010. Risk management. Principles and guidelines. Approved and enforced by order of Rosstandart of December 21, 2010, No. 883-st. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=16552#07914979079891911> (accessed on 15.09.2019). (In Russ.).
22. Ushakova E. V. Borisova T. A. Implementation of the project by quality management system as a tool to improve the efficiency of providing public and municipal services. In: Modern aspects of the state and development prospects of the state regional policy of Russia and Germany. Proc. Int. sci.-pract. conf. St. Petersburg: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics; 2019:16-19.

Роль стандартизации как ключевого инструмента экономики качества в развитии интеграции Евразийского экономического союза

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-14-19

УДК 339.924

Окрепилов Владимир Валентинович

научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН (ИПРЭ РАН),
руководитель Центра региональных проблем экономики качества ИПРЭ РАН,
доктор экономических наук, академик РАН
190013, Санкт-Петербург, Серпуховская ул., д. 38, e-mail: okrepilov@test-spb.ru

Гридасов Андрей Григорьевич

главный специалист Института проблем региональной экономики РАН
190013, Санкт-Петербург, Серпуховская ул., д. 38

Статья посвящена опыту формирования нормативно-правовых основ интеграции стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на примере стандартизации как одного из ключевых инструментов экономики качества.

Цель. Проанализировать основные решения органов управления ЕАЭС и стран-участниц по повышению роли стандартизации в экономической интеграции союза за пятилетний период его деятельности.

Задачи. Определить эффективные методы развития стандартизации для интеграции стран ЕАЭС и наиболее проблемные аспекты в этой сфере для их учета в качественном укреплении экономики союза.

Методология. С помощью общих методов научного познания рассмотрена деятельность органов управления ЕАЭС и стран-участниц по созданию системы экономической интеграции союза в переходный период его деятельности от обособленных национальных рынков к единому (общему) рынку.

Результаты. За пятилетие деятельности Евразийского экономического союза в сфере стандартизации создана необходимая организационная и правовая основа для обеспечения успешного развития интеграционных процессов. Модернизировано национальное законодательство о стандартизации с учетом гармонизации этих законов. В ближайшие пять–шесть лет предстоит завершить разработку межгосударственных стандартов к 40 техническим регламентам, что создаст нормативно-правовую базу для беспрепятственного взаимодействия всех участников единого (общего) рынка ЕАЭС.

Выводы. Анализ деятельности в сфере стандартизации позволяет утверждать о достаточно продуманной и согласованной политике стран ЕАЭС в создании необходимых условий для преодоления правовых и административных барьеров в движении товаров и услуг на общем экономическом пространстве ЕАЭС.

Ключевые слова: стандартизация, экономика качества, Евразийский экономический союз, единый (общий) рынок ЕАЭС, форум «Стандартизация–2019».

Для цитирования: Окрепилов В. В., Гридасов А. Г. Роль стандартизации как ключевого инструмента экономики качества в развитии интеграции Евразийского экономического союза // *Экономика и управление*. 2019. № 11 (169). С. 14–19. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-14-19

The Role of Standardization as a Key Tool of Quality Economics in the Development of Integration of the Eurasian Economic Union

Vladimir V. Okrepilov

Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (IRES RAS)
Serpukhovskaya St. 38, St. Petersburg, Russian Federation, 190013, e-mail: okrepilov@test-spb.ru

Andrey G. Gridasov

Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (IRES RAS)
Serpukhovskaya St. 38, St. Petersburg, Russian Federation, 190013

The presented study examines the experience of forming a regulatory framework for the integration of the Eurasian Economic Union (EAEU) member states through the example of standardization as one of the key tools of quality economics.

Aim. The study analyzes the major solutions of the EAEU authorities and member countries aimed at increasing the role of standardization in the economic integration of the Union over five years of its existence.

Tasks. The authors identify efficient methods for developing standardization for the integration of the EAEU states as well as the most problematic aspects in this field that need to be taken into account in the qualitative strengthening of the Union's economy.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition to examine the activities of the EAEU authorities and member states aimed at creating a system for the economic integration of the Union during a period of its transition from separate national markets towards a single (common) market.

Results. Over five years of operation in the field of standardization, the Eurasian Economic Union has created the necessary organizational and legal framework to ensure the successful development of integration processes. The national legislation on standardization has been modernized with allowance for the harmonization of these laws. In the next five-six years, the development of international standards for 40 technical regulations is expected to be completed, which would create a regulatory framework for unhindered interaction between all participants of the single (common) EAEU market.

Conclusions. The analysis of activities in the field of standardization reveals a sufficiently thought-out and coordinated policy of the EAEU states in creating the necessary conditions for overcoming legal and administrative barriers in the movement of goods and services within the common economic space of the EAEU.

Keywords: *standardization, quality economics, Eurasian Economic Union, single (common) EAEU market, Forum Standardization–2019.*

For citation: Okrepilov V. V., Gridasov A. G. The Role of Standardization as a Key Tool of Quality Economics in the Development of Integration of the Eurasian Economic Union. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(11): 14–19. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-14-19

За пять лет, прошедших с момента вступления в силу договора о создании Евразийского экономического союза, пройден значительный путь в согласовании экономической политики стран — участниц ЕАЭС. Создан и развивается общий рынок, нацеленный на свободное передвижение товаров и услуг, капитала и рабочей силы на территории пяти государств (Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России) с общим населением свыше 184 млн человек.

Этот процесс в значительной степени стимулировало принятие и вступление в силу с 1 января 2018 г. единого Таможенного кодекса ЕАЭС, что позволило снять таможенные пошлины с товаров, производимых в странах союза при пересечении ими национальных границ внутри территории ЕАЭС. На заседании Высшего Евразийского экономического совета, состоявшемся 1 октября 2019 г. в Ереване, утверждена Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза [1].

Концепция предполагает разработку правовых основ функционирования единого финансового рынка в трех ведущих секторах (банковском, рынка ценных бумаг и страховом), что обеспечит возможность упрощенного и недискриминационного доступа субъектов финансового рынка на рынки друг друга. При этом в первом периоде (до 2025 г.) будут определены согласованные подходы к взаимному признанию лицензий посредством реализации

механизма стандартизированной лицензии для учреждения юридического лица в банковском и страховом секторе, а также к трансграничной поставке финансовых услуг в секторе рынка ценных бумаг в рамках общего финансового рынка. Во втором периоде (после 2025 г.) планируется продолжить работу по гармонизации законодательства государств-членов в сфере финансового рынка в целях дальнейшего углубления их финансовой интеграции. Концепция предполагает, кроме того, создание общего биржевого и платежного пространства.

На заседании в Ереване также принято распоряжение «О гармонизации законодательства государств — членов Евразийского экономического союза в сфере транспортировки и поставки газа между государствами-членами». Тем самым сделан существенный шаг к созданию единого для союза рынка газа, нефти и нефтепродуктов, который в ближайшее время может быть дополнен соглашением о начале формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС. Завершить эту работу планируется к 2025 г. Аналогичные действия предполагается осуществить на рынке труда, транспортных услуг и в других сферах экономики союзных стран. Таким образом, в ближайшие несколько лет планируется в основном завершить разработку правовых документов, обеспечивающих к 2025 г. функционирование и развитие единого экономического пространства ЕАЭС на базе согласованного и принятого всеми странами — членами союза наднацио-

Действующие законы в сфере стандартизации в странах Евразийского экономического союза

Республика Армения	«О стандартизации» от 5 марта 2012 г. № ЗР-21	Действует с изменениями в редакции законов Республики Армения от 25 мая 2013 г. № ЗР-40, 27 марта 2017 г. № ЗР-77
Республика Беларусь	«О техническом нормировании и стандартизации» (новая редакция) от 24 октября 2016 г. № 436-З	Вступил в силу 30 июля 2017 г.
Республика Казахстан	«О стандартизации» от 5 октября 2018 г. № 183-VI ЗРК	Вступил в силу 11 апреля 2019 г.
Кыргызская Республика	«Об основах технического регулирования в Кыргызской Республике» от 22 мая 2004 г. № 67	Вступил в силу 1 декабря 2004 г. Действует с изменениями в редакции Законов Кыргызской Республики от 16 ноября 2009 г. № 299, 14 октября 2011 г. № 171, 15 ноября 2014 г. № 153, 25 декабря 2014 г. № 163, 30 декабря 2015 г. № 230, 2 августа 2017 г. № 167, 29 марта 2019 г. № 40
Российская Федерация	«О стандартизации в Российской Федерации» от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ	Действует с изменениями в редакции Законов Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 104-ФЗ, 3 июля 2016 г. № 296-ФЗ

нального законодательства, регулирующего отношения во всех секторах единого рынка.

В ст. 2 Договора о Евразийском экономическом союзе понятие «единое экономическое пространство» определено как «пространство, состоящее из территорий государств-членов, на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура»; а понятие «общий (единый) рынок» — как «совокупность экономических отношений в рамках союза, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы» [2]. Эти понятия являются ключевыми в успешном осуществлении социально-экономической интеграции в рамках ЕАЭС.

Важнейшую роль в этом процессе призваны сыграть главные инструменты экономики качества — стандартизация, метрология, управление качеством [3; 4]. При этом на стадии объединительных процедур в экономике стран ЕАЭС, которые намечено провести в ближайшие пять–шесть лет, решающее внимание необходимо уделить развитию единой системы технического регулирования, основанной на стандартизации.

После распада Советского Союза хозяйственные связи между республиками бывшего СССР, входящими ныне в ЕАЭС, существенно ослаблены. Законодательство в сфере технического регулирования в каждой из стран развивалось параллельно друг другу, исходя из особенностей и уровня национальной экономики, что привело к определенным нестыковкам и противоречиям между принятыми в странах решениями в области стандартизации и технического регулирования. Данные противоречия стали устраняться в отношениях Белоруссии,

Казахстана и России после создания с участием этих стран Таможенного союза в декабре 2010 г. в рамках деятельности Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), которое явилось предшественником создания Евразийского экономического союза. Вхождение в ЕАЭС Армении и Киргизии заставило интенсифицировать работу по преодолению барьеров в развитии единой системы технического регулирования и стандартизации путем принятия новых законов и изменений в действующих в целях гармонизации национального законодательства внутри этого нового союза, как видно из таблицы 1.

Соответствующая деятельность организована на основе определения и принятия 35 наиболее важных технических регламентов, применение которых в каждой из стран, вошедших в ЕАЭС, становилось обязательным после завершения переходного периода, установленного для каждого из регламентов. Такой подход позволял постепенно осваивать более высокие технические требования межгосударственных регламентов. В переходный период продолжали руководствоваться при производстве продукции требованиями национальных регламентов. Но процесс перехода был достаточно кратким, и в течение двух лет в отношении 31 из 35 технических регламентов переходные периоды завершили. В целом в 2018 г. около 95 % продукции, выпускаемой в странах ЕАЭС, подпадали под действие межгосударственных технических регламентов. Введение единых технических регламентов в рамках ЕАЭС с самого начала и с определенным опережением сопровождалось разработкой межгосударственных стандартов. Эта работа проводилась на начальном этапе силами специалистов Белоруссии, Казахстана и России, которые за короткий срок подготовили всего почти две тысячи межгосударственных стандартов.

В настоящее время в ЕАЭС утверждены перечни стандартов к 40 техническим регламентам и приняты программы по разработке межгосударственных стандартов к ним. В целом общий перечень стандартов, которые необходимо принять для обеспечения соблюдения требований единых технических регламентов ЕАЭС, содержит более 12 000 позиций, причем около 7 000 из них — межгосударственные стандарты. Предусмотрена и разработка около 3 000 государственных стандартов.

Наиболее детально и глубоко проработанными оказались межгосударственные стандарты в сфере транспорта и электротехники. Они практически в полной мере совпадают с требованиями аналогичных стандартов Европейского союза. Вместе с тем выработка единых подходов к оценке продукции пищевой и легкой промышленности, согласно установленным требованиям, происходит значительно сложнее. Одна из причин — наличие большого количества органов по сертификации, порой выдающих недобросовестные заключения. В связи с этим принято решение о пересмотре реестра органов по сертификации, чтобы в него входили только те структуры, заключения которых о соответствии продукции установленным требованиям не вызывают нареканий участников потребительского рынка.

Для более эффективной координации деятельности в области стандартизации как ключевого элемента ускорения экономической интеграции стран ЕАЭС 14 мая 2018 г. Высший Евразийский экономический совет принял решение о создании Совета руководителей государственных (национальных) органов по стандартизации государств — членов Евразийского экономического союза [5]. Совет руководителей призван способствовать устранению ограничений на внутреннем рынке ЕАЭС, содействовать согласованным действиям по совершенствованию направлений развития стандартизации в рамках союза; обеспечивать разработку (пересмотр) в приоритетном порядке межгосударственных стандартов, выработку механизма постоянного обновления межгосударственных стандартов, включенных в перечни стандартов, на базе передовых международных и региональных стандартов; инициировать изучение сотрудниками государственных (национальных) органов опыта государств-членов и международного опыта в области стандартизации, осуществлять другие функции, предусмотренные положением о данном совете.

На очередной встрече руководителей национальных органов по стандартизации, прошедшей в ноябре 2019 г. в Казахстане, обсуждался проект основных направлений межгосударственной стандартизации, метрологии, аккредитации на период до 2030 г. С более широким

участием специалистов вопросы современного состояния и стратегии развития важнейшей отрасли экономики рассматривались на состоявшемся 10–11 октября в Санкт-Петербурге первом национальном форуме «Стандартизация–2019». Помимо руководителей государственных органов по стандартизации всех пяти стран, входящих в ЕАЭС, в нем приняли участие и коллеги из большинства стран СНГ, а также Китая, США и ряда других стран, представители международных организаций и объединений в сфере стандартизации, технических комитетов, известные российские и зарубежные эксперты, предприниматели и общественные деятели [6].

Из обширного спектра состоявшихся дискуссий выделим наиболее содержательные оценки роли, проблем и перспектив развития стандартизации в ближайшие годы:

- стандартизация в современных условиях выступает катализатором очередного этапа промышленной революции, обеспечивая качественный переход к новым цифровым технологиям на основе согласованных стандартов;
- за последние 50 лет в стандартизации использовано пять различных поколений представления информации, от бумажных носителей, где в свою очередь существовало семь различных форматов, до цифровых технологий, которые позволяют в 50 раз увеличить экономию и повысить эффективность затрат потребителей на получение и применение информации по стандартизации по сравнению с эпохой бумажных носителей; необходимо учитывать, что различные уровни технологий продолжают существовать одновременно, и для удобства конечных пользователей целесообразно применять все из них, убеждая клиентов органов стандартизации переходить на самые передовые технологии;
- при переводе торгово-экономических отношений в электронную форму взаимодействия хозяйствующих субъектов могут возникать так называемые цифровые барьеры, что, в частности, проявляется при проведении торговых операций в рамках ЕАЭС; электронные цифровые подписи в отдельных странах союза и механизм их подтверждения пока регулируются отличными друг от друга нормами и стандартами. Не получая ввиду этих различий подтверждения своей электронной цифровой подписи в конкретной стране по ее правилам, представитель бизнеса другого государства — члена ЕАЭС несет существенные издержки, поскольку ограничен в участии в экономических процессах в этой стране;
- новые технологии порождают все новые области стандартизации, связанные с раз-

витием робототехники, производством экзоскелетов, ростом и расширением сфер применения «умных» электросетей, управляющих систем, программных комплексов и уникальных информационных технологий. В ближайшее десятилетие острее будет возникать дилемма: стандарты для человека или для машины. Стремительное развитие искусственного интеллекта усилит потребность в машиносоздаваемых, машиночитаемых и машиноприменяемых стандартах;

- наряду с развитием технологий нового уровня и принятием соответствующих им стандартов требуется решительный пересмотр всего комплекса стандартов и отказ от тех из них, которые консервируют технологическую отсталость различных отраслей экономики;
- национальная система стандартизации в России и в рамках ЕАЭС нуждается в более динамичном развитии сотрудничества с международными организациями в сфере стандартизации; сегодня введение международных стандартов в России и других странах союза проходит зачастую очень долго, в течение двух–трех лет, когда многие стандарты успевают устареть. Одна из существенных причин этого — недостаток специалистов, владеющих иностранными языками на уровне детального знания специальных терминов, что приводит к задержкам переводов текстов стандартов, техническим неточностям и искажениям формулировок;
- стандарт как важнейший инструмент совершенствования производственной цепочки и повышения качества выпускаемой продукции представляет собой результат интеллектуального труда, направленного на масштабирование производственной деятельности по предложенным в стандарте правилам. Труд по разработке и принятию стандартов, их внедрению в производство следует рассматривать как специальный вид интеллектуальной деятельности, нуждающийся в достойном вознаграждении. На форуме прозвучали предложения о готовности крупных предприятий производить отчисления средств на деятельность по принятию новых стандартов, способствующих повышению эффективности производства и выпуску более совершенной продукции, пользующейся повышенным спросом;
- наряду с совершенствованием практики по разработке межгосударственных стандартов,

крайне важным в ЕАЭС должно стать направление, связанное с объективной оценкой применимости стандартов; наиболее остро стоит вопрос борьбы с контрафактной продукцией, масштабы которой постоянно растут.

По данным статистики таможенных служб стран ЕАЭС, в 2018 г. выявлено 17,3 млн единиц контрафактной продукции, т. е. на 54 % больше, чем в 2017 г. (11,2 млн единиц), и на 73 % больше по сравнению с 2014 г. (10 млн единиц). На состоявшемся в ноябре 2019 г. в Ереване международном форуме «Антиконтрафакт–2019» член Коллегии (министр) по экономике и финансовой политике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Тимур Жаксылыков предложил создать Единую систему учета информации о выявляемых случаях ввоза, производства и реализации контрафактной продукции, а также незаконного распространения объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет [7]. Такая мера будет способствовать защите интересов добросовестных производителей продукции и услуг и создавать дополнительный заслон нарушителям законодательства. При этом роль стандартизации в противодействии незаконному обороту промышленной и сельскохозяйственной продукции в рамках ЕАЭС должна стать более наступательной, а практика применения стандартов постоянно анализироваться.

Заместитель главы Государственной администрации по стандартизации Китайской Народной Республики Гу Баоцзон, представляя на форуме «Стандартизация–2019» в Санкт-Петербурге роль стандартизации в осуществлении экономических преобразований в Китае, подчеркнул, что одна из основных обязанностей его администрации состоит в организации и реализации стратегии качественного укрепления страны.

Такое понимание предназначения стандартизации полностью совпадает с ведущими положениями научной теории и практики экономики качества о том, что стандартизация вкупе с метрологией и управлением качеством составляют основу развития современной инфраструктуры качества. Странам ЕАЭС в ближайшие годы предстоит объединить усилия в создании соответствующей инфраструктуры, которая позволит не только ускорить процесс экономической интеграции в ЕАЭС, но и создать условия для повышения конкурентоспособности экономики всех стран, входящих в союз.

Литература

1. Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72702744/> (дата обращения: 05.09.2019).

2. *Договор* о Евразийском экономическом союзе. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 05.09.2019).
3. *Окрепилов В. В.* Экономика качества. СПб.: Наука, 2011. 632 с.
4. *Управление качеством: учеб. пособие* / под. ред. В. В. Окрепилова. СПб.: Политех-Пресс, 2019. 231 с.
5. *О Совете* руководителей государственных (национальных) органов по стандартизации государств — членов Евразийского экономического союза. URL: <http://docs.cntd.ru/document/557449052> (дата обращения: 05.09.2019).
6. *Стандартизация 2019*: трансляции форума // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. 2019. 10 окт. URL: <https://www.prilib.ru/live-standart2019-1> (дата обращения: 05.09.2019).
7. *В ЕАЭС* предложили создать единую систему учета контрафактной продукции // Евразийская экономическая комиссия. 2019. 12 нояб. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/12-11-2019-1.aspx> (дата обращения: 12.09.2019).

References

1. The concept of forming a common financial market of the Eurasian Economic Union. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72702744/> (accessed on 05.09.2019). (In Russ.).
2. Eurasian Economic Union Treaty. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed on 05.09.2019). (In Russ.).
3. Okrepilov V. V. The economics of quality. St. Petersburg: Nauka; 2011. 632 p. (In Russ.).
4. Okrepilov V. V., ed. Quality management. St. Petersburg: Politekh-Press; 2019. 231 p. (In Russ.).
5. On the Council of heads of state (national) standardization bodies of the member states of the Eurasian Economic Union. URL: <http://docs.cntd.ru/document/557449052> (accessed on 05.09.2019). (In Russ.).
6. Standardization 2019: Broadcasts from the forum. B.N. Yeltsin Presidential library. Oct. 10, 2019. URL: <https://www.prilib.ru/live-standart2019-1> (accessed on 05.09.2019). (In Russ.).
7. The EAEU proposed to create a unified accounting system for counterfeit products. Eurasian Economic Commission. Nov. 12, 2019. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/12-11-2019-1.aspx> (accessed on 12.09.2019). (In Russ.).

Финансирование устойчивого развития: глобальный подход и национальные решения

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-20-32

УДК 330.34:504

Аносова Людмила Александровна

начальник отдела — заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН,
доктор экономических наук, профессор, почетный профессор СПбУТДиЭ
119991, Москва, Ленинский пр., д. 32а, e-mail: anosova@vmail.ras.ru

Кабир Людмила Сергеевна

главный научный сотрудник Научно-исследовательского финансового института
Министерства финансов РФ, доктор экономических наук, профессор, профессор РАН
127006, Москва, Настасьинский пер., д. 3, стр. 2, e-mail: lkabir@yandex.ru

В статье проанализированы общие причины формирования концепции устойчивого развития и основанной на ней «зеленой» экономики, а также рассмотрены вопросы влияния перехода к «зеленой» экономике на финансовые рынки и стратегии развития стран.

Цель. Систематизировать информацию о роли концепции устойчивого развития в формировании новой модели экономического роста.

Задачи. Обобщить историю становления понятий «устойчивое развитие» и «зеленая экономика»; выявить трансформации финансовых рынков и изменения в инвестиционном процессе, вызванные переходом к «зеленой» экономике; описать формирующуюся систему регулирующего воздействия на инвесторов и финансовые рынки, складывающуюся в процессе перехода к «зеленой» экономике; обобщить современный опыт стран в части интеграции темы устойчивого развития и «зеленой» экономики в национальные стратегические планы.

Методология. С помощью общих методов научного познания выявлены и охарактеризованы особенности финансирования устойчивого развития в глобальном масштабе, а также его отражение в национальной политике стран.

Результаты. Описана трансформация понятия «устойчивое развитие», обусловленная интеграцией в его контур ESG-критериев и понятия «зеленой» экономики. Выявлены направления трансформационного воздействия концепции устойчивого развития на финансовые рынки и инвестиционное поведение хозяйствующих субъектов. Предложено описание системы, через которую проводится регулирующее воздействие на инвесторов и финансовые рынки (структура, уровни, ключевые организации). Уточнены задачи, решаемые странами, вставшими на путь устойчивого развития и «зеленого» экономического роста. Обобщены основные направления и меры, предпринимаемые странами с целью формирования политики финансирования устойчивого развития.

Выводы. Несмотря на то, что страны существенно различаются по количественным и качественным характеристикам факторов, воздействующих на формирование национальных приоритетов, они демонстрируют одинаковые подходы в части формирования политики, направленной на финансирование устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, «зеленая» экономика, финансирование устойчивого развития, ООН, ЮНЭП, ESG-критерии, инвестиции, модернизация, национальные финансовые рынки.

Для цитирования: Аносова Л. А., Кабир Л. С. Финансирование устойчивого развития: глобальный подход и национальные решения // Экономика и управление. 2019. № 11 (169). С. 20–32. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-20-32

Financing of Sustainable Development: Global Approach and National Solutions

Lyudmila A. Anosova

Social Sciences Division of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
Leninskiy Ave 32/A, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: anosova@vmail.ras.ru

Lyudmila S. Kabir

Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Moscow)
Nastas'inskiy Lane 3, Bld. 2, Moscow, Russian Federation, 127006, e-mail: lkabir@yandex.ru

The article analyzes general reasons of formation of the sustainable development concept and “green” economics based on it, as well as examines the issues of effect of transition to “green” economics on the financial markets and strategies of development of the countries.

Aim. To systemize information about the role of sustainable development concept in designing the new model of economic growth.

Objectives. To summarize the history of establishing the concepts of “sustainable development” and “green economics”, to find out transformations of financial markets and changes in the investment process caused by transition to “green” economics; to describe the developing system of the governing effect on investors and financial markets that is being established in transition to “green” economics; to summarize contemporary experience of the countries in terms of integration of the topic of sustainable development and “green” economics into the national strategic plans.

Methods. The features of financing of sustainable development in a global scale were identified and characterized by means of both methods of scientific inquiry, as well as its representation in the national policy of the countries.

Results. Transformation of the concept of “sustainable development” stipulated by integration of ESG-criteria, as well as the concept of “green” economics was described. Areas of transformation effect of the concept of sustainable development on financial markets and investment behavior of the economic entities were identified. Description of the system is proposed, through which the governing effect on investors and financial markets (structure, levels, and key companies) is made. Objectives of the countries that entered on the path of sustainable development and “green” economic growth are specified. The main areas and measures taken by the countries for establishing the policy of sustainable development financing are summarized.

Conclusions. Despite that the countries significantly differ in quantitative and qualitative characteristics of the factors affecting development of the national priorities, they demonstrate similar approaches to establishing the policy aimed at financing of sustainable development.

Keywords: sustainable development, “green” economics, financing of sustainable development, UN, UNEP, ESG-criteria, investments, modernization, national financial markets.

For citation: Anosova L. A., Kabir L. S. Financing of Sustainable Development: Global Approach and National Solutions. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(11):20–32 (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-20-32

Введение

Самым первым определением устойчивого развития (англ. *sustainable development*) и одновременно наиболее распространенным является его определение как «удовлетворение потребностей нынешнего поколения без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [1]. Оно было дано в 1987 г. в докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию, которая создана Организацией Объединенных Наций (ООН) в 1983 г. в связи с растущей озабоченностью ухудшением состояния окружающей среды и последствиями ухудшения экономического и социального развития [2]. В последующие годы данное определение развивалось и уточнялось, поскольку развивалась практика его применения [3; 4; 5].

К числу наиболее значимых изменений следует отнести произошедшее в конце 1990-х гг. обновление трактовки устойчивого развития за счет интеграции в ее контур ESG-критериев [4, с. 40]. ESG-критерии (акроним от английского Environmental, Social, Corporate Governance, ESG) — это критерии экологического, социального и корпоративного управления, под которыми подразумеваются правила принятия решений при оценке деятельности компании, используемые ответственными инвесторами для определения объекта инвестиций. В общих чертах экологические критерии позволяют установить,

каким образом компания выступает в качестве распорядителя естественной среды. Социальные критерии определяют, как компания управляет отношениями со своими сотрудниками, поставщиками, клиентами и сообществами, в которых она работает. Корпоративное управление характеризует действия руководства компании в отношении исполнения обязательств по заработной плате, аудита и внутреннего контроля, а также соблюдения прав акционеров.

Следует отметить, что у инвесторов существует некая степень свободы при формировании набора факторов ESG, на основе которых формируются критерии. В качестве примера можно привести комбинацию факторов, предлагаемую РwC, что находит отражение на рисунке 1. Хотя наблюдается определенная тенденция в этой сфере, но инвесторы, исходя из своих особенностей, могут формировать набор факторов, принимаемых к учету при разработке правил оценки.

Еще одно изменение в понятийной базе и, соответственно, в концепции устойчивого развития произошло вследствие деятельности Программы ООН по окружающей среде (ЮНЭП, UNEP). В соответствии с данной программой в 2008 г. была запущена инициатива «Зеленая экономика» (Green Economy Initiative), состоявшая из нескольких компонентов, общая цель которых — обеспечить анализ и политическую поддержку процессу инвестирования в «зеленые» секторы экономики [6].

Примеры ESG факторов

Ответственное инвестирование — подход к инвестированию, который стремится включить факторы окружающей среды, социальные факторы и факторы управления (ESG факторы) в процесс принятия инвестиционных решений для лучшего управления рисками и устойчивого и долгосрочного возврата от инвестиций

Экологические

- Изменение климата
- Выбросы парниковых газов
- Истощение природных ресурсов (в т. ч. нехватка питьевой воды)
- Отходы и загрязнение
- Обезлесение

Социальные

- Условия труда (включая рабовладение, детский труд)
- Местные сообщества
- Охрана здоровья и безопасность
- Гендерный состав

Управленческие

- Вознаграждение топ-менеджмента
- Взятничество и коррупция
- Политическое лобби и пожертвования
- Структура и гендерный состав совета директоров
- Налоговая стратегия

Ответственное инвестирование
PwC

2019
4

Рис. 1. ESG-факторы в трактовке PwC

Источник: ESG-факторы в инвестировании. URL: <https://www.pwc.ru/ru/sustainability/assets/pwc-responsible-investment.pdf> (дата обращения: 10.08.2019).

Нельзя не сделать экскурс в область истории появления термина «зеленая экономика». Согласно информации, размещенной на платформе знаний ООН по устойчивому развитию [7], этот термин впервые был использован в названии доклада «План зеленой экономики» (Blueprint for a Green Economy), подготовленного в 1989 г. группой ведущих экономистов-экологов. Доклад был предназначен для информирования правительства Великобритании в отношении существующего на тот момент времени консенсусного определения термина «устойчивое развитие» и последствий устойчивого развития для измерения экономического прогресса, а также оценки проектов и политики. Помимо заголовка, в докладе отсутствовали ссылки на «зеленую» экономику. Данный факт позволяет предположить, что рассматриваемый термин был идеей авторов, пришедшей к ним в конце исследования.

В 2008 г. этот термин был восстановлен ЮНЭП в контексте обсуждения политики реагирования на многочисленные глобальные кризисы [8]. В аспекте темы финансового кризиса и опасений глобальной рецессии ЮНЕП отстаивала идею «пакетов зеленого стимулирования» и определила конкретные области, в которых крупномасштабные государственные инвестиции могли бы привести к «зеленой экономике». Таким образом, деятельность ЮНЭП в рамках инициативы «Зеленая экономика» привела к формированию и обоснованию в рамках концепции устойчивого развития «зеленой» экономики. Благодаря этой инициативе и ра-

боте других организаций ООН, данная тема в контексте устойчивого развития и искоренения нищеты была включена в повестку дня на конференции ООН в 2012 г., состоявшейся в Рио-де-Жанейро (Рио+20) и признана в качестве инструмента достижения устойчивого развития [9]. Позднее, на Генеральной Ассамблее ООН в 2015 г., ЮНЭП представила «раскрытие путей к инклюзивной зеленой экономике» [9].

В итоге устойчивое развитие сегодня трактуется как гармоничное или сбалансированное развитие, характеризует процесс экономических и социальных изменений, при котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом, укрепляют потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений [10]. «Зеленая» экономика представляется ориентированным на действие подходом для достижения устойчивого развития, который должен обеспечить более целостную структуру для разработки, оценки, мониторинга и реализации стратегий и политик [11].

Обоснование решения о признании «зеленой» экономики в качестве инструмента достижения устойчивого развития

На рисунке 2 представлен общий алгоритм процесса обоснования. Череду кризисов, на-

Рис. 2. Алгоритм обоснования «зеленой» экономики в качестве инструмента достижения устойчивого развития

блюдаемая со второй половины XX в. (экономический, финансовый, экологический, продовольственный, водный, энергетический и др.), а особенно мировой кризис 2008–2009 гг., привели к формированию понимания того, что все они вызваны действующей моделью экономического развития, вошедшей в стадию истощения своего потенциала. Причина кризисов — нерациональное распределение капитала, которое способствует укреплению экономических секторов, негативно влияющих на окружающую и социальную среду [11, с. 15]. Подобное оказалось возможным ввиду того, что существующие политические и рыночные стимулы позволяют бизнесу управлять существенными, в значительной степени неучтенными и непроверяемыми социальными и экологическими внешними проявлениями экономической деятельности [2, с. 17–18].

Чтобы этот процесс остановить, необходимо выстроить систему, которая не позволит бизнесу получать материальные блага бесконтрольно, за счет растущих экологических рисков, экологических дефицитов и социального неравенства [2, с. 14]. Принятие этой парадигмы послужило обоснованием решения о необходимости изменения модели экономического развития и признанием «зеленой» экономики в качестве инструмента для достижения устойчивого будущего.

Основной замысел «зеленой» экономики опирается на придание равного веса, равной

роли в развитии и экономическом планировании экономическому и ESG-факторам и заключается в поощрении инвестиций и расходов в сфере производства в областях, которые, во-первых, содействуют инновациям в области новых технологий и поведения, жизненно важных для «зеленых» рынков; во-вторых, создают инфраструктуру, необходимую для успешного внедрения определенных «зеленых» инноваций; в-третьих, способствуют зарождению «зеленой» промышленности.

Цель внедрения «зеленой» экономики — поддержать сдвиг в сторону более устойчивого производства и потребления на национальном уровне путем полного включения вопросов окружающей среды и социального развития в процесс принятия решений в соответствии с глобальными приоритетами в области устойчивого развития [11, с. 15; 12]. Главным в «зеленой» экономике следует признать обеспечение сдвига промышленного производства в сторону нового технологического уклада, позволяющего избежать кризисов, которые проявляются сегодня и случались в прошлом. Иными словами, «зеленая» экономика по своей сути выступает глобальным модернизационным проектом.

Данное видение экономики будущего вошло в программы и стратегии развития ряда стран. В целом 65 стран вступили на путь в направлении к инклюзивной «зеленой» экономике и связанным с ней стратегиям [9]. Черты но-

вой «зеленой» экономики становятся все более четкими, и она представляется в формате несырьевой модели развития, где основой являются новые инновационные секторы, которые должны заместить традиционные секторы экономики.

Трансформация финансовых рынков и изменения в инвестиционном процессе, вызванные переходом к «зеленой» экономике

Планы построения «зеленой» экономики, т. е. решение задачи по ее модернизации требуют ресурсного обеспечения, в результате чего происходит трансформация финансовых рынков и изменяется инвестиционный процесс. Процесс трансформации финансовых рынков, начавшийся в связи с распространением в мире концепции устойчивого развития, входит сегодня в новую стадию. Происходящее объясняется тем, что финансирование проектов «зеленой» экономики от единичных операций, реализуемых на отдельных сегментах национальных и международных рынков, переходит в стадию повсеместного распространения и превращения в обычную деловую практику.

Суть наблюдаемых трансформаций финансовых рынков заключается в выдвигании со стороны инвесторов требования об обеспечении не только определенной нормы дохода, но и о соответствии объекта инвестиций ряду социальных, экологических критериев, соблюдении определенных норм корпоративного управления (ESG-критериев). Именно под воздействием этого требования в настоящее время переформируются как глобальная, так и национальные финансовые системы. Сущность переформирования сводится к разработке специальных стандартов инвестирования и созданию структур, осуществляющих внешнюю оценку соответствия инвестиций новым требованиям. Причем, с одной стороны, стандартизации и оценке подвергаются как объект инвестиций (инвестиционный проект), так и субъект, принимающий инвестиции (эмитент), а также финансовый инструмент, посредством которого осуществляется инвестиция (финансирование проекта). С другой стороны, инвесторы, финансовые организации и организации инфраструктуры финансового рынка также мотивируются к принятию стратегий, учитывающих ESG-критерии. Цель этого переформирования — формирование источников финансирования, создание каналов распределения и налаживание механизмов финансирования перехода к «зеленой» экономике.

Обратим внимание на два аспекта: 1) роль инвестиций; 2) институты, мотивирующие

участников финансового рынка к его трансформации и изменению своего поведения. Значимая роль инвестиций обоснована тем, что они запускают механизм структурных экономических преобразований, являющийся основой перезапуска модели экономического роста. Поэтому инвестиционная политика и вопросы инвестирования находятся в центре внимания любого правительства, любых стран и не только стран (пример — наднациональные образования: ООН, ОЭСР, ЕС, АСЕАН и др.). По сути, решая задачу перехода к «зеленой» экономике, мы решаем обычную модернизационную задачу, в ходе которой необходимо избавиться от устаревших производств и технологий. При этом существуют готовые решения, опробованные предыдущим опытом экономического развития. Но очевидны и новые сложности. Сложность современной ситуации состоит в том, что мы живем в глобальном мире, который ставит перед нами задачи, и их необходимо срочно решать. Две из этих задач имеют отношение к рассматриваемой теме:

- 1) в настоящее время у суверенного государства сокращаются возможности по управлению инвестиционным процессом, протекающим в национальных границах, поскольку глобализация, пришедшая на смену экономической интеграции и интернационализации, вывела процесс воспроизводства за рамки национальных границ;
- 2) наднациональные структуры пытаются в этой ситуации переформатировать систему управления странами и континентами, укрепляя свою роль и свое значение.

Не удивительно, что в центр всеобщего внимания помещен инвестиционный процесс. Кто управляет инвестиционным процессом, тот управляет миром. Естественным оказалось пристальное внимание к двум вопросам. Содержание первого из них сводится к тому, какие секторы экономики должны стать локомотивом, выводящим мир на новый уровень развития и благосостояния. Несмотря на выделение в документах ООН десяти центральных отраслей (сельское хозяйство, рыболовство, лесное и водное хозяйство — отрасли, извлекающие выгоды из природного капитала; транспорт, энергетика и производство — отрасли, «созданные» капиталом, и торговля, финансы, инфраструктура рынка — как создающие благоприятные условия для успешного перехода к «зеленой» экономике), страны по-разному расставляют акценты, формируя национальные приоритеты и основы устойчивого роста [12, с. 99]. Второй вопрос (о том, кто за это заплатит) в настоящее время остается открытым и находится в стадии активной разработки.

Институты и инструменты трансформации финансовых рынков и инвестиционного поведения

Принимая глобальную повестку в области устойчивого развития, страны — члены ООН выразили намерение изменить среду, в которой функционирует финансовая система, участники рынка, регуляторы, а также заинтересованные стороны. Реализация этого намерения требует создания системы, через которую будет проводиться регулирующее воздействие на инвесторов и финансовые рынки, что приведет к изменению национальных финансовых систем и в конечном итоге к трансформации экономической и политической систем. Данная система организации устойчивого финансирования (инвестиций в «зеленую» экономику) имеет несколько уровней и опирается на ряд ключевых организаций, как видно из рисунка 3.

Глобальный уровень

Общий контур регулирования

1. *Финансовая инициатива Программы ООН по окружающей среде (United Nations Environment Programme Finance Initiative, FIUNEP).*

В глобальное партнерство между ЮНЕП и финансовым сектором, основанное в 1992 г., входят около 270 финансовых учреждений, в том числе банки, инвестиционные и страховые компании. Миссия инициативы заключается в распространении принципов устойчивости на все сферы деятельности финансовых учреждений и поощрении включения экологических и социальных стандартов во взаимоотношения членов партнерства и их клиентов.

2. *Глобальный договор ООН (UN Global Compact, 2000 г.)* — крупнейшая международная инициатива ООН в сфере корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития. Глобальный договор объединяет более 13 000 участников из почти 160 стран мира и более 80 национальных сетей. Основа деятельности Глобального договора — признанные на международном уровне принципы в сфере прав человека, трудовых отношений, окружающей среды и противодействия коррупции. Участники Глобального договора подтверждают свою приверженность принципам устойчивого развития и принимают на себя обязательства скорректировать систему управления бизнесом, изменяя свои коммерческие стратегии в пользу долгосрочной устойчивости в интересах более справедливого, экологичного, инклюзивного развития экономики, территорий, общества и планеты в целом.

3. *Принципы устойчивого страхования ЮНЕП (UNEP Principles for Sustainable In-*

surance, UNEPPSI) — инициатива Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) в страховом секторе, действующая с 2012 г. и направленная на внедрение принципов устойчивого развития с целью управления рисками в сфере экологии, социального развития и управления. Цель инициативы — внедрение на страховом рынке практики по учету и управлению рисками в области охраны окружающей среды, социального развития и управления. Инициатива объединяет более 120 страховых компаний, подтвердивших свою приверженность принципам ответственного страхования.

4. *Принципы ответственного банковского обслуживания ЮНЕП (UNEP Principles for Responsible Banking, UNEPPRB)* — инициатива Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) в банковском секторе, действующая с 2019 г. и объединяющая 130 банков из 49 стран. Участники инициативы обязуются вести бизнес в соответствии с целями Парижского соглашения об изменении климата и целями ООН в области устойчивого развития и увеличивать вклад в их достижение. Ожидается, что следование принципам ответственного банковского обслуживания будет стимулировать банки изменять структуру своих портфелей в направлении сокращения углеводородных активов в пользу более экологически чистых проектов.

5. *Глобальная инициатива по отчетности (Global Reporting Initiative, GRI)* — международная добровольная инициатива в области устойчивого развития, действующая с 1997 г. и объединяющая более 400 государственных и частных компаний. Инициатива направлена на внедрение стандартов корпоративной отчетности, требующих от компаний составления регулярных отчетов о соблюдении принципов устойчивого развития. Участие в инициативе GRI позволяет компаниям демонстрировать широкому кругу заинтересованных сторон свою практическую приверженность принципам устойчивого развития, влияет на улучшение репутации компании в деловом мире, укрепляет доверие инвесторов и партнеров, создает дополнительные конкурентные преимущества, стимулирует внутренние улучшения в компании.

6. *Инициатива ООН по устойчивому развитию фондовых бирж (United Nations Sustainable Stock Exchanges, SSE)* запущена в 2009 г. Задача инициативы — наращивать потенциал фондовых бирж и регуляторов рынка ценных бумаг для поощрения ответственных инвестиций в устойчивое развитие и повышения эффективности деятельности корпораций по экологическим, социальным и управленческим вопросам. Реализует три взаимосвязанных направления деятельности:

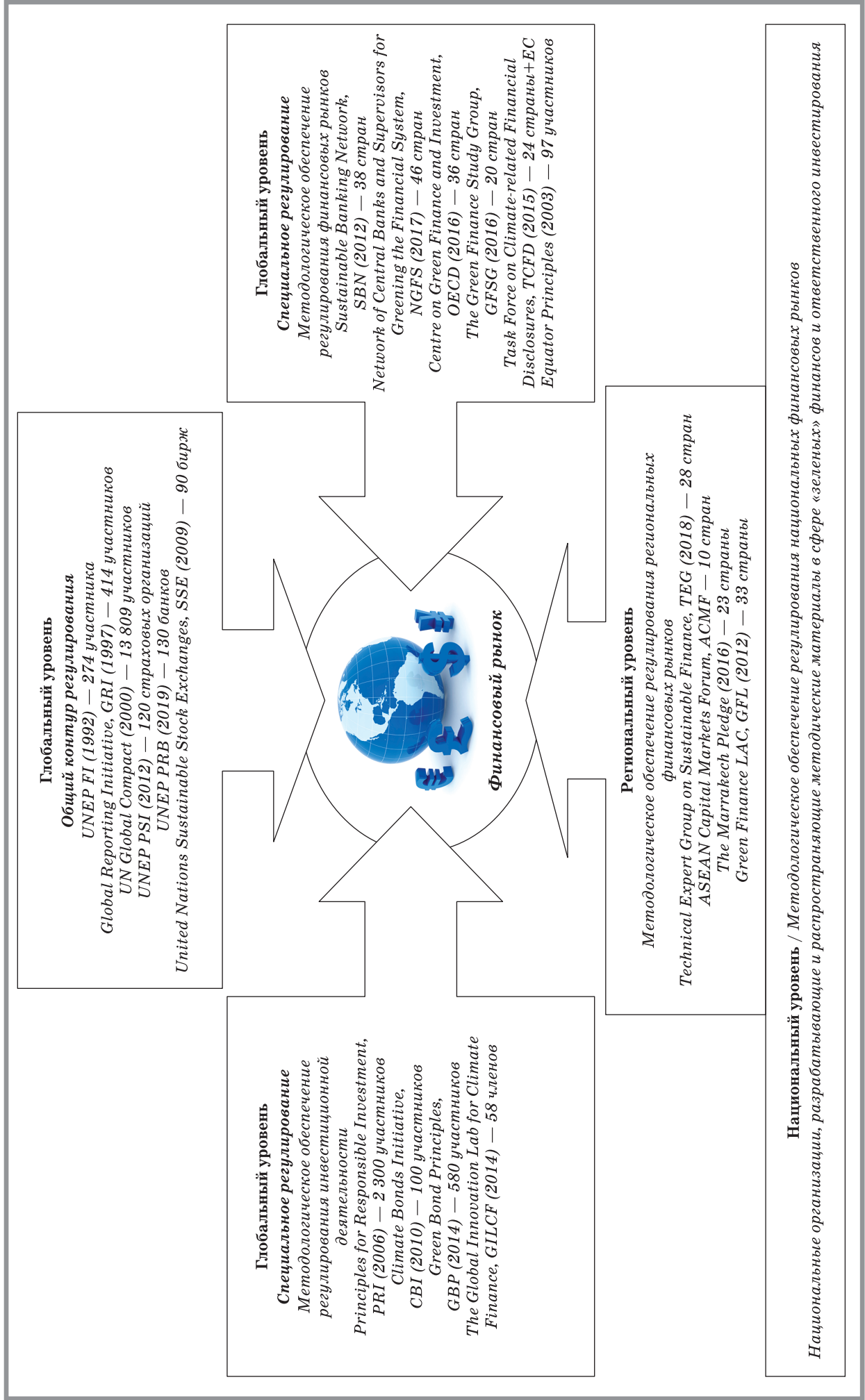

Рис. 3. Инициативы, формирующие методологию устойчивого развития и переход к «зеленой» экономике

исследования, достижение консенсуса и техническую помощь. В число партнеров входят почти все биржи мира (90 бирж), которые присоединяются к SSE, подписывая добровольное публичное обязательство.

Специальное регулирование

Методологическое обеспечение регулирования инвестиционной деятельности

1. *Принципы ответственного инвестирования (Principles for Responsible Investment, PRI)*. Ассоциация учреждена в 2006 г. в результате совместных усилий Финансовой инициативы ЮНЕП и Глобального договора ООН по инициативе Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. Приоритетная цель принципов ответственного инвестирования ООН — интеграция проблематики окружающей среды, общества и корпоративного управления (ESG-факторы) в деятельность фондов акционерного капитала и инвестиционных фондов. Присоединяясь к принципам ответственного инвестирования ООН, организация обязуется обеспечить учет ESG-факторов в качестве одного из центральных компонентов анализа потенциальных инвестиций, а также вести учет соответствующих аспектов в собственной деятельности.

2. *Партнерская программа «Инициатива по выпуску климатических облигаций» (Climate Bonds Initiative, CBI, 2010 г.)* — международная некоммерческая организация, которая работает исключительно в целях мобилизации рынка облигаций на сумму 100 трлн долл. США для поиска решений по противодействию изменению климата. Партнерская программа CBI направлена на получение поддержки деятельности со стороны инвесторов, банков, эмитентов, правительств и соответствующих институтов. Формат поддержки — следование стандартам, которые разрабатываются CBI. В 2011 г. разработан первый добровольный стандарт климатических облигаций; в 2012–2015 гг. разработаны и утверждены еще четыре стандарта; в 2017 г. вышла «Версия 2.1» стандартов. Готовится «Версия 3.0».

3. *Принципы «зеленых» облигаций (Green Bond Principles) Международной ассоциации рынков капитала (International Capital Market Association, ICMA)*. Добровольные стандарты эмиссии «зеленых» облигаций разработаны в 2014 г. международной саморегулируемой организацией, объединяющей профессиональных участников рынков капитала (ICMA). Стандарты обновлялись несколько раз. Последнее обновление состоялось в июне 2018 г.

4. *Инновационная лаборатория климатических финансов (The Global Innovation Lab for Climate Finance, GILCF)* создана в 2014 г.

по инициативе финансовых организаций США, Великобритании, Германии в партнерстве с крупнейшими участниками рынка из Дании, Франции, Японии, Нидерландов при поддержке правительственных организаций разных стран. Цель инновационной лаборатории — стимулировать процесс направления потоков капитала в проекты, связанные с низкоуглеродной экономикой, а также направленные на решение проблем изменения климата. В достижении цели она опирается на опыт и знания со всего мира. При этом выявляется, разрабатывается следующее поколение инструментов финансирования климатических проектов и происходит опробование.

Методологическое обеспечение регулирования финансовых рынков

1. *Сеть устойчивого банковского финансирования (Sustainable Banking Network, SBN)*. Добровольное сообщество регулирующих органов финансового сектора и банковских ассоциаций развивающихся рынков создано в 2012 г. На 38 стран-членов приходится 85 % совокупных банковских активов на развивающихся рынках.

Члены SBN привержены движению своих финансовых секторов к устойчивости, преследуя двойную цель: улучшить управление ESG-рисками (включая раскрытие климатических рисков) и увеличить потоки капитала для деятельности с положительным воздействием на климат. В рамках этой платформы осуществляется обмен знаниями по наращиванию потенциала и практическая поддержка членов при разработке ими и реализации национальных инициатив.

2. *Сеть центральных банков и надзорных органов для экологизации финансовой системы (Network of Central Banks and Supervisors for Greening the Financial System, NGFS)* создана в 2017 г. центральными банками и надзорными органами. Цель — обмен опытом и развитие управления экологическими и климатическими рисками в финансовой сфере, усиление глобальных ответных мер, необходимых для достижения целей устойчивого развития, повышение роли финансовой системы в управлении рисками и мобилизации капитала в «зеленые» и низкоуглеродные инвестиции. Объединяет в качестве членов регулирующие органы 46 стран.

В качестве наблюдателей присоединились Банк международных расчетов, ЕБРР, ЕИБ, ОЭСР, Форум по устойчивому страхованию, Всемирный банк, МФК.

3. *Центр «зеленых» финансов и инвестиций ОЭСР (Centre on Green Finance and Investment, OECD)* создан в 2016 г. Цель — способствовать наращиванию «зеленых» инве-

стиций посредством разработки эффективной политики, институтов и инструментов для «зеленого» финансирования и инвестиций. В задачи центра входит проведение анализа, разработка практических рекомендаций, организация мероприятий и дискуссий для обеспечения сотрудничества и взаимодействия между правительствами и государственными органами, вовлечения частных лиц и гражданского общества.

4. *Исследовательская группа по «зеленым» финансам G20 (The Green Finance Study Group, GFSG)*. Деятельность GFSG началась в 2016 г. В ее задачи входило выявить организационные и рыночные препятствия для «зеленого» финансирования и, исходя из опыта стран, разработать варианты для расширения возможностей финансовой системы по мобилизации частного капитала для «зеленых» инвестиций. Первоначальная программа из пяти компонентов охватывала три сектора: банки, рынок облигаций и институциональных инвесторов, а также два межотраслевых вопроса — анализ рисков и измерение прогресса. В 2018 г. члены G20 под председательством Аргентины адаптировали работу Исследовательской группы по «зеленым» финансам (GFSG) к более широкой концепции устойчивого финансирования, что привело к изменению ее названия на Исследовательскую группу по устойчивому финансированию (SFSG).

5. *Рабочая группа по вопросам раскрытия финансовой информации, относящейся к изменениям климата (Task Force on Climate-related Financial Disclosures, TCFD)* учреждена Советом по финансовой стабильности (Financial Stability Board) в 2015 г. в связи с тем, что климатические изменения признаны в качестве риска, способного нарушить стабильность мировой финансовой системы. В целевую группу входят назначенные Советом представители крупных компаний, которые вырабатывают рекомендации в отношении требований по раскрытию компаниями информации о финансовых рисках, связанных с изменениями климата. Цель рабочей группы — распространение лучшей практики в области управления климатическими рисками в финансовом секторе.

6. *Принципы Экватора (Equator Principles)* — включают в себя десять принципов и представляют собой систему управления рисками, принимаемую финансовыми учреждениями для определения, оценки и управления экологическими и социальными рисками в проектном финансировании. В первую очередь предназначены в целях обеспечения минимального стандарта для должной осмотрительности при поддержке принятия ответственных решений о рисках. По состоянию на сентябрь 2019 г. 97 финансовых учреждений в 37 странах офици-

ально приняли Принципы Экватора, охватывающие большую часть международных обязательств по финансированию проектов на развивающихся и развитых рынках. Принципы Экватора, официально введенные в действие в Вашингтоне 4 июня 2003 г., основывались на существующих принципах экологической и социальной политики, установленных Международной финансовой корпорацией.

Региональный уровень

1. *Группа технических экспертов по устойчивому финансированию Европейской комиссии (Technical Expert Group on Sustainable Finance, TEG)* создана в 2018 г. по итогам работы Группы экспертов высокого уровня по устойчивому финансированию (2016), в задачи которой входила разработка дорожной карты по финансированию устойчивого развития в странах ЕС. Эта группа подготовила и представила в 2018 г. План действий по финансированию устойчивого развития (Action Plan on Financing Sustainable Growth). Именно с целью оказания консультативной помощи в рамках реализации Плана действий и создана TEG. В задачи группы входит оказание методологической и консультативной помощи при разработке нормативно-правовой базы европейского рынка «зеленых» финансов и устойчивого финансирования.

2. *Форум рынков капитала Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, АСЕАН (ASEAN Capital Markets Forum, ACMF)* разработал и опубликовал в 2017 г. стандарты «зеленых» облигаций стран АСЕАН, которые основаны на стандартах Ассоциации между родных рынков капитала (ICMA). В 2018 г. стандарты обновлены. В апреле 2019 г. на совещании министров финансов стран АСЕАН одобрена Дорожная карта для рынков устойчивого капитала АСЕАН. Дорожная карта представляет собой описание ведущих направлений деятельности по формированию рынков устойчивого капитала, роль и формат участия эмитентов, инвесторов, раскрытие информации, разработку индексов, наращивание потенциала и усиление межведомственной координации для укрепления рынков устойчивого капитала как движущей силы устойчивого развития.

3. *Инициатива по развитию «зеленых» рынков капитала в Африке «Обязательство Марракеш» (The Marrakech Pledge)* создана в 2016 г. Представляет собой коалицию регуляторов и бирж, действующую в поддержку развития «зеленых» рынков капитала в Африке и обеспечения эффективного перехода к низкоуглеродной экономике.

В настоящее время в рамках коалиции The Marrakech Pledge подготовлены, поддержа-

ны и распространяются руководства, рекомендации и разъяснительные материалы, которые создают единое понимание процессов ответственного инвестирования и «зеленых» финансов национальными регуляторами, биржами и участниками рынка. Кроме того, выравнивают различные нестыковки, сглаживают несоответствия между подходами и принципами, заложенными в методиках глобального уровня, и возможностями стран африканского региона.

4. Платформа «Зеленые финансы» Латинской Америки и Карибского региона (*Green Finance LAC, GFL*) создана в 2012 г. Межамериканским банком развития (IDB) в сотрудничестве с Латиноамериканской ассоциацией финансовых институтов развития (ALIDE) при технической поддержке профильных министерств Дании, Германии и Швейцарии. Предназначена для обмена знаниями и информацией о «зеленом» финансировании, в целях удовлетворения потребностей национальных банков развития и других институциональных инвесторов на финансовом рынке Латинской Америки. Платформа LGI нацелена на согласование интересов и обеспечение взаимовыгодного сотрудничества заинтересованных лиц.

На национальном уровне, где осуществляется методологическое обеспечение регулирования национальных финансовых рынков, представлены национальные организации, разрабатывающие и распространяющие методические материалы в сфере «зеленых» финансов и ответственного инвестирования.

Финансирование устойчивого развития: опыт стран

Особенность современного периода — прохождение странами этапа интеграции темы устойчивого развития и «зеленых» инвестиций в национальные стратегические планы. Страны, которые становятся на путь устойчивого развития, включают вопросы формирования «зеленой» экономики во все основные документы стратегического планирования и трактуют в контексте процесса модернизации национальной экономики [12]. Правительства стран отчетливо осознают, что предпринимаемые ими на текущем этапе действия являются началом будущих значительных изменений и одновременно условием долгосрочного развития страны.

В связи с этим страны четко формулируют национальную повестку в области устойчивого развития, раскрывают суть предпринимаемых мер и действий в данном направлении, заявляют о наличии национальных стратегий, программ, планов действий и законов, определяющих институциональные рамки устойчивого

развития и организующих процесс перехода к новой модели экономики.

Реформа энергетического сектора становится приоритетом для многих стран [13]. При этом большое внимание в своей политике они уделяют вопросам повышения роли в энергобалансе возобновляемых источников энергии и принятии в связи с этим соответствующих мер. Государства указывают и на значимость принимаемых программных мер, решений по обеспечению энергоэффективности экономики и отдельных ее секторов, демонстрируют действия по реформированию транспортного сектора, стимулированию чистой мобильности. Существенное внимание в национальной политике стран уделяется проблемам управления отходами и ведению климатического сельского хозяйства, вопросам землепользования и лесного хозяйства.

Страны демонстрируют активность в части разработки и принятия национальных программ социального развития, а корпоративный сектор экономики — в части разработки и принятия национальных добровольных принципов социальной, экологической и экономической ответственности. Опыт стран показывает применение широкого спектра компенсационных мер и финансовой поддержки отдельных секторов, в то же время все государства заявили о введении углеродных и иных налогов, акцизов на бензин, дизельное топливо и налогов на уголь, а также о создании специализированных финансовых институтов с целью аккумуляции «зеленых» или устойчивых финансов. Страны привлекают значительное финансирование, создавая специализированные климатические и «зеленые» банки, фонды, финансовые корпорации и посылают ценовой сигнал предприятиям и населению через тарифы, субсидии, налоги и государственные программы.

На современном этапе политика развития стран предполагает выделение секторов экономики, в которых планируется достижение преимуществ новых технологий; определение горизонтов планирования; осуществление проработки механизма, позволяющего переключиться с существующей модели экономического развития на новую «зеленую», устойчивую, ради которой и задуман модернизационный проект. Не случайным является и выбор ключевых отраслей экономики, в первоочередном порядке подвергаемых «озеленению». Энергетика, транспорт, строительство — сектора, обладающие наибольшим мультипликативным эффектом инвестирования. Финансы — сектор, обеспечивающий развитие экономики. Устойчивые финансы — это лишь один из источников финансирования инвестиций, направленных на модернизацию и перезапуск

существующей модели экономического роста. Государства разрабатывают сложные стратегии и «соединяют» различные элементы регулирования в требуемых для достижения целей национального развития и обеспечения конкурентоспособности национальной экономики комбинациях и пропорциях.

Первая задача, которую необходимо решать, — обеспечение согласованности действий широкого круга инициатив и программ в сфере устойчивого развития с целью консолидации усилий государства и общества. Страны демонстрируют схожие подходы, распределяя в рамках программных бюджетов финансовые ресурсы на цели устойчивого развития, осуществляя управление по целям. В зависимости от заданного горизонта бюджетного планирования происходит формирование программ и консолидация источников финансирования. Тем не менее и в этой сфере наблюдаются инновационные походы. Там, где расходы выходят за пределы программ, возникает необходимость в контроле и выстраивании прозрачной системы бюджетного планирования и расходования средств.

Второй задачей признается широкое вовлечение частного сектора в финансирование и реализацию планов устойчивого развития, а также выстраивание партнерств с международными организациями. Вовлечение частного сектора является актуальной задачей. Страны проводят реформы в финансовом регулировании, направленные на развитие системы кредитования приоритетных отраслей экономики, развитие рынка «зеленых» облигаций. Огромное внимание уделяется формированию правил обязательного раскрытия, в первую очередь финансовыми институтами, информации об управлении экологическими и социальными рисками, а также поддержке рыночных инициатив по развитию системы добровольной отчетности в области устойчивого развития. Именно наличие этих правил и системы отчетности лежит в основе развития финансирования «устойчивых» инвестиций.

С целью мотивации институциональных и иных инвесторов национальными фондовыми биржами разрабатываются специальные социальные, устойчивые и «зеленые» рейтинги компаний, акции которых котируются на бирже.

Выстраивание партнерств осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, одно из направлений — членство страны в глобальных инициативах ООН с целью адаптации к передовым устойчивым практикам, имеющимся в других странах, и получения финансирования из создаваемых при инициативе/поддержке ООН глобальных и международных финансовых институтов, фондов. Во-вторых, в качестве важного направления выступает

инициатива корпоративного сектора, когда компании самостоятельно принимают решение об участии в международных инициативах и проектах в области устойчивого развития. Цель подобных решений — использование зарубежного опыта с целью адаптации устойчивых практик в деятельности компаний и получение консультационной поддержки, привлечение зарубежного (фондового и рыночного) финансирования.

Третья задача — поиск инновационных решений в области финансирования устойчивого развития, что охватывает как добровольные рыночные инициативы, так и правительственные меры в области поддержки рыночных инициатив. Решение этой задачи демонстрирует широкую палитру предпринимаемых действий — от финансового консалтинга (например, финансовая лаборатория, осуществляющая разработку, оценку и тестирование финансовых инноваций, направленных на устойчивое развитие) до создания специализированных финансовых институтов и инструментов.

Процесс формирования политики финансирования устойчивого развития имеет длительную и непростую историю. Если на первоначальных этапах финансирование устойчивого развития предполагало существенную роль международного финансирования, а также финансирование правительствами развитых стран проектов, реализуемых в развивающихся странах, то в настоящее время бремя финансирования возлагается на сами страны, а мобилизация частного капитала является наиболее актуальной задачей, поскольку признается, что без крупных сумм долгосрочного капитала, аккумулируемого институциональными инвесторами, невозможно модернизировать существующие инфраструктуру и экономику настолько быстро, насколько это необходимо для достижения целей устойчивого развития. Политика финансирования устойчивого развития формируется по ряду направлений, в рамках которых применяется определенный набор инструментов. Главные направления реализации инициатив в области устойчивого развития охватывают шесть тематических областей, связанных с функционированием финансовой системы.

1. *Разработка стратегии устойчивого развития рынков капитала* — повышение кредитоспособности институтов, корректировка оценки рисков и создание налоговых стимулов в целях создания основы для дальнейшего расширения рынка «зеленых» облигаций.

2. *Укрепление ключевых финансовых учреждений* — усиление роли специализированных агентств, агентств по развитию возобновляемых источников энергии, иных институтов

развития путем создания новой линейки продуктов, выдачи гарантий и увеличения сроков кредитования.

3. *Адаптация требований к финансовым институтам в части устойчивого развития*, касающихся прежде всего мер по обеспечению доступа к кредитам приоритетных секторов экономики. Разработка новых законов, регулирующих финансовую деятельность и инвестиционные операции, предоставляет возможность для учета требований финансирования развития в регулировании финансовой системы страны.

4. *Наращивание потенциала финансового сектора* — потенциал финансового сектора должен быть усилен в ряде областей, в частности в области построения финансовых рейтингов, раскрытия финансовой информации и принятия решений о «зеленом» кредитовании, в том числе в отношении производства сельскохозяйственной продукции и лесного хозяйства.

5. *Расширение доступа к финансированию* — доступ к финансовым ресурсам пока ограничен. В странах идет поиск дополнительных стимулов для направления финансовых средств на цели устойчивого развития, которые коррелируют с наиболее острыми проблемами в области социального обеспечения, загрязнения окружающей среды, создания эффективных производств.

6. *Мобилизация международных финансовых потоков* — страны располагают различными возможностями для привлечения средств глобальных и международных фондов. Предпринимаются действия по привлечению «зеленых» кредитов из-за рубежа за счет из-

менения правил внешних коммерческих заимствований.

В рамках этих шести направлений деятельности директивные органы стран выстраивают регулирование национального рынка, в границах которого участники финансового сегмента экономики могут выстроить свою политику, отвечающую потребностям, проблемам и возможностям, вытекающим из целей устойчивого развития того или иного государства.

Заключение

Несмотря на то, что все страны существенно различаются по количественным и качественным характеристикам факторов, воздействующих на формирование национальных приоритетов, тем не менее они демонстрируют одинаковые подходы в части формирования политики, направленной на финансирование устойчивого развития. Подводя итоги проведенного анализа, сделаем ряд обобщений.

Во-первых, объявив о вступлении на путь устойчивого развития, страны приступили к модернизации своих экономик. Во-вторых, для достижения цели модернизации национальной экономики страны заимствуют идею «зеленой» экономики, сформированную на глобальном уровне, и применяют схожие подходы в политике финансирования устойчивого развития. В-третьих, проблема, которую пытаются решить страны, едина для всех, и сущность ее заключается в поиске источника покрытия разрыва между потребностями финансирования расходов по модернизации национальной экономики и возможностями бюджета удовлетворить эти потребности.

Литература

1. *Our Common Future*. Report of the World Commission on Environment and Development. United Nations. 1987. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения: 10.08.2019).
2. *Навстречу «зеленой» экономике*. Пути к устойчивому развитию и искоренению бедности: обобщающий доклад для представителей властных структур. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), 2011. 52 с. URL: <http://cawater-info.net/green-growth/files/unep5.pdf> (дата обращения: 10.08.2019).
3. Кузнецова Ю. А. Этапы формирования и развития концепции устойчивого развития // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 337–339.
4. Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Малышков Г. Б. Стратегия устойчивого развития и переход к зеленой экономике: обновление приоритетов и механизмов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2013. Вып. 4. С. 35–54.
5. Гомбоев Б. О., Бадмаев А. Г. «Зеленая» экономика как одно из оснований достижения целей устойчивого развития // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 2. С. 109–116.
6. *Green Economy*. UN Environment Programme // Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). URL: <https://www.unenvironment.org/ru/node/1566> (дата обращения: 10.08.2019).
7. *Green Economy* // Sustainable Development Knowledge Platform. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?menu=1446> (дата обращения: 11.08.2019).
8. *A Guidebook to the Green Economy*. Green Economy, Green Growth and Low-Carbon Development – history, definitions and a guide to recent publications // Division for Sustainable Development. UNDESA. 2012. Is. 1. 65 p. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/GE%20Guidebook.pdf> (дата обращения: 11.08.2019).

9. *What is an “Inclusive Green Economy”?* UN Environment’s Green Economy Initiative (GEI) // United Nations Environment Programme. URL: <https://www.unenvironment.org/explore-topics/green-economy/why-does-green-economy-matter/what-inclusive-green-economy> (дата обращения: 11.09.2019).
10. *Устойчивое развитие* // Глобальная экономика: энциклопедия // Словари онлайн. URL: https://1148.slovaronline.com/6814-устойчивое_развитие (дата обращения: 11.09.2019).
11. Яковлев И. А. Кабир Л. С. Механизм финансирования «зеленых» инвестиций как элемент национальной стратегии финансирования устойчивого развития // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2018. № 3. С. 9–20. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-3-9-20
12. Кабир Л. С. Государственная поддержка «зеленых» инвестиций и рыночное «зеленое» финансирование: зарубежный опыт // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2019. № 1. С. 97–108.
13. Яковлев И. А. Кабир Л. С. Климатические финансы в контексте устойчивого развития // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 5. С. 44–51. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-5-44-51

References

1. Our common future: Report of the World Commission on Environment and Development. United Nations. 1987. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (accessed on 10.08.2019).
2. Towards a green economy: Pathways to sustainable development and poverty eradication — A synthesis for policy makers. Nairobi: UNEP; 2011. 52 p. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf (accessed on 10.08.2019).
3. Kuznetsova Yu. A. Stages of formation and development of the concept of sustainable development. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2013;(5):337-339. (In Russ.).
4. Pakhomova N. V., Rikhter K. K., Malyshev G. B. Sustainable development strategy and transition to the green economy: Modernization of priorities and rules. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = St Petersburg University Journal of Economic Studies (SUJES)*. 2013;(4):35-54. (In Russ.).
5. Gomboev B. O., Badmaev A. G. “Green economy” as one of the grounds for reaching the goals of sustainable development. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*. 2017;(2):109-116. (In Russ.).
6. Green economy. UN Environment Programme. URL: <https://www.unenvironment.org/ru/node/1566> (accessed on 10.08.2019).
7. Green economy. Sustainable Development Knowledge Platform. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?menu=1446> (accessed on 11.08.2019).
8. A Guidebook to the green economy. Issue 1: Green economy, green growth and low-carbon development – history, definitions and a guide to recent publications. New York: Division for Sustainable Development, UN DESA; 2012. 65 p. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/GE%20Guidebook.pdf> (accessed on 11.08.2019).
9. What is an “Inclusive Green Economy”? UN Environment’s Green Economy Initiative (GEI). UN Environment Programme. URL: <https://www.unenvironment.org/explore-topics/green-economy/why-does-green-economy-matter/what-inclusive-green-economy> (accessed on 11.09.2019).
10. Sustainable development. Global economy: Encyclopedia. Dictionaries online. URL: https://1148.slovaronline.com/6814-устойчивое_развитие (accessed on 11.09.2019). (In Russ.).
11. Green investment financing mechanism as an element of the national strategy for sustainable development financing. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Research Institute. Financial Journal*. 2018;(3):9-20. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2018-3-9-20
12. Kabir L. S. State support for green investments and market green financing: Foreign experience. *Innovatika i ekspertiza: nauchnye trudy = Innovatics and Expert Examination*. 2019;(1):97-108. (In Russ.).
13. Yakovlev I. A. Kabir L. S. Climate finance in the context of sustainable development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2019;(5):44-51. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-5-44-51

The Impact of Applying the Common Customs Tariff on the Armenian Export of Cut and Polished Gems to Russia

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-33-41

УДК 339.543

Vladimir L. Harutyunyan

*Institute of Economics named after M. Kotanyan of the National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan)
Grigor Lusavorich Str. 15, Yerevan, Republic of Armenia, 0015*

Sergey V. Dokholyan

*Institute of Social and Economic Research Dagestan Scientific Center (Makhachkala),
Russian Academy of Sciences
Yaragского Str. 75, Makhachkala, Russian Federation, 367030, e-mail: sergsvd@mail.ru*

Anna R. Makaryan

*Institute of Economics named after M. Kotanyan of the National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan)
Grigor Lusavorich Str. 15, Yerevan, Republic of Armenia, 0015*

The presented study discusses the issues of applying the Common Customs Tariff (CCT) rates of the Eurasian Economic Union (EAEU) on rough diamonds and the impact thereof on the exports of stones cut and polished in Armenia and then exported to Russia.

Aim. The study aims to identify the possible strategies Armenian diamond cutting and polishing companies could adopt as a response to the application of the CCT rates on rough diamonds and how it would affect exports to various destinations, namely to Russia.

Tasks. The authors analyze the current state of the gems and jewelry sector and substantiate the need to either integrate it into the jewelry manufacturing sector or to apply various strategies to facilitate exports to either Russia or other destinations in the medium term in response to the application of the CCT rates.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition, including analytical and methodological approaches and elements of forecasting. Possible strategies the Armenian diamond cutting and polishing companies could adopt in the medium term in response to the application of the EAEU CCT rates are determined using the analytical research method, forecasts in the context of the developments in the Armenian gem processing and jewelry market and global trends, statistical data on the imports and exports of cut and polished gems and jewelry for 2014–2018 published by the UN Comtrade Statistics.

Results. Statistics on the exports of processed diamonds from 2014 to 2018 highlights the issue associated with the loss of competitiveness suffered by Armenian companies (mainly in comparison with Indian diamond cutters). The major global trends in the diamond cutting and polishing business indicate that it could be virtually impossible for Armenian cutters and polishers to compete with Indian companies in the medium term if they do not come to investing in new technology to achieve operational efficiency. For these companies, it is important not to lose the Russian market due to an increase in the tariff rate and concentrate on the processing of gems that are larger than 1 carat. Another strategy to avoid an increase in the customs tariff rates would depend on the Armenian government's ability to negotiate with Russia in respect of direct imports of diamond stones from Russian manufactures. Two other options for Armenian cutters involve focusing on cutting and polishing of rubies, sapphires, emeralds, etc. or integrating into the jewelry sector either by being the primary supplier or by considering this business as a channel to sell processed diamond stones by setting up their own jewelry manufacturing companies.

Conclusions. With CCT going into effect in January 2021 and India's dominant role in the diamond cutting and polishing business, Armenia needs to carefully consider all of the strategies the Armenian companies could adopt, as discussed above. As a member state of the EAEU, Armenia freely exports to Russia, however, further exports to Russia would depend on Armenia's ability to ensure that cost-effective operations are in place, or to concentrate on the processing of precious gems rather than diamonds, or to switch to the manufacturing of jewelry items as a major export item.

Practical Implication. The findings of this study could be of interest to the Ministry of Economy of the Republic of Armenia and Business Armenia that could be used in elaborating the strategy for the development of Armenian gems and jewelry sector of the economy.

Keywords: Common Customs Tariff, cut and polished gems, jewelry, export, Armenia, EAEU.

For citation: Arutyunyan V. L., Dokholyan S. V., Makaryan A. R. The Impact of Applying the Common Customs Tariff on the Armenian Export of Cut and Polished Gems to Russia. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(11):33–41. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-33-41

Влияние применения единого таможенного тарифа на армянский экспорт ограненных и полированных драгоценных камней в Россию

Арутюнян Владимир Липаритович

директор Института экономики им. М. Котаняна Национальной академии наук
Республики Армения (НАН РА), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент НАН РА
0015, Республика Армения, г. Ереван, ул. Григора Лусаворича, д. 15

Дохолян Сергей Владимирович

главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований
Дагестанского научного центра Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор
367030, г. Махачкала, ул. Ярагского, д. 75

Макарян Анна Рузвельтовна

научный сотрудник Института экономики им. М. Котаняна Национальной академии наук
Республики Армения (г. Ереван), кандидат экономических наук
0015, Республика Армения, г. Ереван, ул. Григора Лусаворича, д. 15

В статье рассматриваются проблемы, связанные с применением ставок Единого таможенного тарифа (ЕТТ) Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на необработанные алмазы, и их влияние на экспорт ограненных и полированных в Армении камней в Россию.

Цель. Определить возможные стратегии, к которым прибегнут армянские компании, занимающиеся огранкой и полировкой алмазов в связи с переходом на ставки ЕТТ на необработанные алмазы; оценить, как это повлияет на экспорт в различные страны, в частности в Россию.

Задачи. Авторы анализируют современное состояние сектора производства драгоценных камней и ювелирных изделий и обосновывают необходимость либо его интеграции в сектор ювелирного производства, либо применения стратегий для стимулирования экспорта продукции в Россию или другие страны в среднесрочной перспективе в ответ на применение ставок ЕТТ ЕАЭС.

Методология. Исследование построено на основе общих научных методов познания, включая аналитический, методологический и элементы прогнозирования. С помощью аналитического метода исследования, прогнозов в разрезе анализа тенденций армянского сектора обработки драгоценных камней и ювелирных изделий, глобальных тенденций; статистических данных импорта и экспорта ограненных и полированных драгоценных камней, а также ювелирных изделий за 2014–2018 гг., опубликованных UN Comtrade Statistics, были выявлены возможные стратегии, к которым могут прибегнуть армянские компании, занимающиеся огранкой и полировкой алмазов, в среднесрочной перспективе в ответ на применение ставок ССТ ЕАЭС.

Результаты. Показатели экспорта обработанных алмазов с 2014 по 2018 г. указывают на проблему, связанную с потерей конкурентоспособности армянских компаний (по сравнению преимущественно с индийскими огранщиками алмазов). Основные глобальные тенденции в деятельности по огранке и полировке алмазов говорят о том, что армянским огранщикам и полировщикам практически невозможно будет конкурировать с индийскими компаниями в среднесрочной перспективе, если они не будут инвестировать в новые технологии для достижения операционной эффективности; для этих компаний важно не потерять российский рынок из-за повышения тарифной ставки и сосредоточиться на переработке драгоценных камней размером более 1 карата. Еще одна стратегия, позволяющая избежать повышения ставок таможенных тарифов, будет зависеть от возможности правительства Армении вести переговоры с Россией о прямом импорте алмазов от российских производителей. Два других варианта развития для армянских огранщиков заключаются в том, чтобы компании сфокусировались на огранке и полировке рубинов, сапфиров, изумрудов и др.; или интегрировались в сектор по производству ювелирных изделий либо будучи основным поставщиком, либо рассматривая этот бизнес как канал для продажи обработанных бриллиантовых камней путем создания собственных компаний по производству ювелирных изделий.

Выводы. Поскольку ССТ вступает в силу в январе 2021 г., а Индия играет доминирующую в мире роль в огранке и полировке алмазов, Армении необходимо тщательно рассмотреть все описанные выше варианты стратегий, которые армянские компании могли бы выбрать. Являясь государством — членом ЕАЭС, Армения свободно экспортирует товары в Россию, однако в дальнейшем экспорт в Россию будет зависеть от способности Армении обеспечить проведение экономически эффективных мер, сконцентрироваться на обработке драгоценных камней, а не алмазов, или перейти на производство ювелирных изделий в качестве основной продукции, предназначенной для экспорта.

Практическое применение результатов. Выводы авторов статьи могут представлять интерес как для Министерства экономики Республики Армения, так и для «Бизнес Армения». Они могут быть использованы при разработке стратегии развития сектора по обработке драгоценных камней и производству ювелирных изделий Армении.

Ключевые слова: Единый таможенный тариф, ограненные и полированные драгоценные камни, ювелирные изделия, экспорт, Армения, ЕАЭС.

Introduction

Export-led growth hypothesis was tested and investigated in the case of many economies by various scholars (see table 1). Based on the Literature review (see table 1), the export-led growth hypothesis could be valid in the case of Armenia in the short-run [1, p. 57], however, the unidirectional causality that exists from economic growth to export would be valid in the long-run [2, p. 647].

In the long-run, imports-led growth, growth-led imports, exports-led import, and imports-led exports hypothesis are valid in the case of Armenia [2, p. 647], which means that export causes an increase in the GDP by an increase in imports via growth in productivity that results from the imports of new technology, equipment, and inputs. Hence, Armenia could experience the positive long-run relationship between exports and economic growth by moving from primary commodity exports to exports of goods of higher value-added, hence export composition “does matter” [3, p. 50]. And in order to reduce the current account deficit, Armenia’s priority would be focusing on the export promotion strategies. One of the recent studies by Dokholyan and Sargsyan [4, p. 8] proved the validity of export-led hypothesis for Armenia, namely stating that increase in exports in a given quarter would cause an increase in the GDP in the same quarter, in two quarters in the last quarter after 2 years. Hence, the export-led growth hypothesis is valid for Armenia, and more diversified export composition would be the key to ensuring higher economic growth in the long-run.

One of the thriving and export-oriented sectors of Armenia in the late 1990s and the first half of the 2000s was Gems and Jewelry with the exports of thereof accounting for 51% of all exports from Armenia in 2002 [5, p. 72]. Belgium-based Arslanian family was considered the first mover in the sector followed by a couple of investors from the United States, Russia, and etc. [6, p. 270]. In the first half of the 2000s, this sector of the economy was attractive for both Diasporan and foreign investors when some of key industry players entered the Armenian market [6, p. 270]. Armenia was mainly importing raw diamonds then upon being cut and polished the processes diamonds were exported to Belgium or Moscow and were distributed mainly through Diaspora channels [5, p. 73]. The highest export value was reported in 2003 when the exports of processed diamonds reached 287.9 million US dollars (see figure 1 [7]). The decline in exports started in 2006 that continued throughout 2009. Then the exports somehow stabilized with some volatility. Upon accession to the Eurasian Economic Union (EAEU), Ar-

menia has started applying Common Customs Tariffs (CCT) since January 2015 [8]. However, with respect to several hundred items, Armenia was granted a transition period during which other rates different from the CCT rates could be applied [9]. Before accession to the EAEU, 0% rate was applied for diamonds imported into Armenia to be processed and exported, however with respect to Diamonds; non-industrial, (other than unworked or simply sawn, cleaved or brutted), but not mounted or set (HS Code: 710239), 3% rate has started to be applied since January 1, 2019, that would gradually increase and in 2021 the CCT rate of 10% would be effective [8; 9]. From 2016 to 2018, Russia was the leading export destination of stones cut and polished in Armenia. Although the diamonds cut and polished in Armenia exported to Russia from Armenia are imported with a 0 % rate, the CTT tariff rate imposed on imported rough diamonds could impact the exports to Russia. In order to maintain the current level of exports to Russia or other destinations, Armenia would need to apply various strategies either to boost exports to Russia or report an increase in exports to other destinations. The other strategy could be an integration into the jewelry sector either by being the primary supplier of Armenian manufacturers of jewelry items or considering this business as a channel to promote processed diamonds in Armenia by setting up own jewelry manufacturing companies.

Hence, the purpose of the article is to identify the possible strategies the Armenian diamond cutting and polishing companies would adopt as a response to applying the CCT rates on rough diamonds and how it would affect the exports to various destinations, namely to Russia.

Design/methodological approach

By reviewing the developments in the Armenian gem processing and jewelry market and global diamond cutting and polishing business trends; analyzing statistical data on imports and exports performance of the cut and polished gems and jewelry being classified as of Armenian origin for the period 2014–2018 released by the UN Comtrade Statistics [7] and with respect to applying the EAEU CCT rates upon expiration of the transition period granted to Armenia before accession to the EAEU, the possible strategies the Armenian diamond cutting and polishing companies could adopt in the medium term are identified.

Results/Analysis

Development in Armenian Market

In November 2016, according to the director of Shoghakn, the largest Armenian diamond

The Relationship between exports and economic growth

Author(s)	Small, Open Economies: Estonia and Slovenia
Trošt & Bojnec (2016) [10, p. 381]	<i>Estonia</i> : The evidence of the bidirectional relation is proved: Granger causality exists from economic growth to exports and imports and from exports to economic growth. <i>Slovenia</i> : The evidence of the unidirectional relation is proved: Granger causality exists from exports to economic growth and imports
	Developing Countries
Dreger & Herzer (2012) [1, p. 57–58]	<i>Short-run relationship</i> : positive relationship between exports and non-export GDP (GDP minus exports of goods and services). <i>Long-run relationship</i> : “an increase in exports is associated with a long-run decrease in non-export GDP in 69% of the countries; in 31% of the cases, an increase in exports is associated with a long-run increase in non-export GDP” [1, p. 57] Authors cautiously conclude that “removing primary export dependence by diversifying the economy ... can ... induce export-led growth in the long-run” [1, p. 58]
	Transition Economies
Çetintaş & Barişik (2008) [2, p. 647]	<i>Long-run relationships</i> : Unidirectional causality exists between economic growth and export. Bidirectional causality exists between economic growth and import, and import and export as well [3, p.647]. Authors conclude that “export has been affecting economic growth considerably through import” i.e. import of inputs, and technologies leading to an increase in productivity. [2, p. 647].
	Six South Asian Nations: Pakistan, Bangladesh, India, Sri Lanka, , and Bhutan
Hye et al. (2013) [11, p. 659]	<i>Export-led growth hypothesis</i> is valid in the case of all countries except Pakistan. <i>Import-led growth hypothesis</i> is valid in the case of all countries. The evidence of <i>Growth-led Exports hypothesis</i> is proved in the case of all countries except Bangladesh, and Nepal, while <i>Growth-led Imports</i> is valid in the case of all countries
	Latin American Countries
Kristjanpoller and Olson (2014) [12, p. 16–17]	The hypothesis of export-led growth is valid in the case of Bolivia, Brazil, Colombia, Dominican Republic, Ecuador, El Salvador, Mexico, Paraguay, and Peru, while the import-led growth hypothesis is valid with regard to Argentina, Chile, Costa Rica, Guatemala, Honduras, and Peru. Exports lagged two years explain the GDP growth in the short run that is driven by the growth of capital in the previous year, while the growth of exports and the growth of capital influence the growth of imports in the short term
	69 countries from all regional and economic groupings defined by the World Bank
Greenaway et al. (1999) [3, p. 50]	There is a strong positive relationship between real export growth and real output growth, and moreover that export composition “does matter” [3, p. 50]
	Asia’s 4 Little Dragons’ Economies
Tang et al. (2015) [13, p. 234]	Although the authors find that exports and GDP are moving together in the long run, however export-led growth hypothesis for the four economies is unstable. They conclude that in order to reduce the dependence on the developed markets the policy makers in these nations need to diversify their export markets through regional integration and focus on domestic demand, and private investment
	Selected Sub-saharan African Countries: Botswana, Equatorial Guinea and Mauritius
Ee (2016) [14, p. 237]	The evidence of export-led growth is evident and highly statistically significant, explaining “not only the cyclical changes in output (short-term) but also in the long-term trend of output” [14, p. 237]
	European (Central and Eastern Europe, Southeastern Europe, Balkans) transition economies
Sağlam & Egeli (2018) [15, p. 156]	Export-led growth and domestic-demand-led growth are valid for European transition economies, and “the direction of the relationship between growth and trade is bilateral and... the contribution of domestic demand on growth is seven times bigger than net export” [9, p. 156]
	BRICS (especially Brazil, India and South Africa)
Rani & Kumar (2018) [16]	Long-run relationship between export, import, gross capital formation, and economic growth exist. The evidence of bidirectional causality was proved that exists from export and economic growth and from economic growth to export, thus validating export-led growth and growth-led export hypotheses. In addition, bidirectional causality was found. A percent increase in export would cause a 0.44 % increase in GDP per capita in the long-run. In order to address the issue of current account deficit the authors propose to concentrate on the export promotion strategies

cutting and polishing company (35 % of cut and polished diamonds in Armenia that were supplied in Israel due the owner of the company Lev Leviev (LLD Diamonds), Mr. Alanakyan, Armenia was one of about 10 countries and/or centers that was engaged in diamond cutting and polishing business (stone manufacturing),

and efforts needed to be done to emerge as one of the leaders in this global industry, especially with respect to training the young stone cutters [17]. The company planned to open a training center for young diamond cutters supported by the Armenian Development Foundation [17]. In 2017, the large companies of Armenia engaged

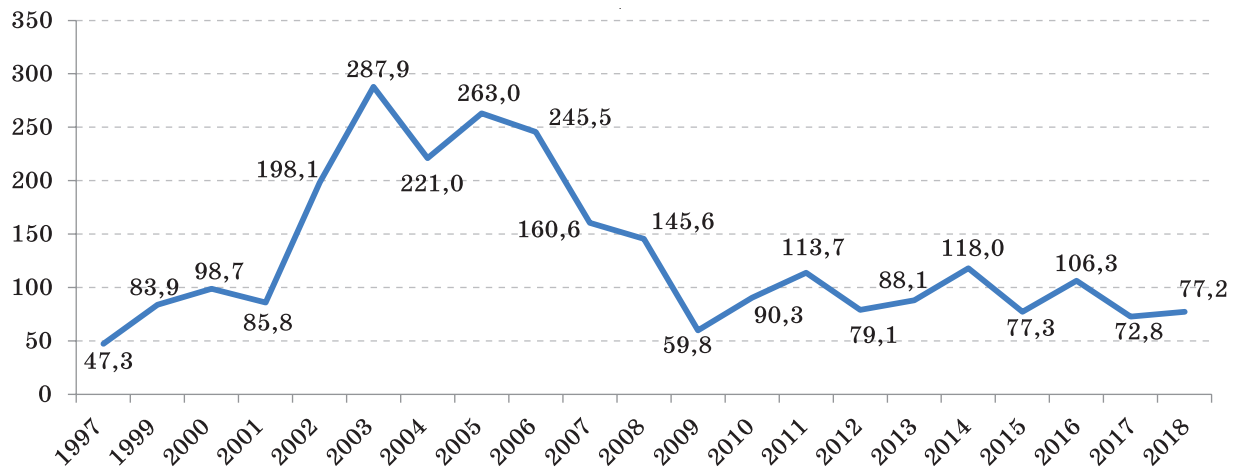

Figure 1. Exports of Diamonds from 1997 to 2018 (million US dollars)

Source: [7].

Table 2

Developments in the global diamond cutting and polishing market from 2014 to 2017

Period	Developments in the global diamond cutting and polishing market
2014	In 2014, India and China as the most cost-efficient destinations increased their market share that comprised about 85 %. The high-cost centers such as Belgium, the United States, and Israel focused on high-end stones reported a decline due to loss of the market share to India. The Indian market share of cuts and polished diamonds that were larger than 1 carat exceeded 40 %. Two business models that enabled companies to maintain the margins were the followings: specialization or integration into jewelry retail business
2015	In 2015, the share of the midstream market of India and China reached up to 90 % owing to cost-efficiency
2016	India's market share as the lowest-cost cutting and polishing destination further increased comprising about 90 % of the global polished-diamond manufacturing by value. Along with being the dominant player in the market of small stones, India was gaining the market share in the larger stones segment, mainly at the expense of China. Being focused on at least maintaining the current level of profitability over the long-run, the manufacturers concentrated on operational efficiency: shortening cutting and polishing timespan, adopting new technologies (<i>"automated cutting processes and advanced digital mapping and modeling of diamond cutting"</i> [17, p. 12])
2017	In 2017, India further increased its market share mainly at the expense of China and other diamond cutting and polishing centers and due to low labor costs, and etc. India's share in <i>"global polished diamond manufacturing"</i> exceeded 90 % and emerged as the dominant player in the markets segments of all size stones, <i>"including the value-add segment of larger stones"</i> [18, p. 12]. In 2017, China's diamond cutting and polishing market growth was driven by the domestic demand for jewelry. Traditionally strong centers of large stone manufacturing continued losing positions to India owing to high costs, and aging workforce Russia was consolidating its efforts to make the Russian cutting and polishing industry more competitive

Source: [20, p. 14], [21, p. 12], [22, p. 12], [23, p. 12–13].

in stone manufacturing and owned by Western investors were supplied with rough diamonds from Africa by the owners [18]. The Government of Armenia had been trying for a long period to facilitate and increase the imports of rough and/or uncut diamonds from Russia, and according to the Ministry for Economic Development of Armenia: *"An agreement was reached on taking practical steps as early as possible"* [18]. However, imports from Russia started to decline since 2016 (see table 3).

Kotayk Region is the host of 7–8 medium-sized diamond manufacturing companies that export cut and polished diamond mainly to Russia and

European Centers [19]. Diamond manufacturing companies would be located on the premises of Sirius Factory, in Abovyan, Kotayk region, and it is expected that the city would attract Hong Kong and Dubai based diamond manufacturers and overall about 3,000 new jobs will be created [19]. According to the Governor of Kotayk, it is expected that the companies would conduct training for the workforce to increase the pool of the skilled labor force once the construction is completed [19].

In 2018, the exports of processed diamonds comprised only 3.2 % of commodity exports [14, authors own calculation]. The exports of

processed diamonds from 2014 to 2018 could pinpoint the issue related to the loss of competitiveness (cost-effective while compared to mainly Indian diamond cutters).

Global Trends

The main developments of the global diamond cutting and polishing business state (see table 2) that it could be virtually impossible for Armenian cutters and polishers to compete with the Indian companies over the medium-term if they are not aggressive enough in investing in new technology to achieve operational efficiency. Hence, the options Armenian cutters could pursue could be the followings:

- Investing in new technology to keep up with pressure from Indian cutters to reach operational efficiency;
- Focusing on cutting and polishing larger stones or switching to the stones rather than diamonds, such as rubies, sapphires, and etc.;
- Integrating into the jewelry sector.

Export Performance from 2014 to 2018

Although Armenia imported non-industrial unworked or simply sawn diamonds (HS Code: 710231), the amount of thereof varying from 35,066,180 to 59,720,627 US dollars in the period 2014–2018, the exports of this product item didn't exceed 14,832,762 US dollars (see table 3). This means that Armenian doesn't solemnly rely on the imports non-industrial unworked or simply sawn diamonds as the main input that needs to be further cut and polished in Armenia to be exported to major export destinations.

Armenia was mainly importing non-industrial, other than unworked or simply sawn, cleaved or bruited diamonds (not mounted or set) as the main input to be processed and re-exported to main export destinations. The amounts of imports varied from 52,676,808 US dollars to 119,996,840 US dollars the highest value reported in 2018 reported over the prod of 2014–2018. As the EAEU member-state, Armenia was mainly importing from countries such as the United Arab Emirates, Switzerland, India, and Belgium. In the case of Belgium and Switzerland, Armenian cutters were processing the gems for head offices located in those in those countries.

Since the United Arab Emirates, as one of the centers of the diamond exchange (having connections with producers from Africa, cutting centers from Asia (including India), consumers from Europe, and etc.) [24] is an attractive option for Armenia-based diamond processors. India has also emerged as a supplier for Armenian diamond processing companies. This trend patterns mean that Armenian would face competition with respect to cutting and polishing

of gems that India has increased its expertise in the processing of the respective gems.

Armenia was mainly exporting non-industrial, other than unworked or simply sawn, cleaved or bruited diamonds (not mounted or set) to Russia from 2016–2018 (see table 3), hence making the exports vulnerable to the increase in customs tariffs that would be effective on January 2021. Therefore, Armenian needs to be aggressive in investing in new technology to ensure the most cost-effective operations in place not to lose the Russian market due to an increase in the tariff rate and concentrate on the processing of the gems that are larger than 1 carat. To avoid the increase in the customs tariff rates the other strategy the Armenian government could opt for is to negotiate with Russia with respect to directly importing diamond stones from Russian manufactures. The other option to mitigate the negative impact of applying CCT rate and face severe competition from Indian companies would be to become more focused on cutting and polishing of rubies, sapphires and emeralds and etc. (see table 3). Here again, Russian is the main export destination. One of the possible strategies as well could be an integration into the jewelry sector either as the major supplies of processed gems to by considering this activity as a channel to sell processed diamond stones by setting up own jewelry manufacturing companies. Over the period of 2014–2018, the exports of jewelry reported tremendous growth (see figure 2). The United Arab Emirates has emerged as a leading export destination, followed by Russia.

Conclusion

With CCT being effective in January 2021 and India's dominant role in cutting and polishing diamond stones business, Armenia needs to carefully consider all the above-discussed options for strategies the Armenian companies could adopt and opt for. As a member state of the EAEU Armenia freely exports to Russia, however, further exports to Russia would depend on Armenia's ability to ensure that cost-effective operations are in place or to concentrate on processing of precious gems, rather than diamond or to switch to the manufacturing of jewelry items as major export item.

Practical Implication

The findings provided in the article could be of interest to the Ministry of Economy of the Republic of Armenia, and Business Armenia that could be used in elaborating the strategy for the development of Armenian gems and jewelry sector of the economy.

Exports and import of diamonds by destination from 2014 to 2018 (US dollars)

	Exports					Imports				
	2014	2015	2016	2017	2018	2014	2015	2016	2017	2018
710231: Diamonds; non-industrial, unworked or simply sawn, cleaved or bruted, but not mounted or set										
World	10,626,791	10,492,722	9,391,394	14,832,762	11,227,928	59,720,627	34,513,240	56,318,096	35,066,180	51,472,820
United Arab Emirates	48,850		181,977	2,722,368	1,749,376	242,947	4,494,349	8,272,982	14,815,220	25,818,363
Canada	110,255	3,582,568	28,697		767,304	1,185,557	451,051	4,879,762	40,729	11,275,972
Russian Federation			1,444,444			4,888,522	7,721,438	28,803,562	14,974,200	6,203,548
Belgium	2,168,718	4,227,206	6,096,301	10,922,111	8,685,491	30,922,235	16,999,818	9,150,181	622,449	3,022,819
Botswana							2,210,913	1,681,663		2,985,101
South Africa						1,586,786	1,542,035	1,938,926		1,237,843
Israel		97,696	29,670			190,446	254,036			506,763
Thailand	8,087,018		544	1,188,282		19,765,056		1,028,834	4,613,580	195,686
Belarus		828,925	1,609,761							
India	122,532							76,736		
USA	39,541	1,756,327			25,756	250,200				
710239: Diamonds; non-industrial, (other than unworked or simply sawn, cleaved or bruted), but not mounted or set										
World	107,391,191	66,513,801	96,505,089	57,445,038	65,627,444	88,510,559	52,676,808	69,389,591	89,312,997	119,996,840
United Arab Emirates	2,697,472	2,565,347	21,863,838	6,683,093	6,590,432	36,239,955	19,983,072	27,674,825	45,137,118	47,463,307
Switzerland	89,641	7,819,394	10,861,074	3,717,539	52,654	10,198,996	6,460,276	7,974,953	16,436,781	26,555,886
Russian Federation	35,395,641	4,675,398	24,462,739	26,187,250	24,622,130	117,899	3,637,380	48,779	31,000	
India		371,417	195,036			9,868,653	6,168,607	12,691,121	11,735,406	20,246,976
Belgium	40,475,128	31,948,940	22,368,492	9,136,656	11,984,926	27,081,397	13,484,884	17,946,041	12,259,246	16,048,949
Israel	2,350,698	3,770,249	2,843,431	728,030	5,866,705	1,125,154	586,289	1,217,347	1,132,298	5,204,574
China, Hong Kong SAR	505,582		114,294	293,702	114,859	624,196	395,812	803,807	1,064,813	2,921,710
Thailand	12,835,446	76,629	1,907,704	6,706,002	334,848	1,348,081	256,953	358,247	985,646	680,598
Canada	10,723,982	10,159,244	6,571,120	2,277,095	8,853,731	322,556	108,189	3,692		400,278
Germany				71,225	236,463				86,527	222,083
Lebanon	25,458		22,266			321,142	175,960	181,359	154,662	155,272
USA	2,166,558	5,089,383	5,138,271	1,621,238	6,959,507	243,498	519,374	464,839	260,004	37,654
Belarus	125,585					900,284				
710391: Stones; rubies, sapphires and emeralds, worked (other than simply sawn or roughly shaped), not strung, mounted or set										
World	2,144,028	24,956	1,086,750	2,524,833	2,350,530	2,273,184	2,177,561	2,141,658	4,555,420	5,013,159
China, Hong Kong SAR					65,116	6,321	18,330	1,528,328	4,068,840	4,014,890
Thailand	36,025	24,585		7,876	19,441	190,091	229,868	222,531	180,157	597,795
United Arab Emirates	5,554		6,148			1,979,976	1,835,422	213,631	273,458	347,212
Russian Federation	2,065,848		1,080,382	2,452,274	2,232,875					

Source: [14].

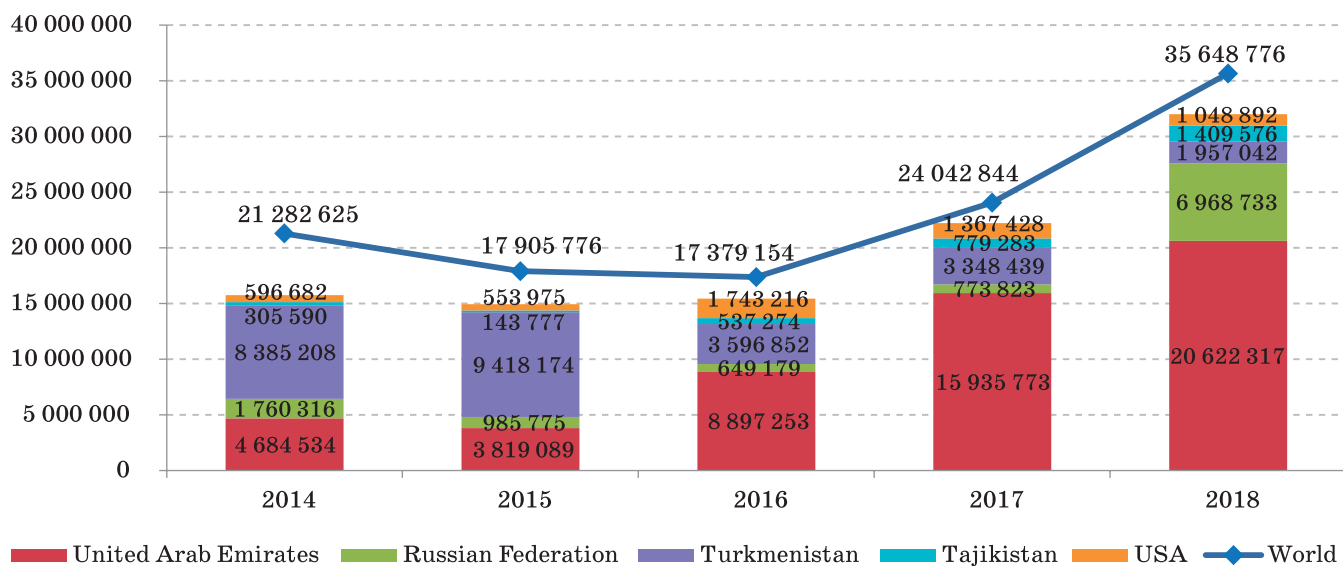

Figure 2. Exports of Jewellery; of precious metal (excluding silver) whether or not plated or clad with precious metal, and parts thereof from 2014 to 2018 (US dollars)

Source: [7].

References

1. Dreger C., Herzer D. A further examination of the export-led growth hypothesis. *Empirical Economics*. 2013;45(1):39-60. DOI: 10.1007/s00181-012-0602-4
2. Çetintaş H., Barışık S. Export, import and economic growth: The case of transition economies. *Transition Studies Review*. 2009;15(4):636-649. DOI: 10.1007/s11300-008-0043-0
3. Greenaway D., Morgan W., Wright P. Exports, export composition and growth. *The Journal of International Trade & Economic Development: An International and Comparative Review*. 1999; 8(1):41-51, DOI: 10.1080/096381999000000004.
4. Dokholyan S. V., Sargsyan L. N. Is the export-oriented growth hypothesis valid for Armenia? *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(2):4-11. (In Russ.).
5. Armenia competitiveness assessment report, submitted to USAID/Yerevan, under Contract No. PCE-I-837-98-00016-00. Nathan Associates Inc. & J.E. Austin Associates Inc. June 2004. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNADD292.pdf.
6. Hergnyan M., Makaryan A. The role of the diaspora in generating foreign direct investments in Armenia. *Armenian Journal of Public Policy*. 2007;2(2):259-294.
7. UN Comtrade Database. United Nations Statistics Division. URL: <https://comtrade.un.org/data/>.
8. The Common Customs Tariff of the Eurasian Economic Union, approved by Decision No. 54 of the EEC Council dated July 16, 2012 (as amended by Decision No. 101 of the EEC Council of October 18, 2016). URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/ett/Pages/default.aspx> (In Russ.).
9. Annex 4 (List of goods and rates in respect of which, during the transitional period, the Republic of Armenia shall apply the import customs duties rates, other than the Common Customs Tariff rates of the Eurasian Economic Union) to the Treaty on the Accession of the Republic of Armenia to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 (adopted October 10, 2014). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/en-us/0017354/itia_11102014_doc.pdf
10. Trošt M., Bojnec Š. Export-led growth: The case of the Slovenian and Estonian economies. *Post-Communist Economies*. 2016;28(3):373-383. DOI: 10.1080/14631377.2016.1184425
11. Hye Q. M. A., Wizarat S., Lau W.-Y. Trade-led growth hypothesis: An empirical analysis of South Asian countries. *Economic Modelling*. 2013;35:654-660. DOI: 10.1016/j.econmod.2013.07.040.
12. Kristjanpoller W. R., Olson J. E. Economic growth in Latin American countries: Is it based on export-led or import-led growth? *Emerging Markets Finance and Trade*. 2014;50(sup. 1):6-20. DOI: 10.2753/REE1540-496x5001S101
13. Tang C. F., Lai Y. W., Ozturk I. How stable is the export-led growth hypothesis? Evidence from Asia's Four Little Dragons. *Economic Modelling*. 2015;44:229-235. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.09.022
14. Ee C. Y. Export-led growth hypothesis: Empirical evidence from selected sub-Saharan African countries. *Procedia Economics and Finance*. 2016;35:232-240. DOI: 10.1016/S2212-5671(16)00029-0.
15. Sağlam Y., Egeli H. A. A comparison of domestic demand and export-led growth strategies for European transition economies. *Foreign Trade Review*. 2018;53(3):156-173. DOI: 10.1177/0015732517734755.

16. Rani R., Kumar N. Is there an export- or import-led growth in BRICS countries? An empirical investigation. *Jindal Journal of Business Research*. 2018;7(1):13-23. DOI: 10.1177/2278682118761748.
17. Shoghakn diamond cutting company to open training center. ARKA News Agency. Nov. 25, 2016. URL: http://arka.am/en/news/business/shoghakn_diamond_cutting_company_to_open_training_center/.
18. Further growth recorded in Armenian diamond Industry. Aazatutyun Radio. Aug. 9, 2017. URL: <https://www.azatutyun.am/a/28667420.html>.
19. Gziryan A. Armenia's Kotayk province eyes becoming major diamond industry center. Armenpress. March 6, 2019. URL: <https://armenpress.am/eng/news/966487.html>.
20. The global diamond industry 2015: Growth perspectives amid short-term challenges. Boston, MA: Bain & Company, Inc.; 2015. 40 p. URL: <https://www.awdc.be/sites/awdc2016/files/documents/BAIN%202015%20The%20Global%20Diamond%20Report%202015%20Growth%20perspectives%20amid%20short-term%20challenges.pdf>.
21. The global diamond industry 2016: The enduring allure of timeless gems. Boston, MA: Bain & Company, Inc.; 2016. 46 p. URL: https://www.bain.com/contentassets/9b90201a6a764af88ad06f21cca3f273/bain_diamond_report_2016.pdf.
22. The global diamond industry 2017: The enduring story in a changing world. Boston, MA: Bain & Company, Inc.; 2017. 40 p. URL: <https://www.awdc.be/sites/awdc2016/files/documents/The%20Global%20Diamond%20Industry%202017%20-%20The%20enduring%20story%20in%20a%20changing%20world.pdf>.
23. The global diamond industry 2018: A resilient industry shines through. Boston, MA: Bain & Company, Inc.; 2018. 43 p. URL: https://www.bain.com/contentassets/a53a9fa8bf5247a3b7bb0b10561510c2/bain_diamond_report_2018.pdf.
24. Dubai's diamond gateway: Certified for security, quality and responsible stewardship. DMCC. 2019. URL: <https://www.dmcc.ae/gateway-to-trade/commodities/diamonds>.

О международных транзитных перевозках грузов в рамках пространства Шанхайской организации сотрудничества

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-42-52

УДК 327

Цветков Валерий Анатольевич

директор Института проблем рынка РАН, член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47

Зоидов Кобилжон Ходжиевич

заведующий лабораторией Института проблем рынка РАН,
кандидат физико-математических наук, доцент
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47, e-mail: kobiljonz@mail.ru

Медков Алексей Анатольевич

ведущий научный сотрудник Института проблем рынка РАН, кандидат экономических наук
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47

Цель. Выработать концептуальные основы координации и развития конкурентных преимуществ международных транзитных перевозок государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в целях создания единой транспортной системы в рамках пространства указанной организации.

Задачи. Рассмотреть перспективы сопряжения и инновационного развития транспортно-транзитных систем (ТТС) государств — членов ШОС в целях создания общей сети железных и автомобильных дорог, образования единой транспортной системы ШОС. Провести анализ направлений и перспектив цифровой трансформации перевозочного процесса на межгосударственных стыках. Доказать, что развитие транзитных грузоперевозок железнодорожным транспортом, прежде всего, путем налаживания транспортно-транзитных коммуникаций с Афганистаном, является важным условием обеспечения комплексной безопасности в рамках пространства ШОС.

Методология. В исследовании использованы методы системного анализа, эволюционно-институциональной теории, эконометрического моделирования и исторического подхода.

Результаты. Перспективы сопряжения ТТС заложены в реализации Соглашения государств — членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок. Суть еще одного перспективного направления заключается в создании общей сети железных дорог, которое ведет к достижению глобальной цели — образованию единой транспортной системы ШОС. В связи с тем, что рынок контейнеров целиком захвачен китайскими производителями, по мнению авторов, российские компании могут и должны занять весомую часть рынка фитинговых платформ (в том числе инновационных) в рамках ШОС. Координация международных транзитных перевозок должна быть направлена и на сокращение порожнего пробега контейнеров, а также фитинговых платформ. Среди направлений сокращения порожнего пробега — формирование грузовой базы обратной загрузки и разработка логистических схем. При прямых смешанных (комбинированных) перевозках необходимо применение единого транспортного документа, а также разработка и внедрение электронного документооборота при перевозке грузов по международным транспортным коридорам. Для обеспечения национальной безопасности государств — членов ШОС в первую очередь следует развивать железнодорожные перевозки грузов и пассажиров, которые в большей степени подвержены контролю, чем транспортная перевозка автомобилями. Кроме того, требуется расширить применение стационарных и подвижных инспекционно-досмотровых комплексов (ИДК), предназначенных для таможенного и пограничного контроля грузов.

Выводы. В целях реализации транспортно-транзитного потенциала государств — членов ШОС и создания единой транспортной системы в рамках пространства организации необходимо решение задач по строительству транспортных коммуникаций высокого класса; расширению пропускных возможностей сухопутных погранпереходов, развитию портовой инфраструктуры; сопряжению инфраструктурно-интеграционных проектов и транспортно-транзитных систем; обеспечению интероперабельности перевозочного процесса, строительству мультимодальных транспортно-логистических центров; цифровизации перевозочного процесса, внедрению транспортных технологий на основе применения искусственного интеллекта; созданию мультимодальных цифровых международных коридоров; внедрению электронного документооборота; обеспечению прослеживаемости грузоперевозок с использованием электронных пломб.

Ключевые слова: конкурентные преимущества, транспортная сфера, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), транспортно-транзитная система, инфраструктурно-интеграционные проекты, сопряжение, международные транспортные коридоры, перевозочный процесс, железнодорожный транспорт, цифровая трансформация.

Для цитирования: Цветков В. А., Зойдов К. Х., Медков А. А. О международных транзитных перевозках грузов в рамках пространства Шанхайской организации сотрудничества // *Экономика и управление*. 2019. № 11 (169). С. 42–52. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-42-52

Благодарности: Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-02-00482 ОГН А.

On International Cargo Transit within the Shanghai Cooperation Organization

Valeriy A. Tsvetkov

*Market Economy Institute of Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418*

Kobilzhon Kh. Zoidov

*Market Economy Institute of Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418, e-mail: kobiljonz@mail.ru*

Aleksey A. Medkov

*Market Economy Institute of Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418*

Aim. The presented study aims to develop a conceptual framework for the coordination and development of the competitive advantages of international transit between the Shanghai Cooperation Organization (SCO) member states in an attempt to create a unified transport system within the SCO space.

Tasks. The authors assess the prospects of the interconnection and innovative development of the transit transport systems (TTS) of the SCO member states to create a common network of railroads and motorways and a unified transport system within the SCO; analyze the directions and prospects of the digital transformation of the transportation process at interstate junctions; prove that the development of cargo transit by rail, primarily through the improvement of transit transport communication with Afghanistan, is an important prerequisite for ensuring integrated security within the SCO space.

Methods. This study uses the methods of systems analysis, evolutionary-institutional theory, econometric modeling, and historical approach.

Results. The prospects for TTS interconnection are rooted in the implementation of the Agreement between the SCO member states to create favorable conditions for international road transport. Another promising direction involves creating a common network of railroads to achieve the global goal of establishing a unified transport system within the SCO. Given the fact that the container market has been occupied by Chinese manufacturers, the authors believe that Russian companies can and should take up a significant part of the container platform market (including innovative) within the SCO. The coordination of international transit transport should also be aimed at reducing the empty mileage rates of containers and container platforms. One of the directions for reducing empty mileage includes the formation of a backhaul cargo base and development of logistics schemes. Multimodal (combined) transport requires a single transport document as well as development and implementation of electronic workflows for cargo transit along international transport corridors. To ensure the national security of the SCO member states, first of all, it is necessary to develop rail transport of goods and passengers, which is more subject to control than road transport. It is also necessary to enhance the application of stationary and mobile inspection and examination complexes for the customs and border control of cargo.

Conclusions. Realization of the transit transport potential of the SCO member states and creation of a unified transport system within the Organization's space requires the following conditions to be met: construction of high-end transport communications; expansion of the capacity of overland borders, development of port infrastructure; interconnection of infrastructure integration projects and transit transport systems; interoperability of the transportation process, construction of multimodal transport and logistics centers; digitization of the transportation process, implementation of transport technologies based on artificial intelligence; creation of multimodal digital international corridors; implementation of electronic workflows; traceability of cargo transit using electronic seals.

Keywords: competitive advantages, transport sector, Shanghai Cooperation Organization (SCO), Eurasian Economic Union (EAEU), transit transport system, infrastructure integration projects, interconnection, international transport corridors, transportation process, railway transport, digital transformation.

For citation: Tsvetkov V. A., Zoidov K. Kh., Medkov A. A. On International Cargo Transit within the Shanghai Cooperation Organization. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(11): 42–52 (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-42-52

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 17-02-00482 ОГН А.

Введение

В декларации Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), подписанной 14 июня 2019 г. в Бишкеке, подчеркнута мысль о «важности дальнейшего углубления многостороннего сотрудничества в транспортной сфере, включая создание новых и модернизацию действующих международных маршрутов для автомобильного и железнодорожного транспорта, мультимодальных транспортных коридоров, международных мультимодальных центров логистики, торговли и туризма, внедрении инновационных и энергосберегающих технологий, оптимизации трансграничных процедур в соответствии с лучшими международными практиками и реализации других совместных инфраструктурных проектов, обеспечивающих эффективное использование транзитного потенциала государств — членов ШОС» [1]. Кроме того, предусмотрено развитие такого перспективного в рамках развития технологий цифровой экономики направления, как формирование и организация эффективного функционирования системы интегрированного управления транспортными перевозками.

Страны ШОС¹ занимают 60 % территории суши. В них проживает более 44 % населения Евразии, сосредоточено свыше 20 % мировой экономики (в номинальном исчислении). На железнодорожную сеть ШОС приходится более 70 % грузооборота железных дорог мира. В целях реализации транспортно-транзитного потенциала государств — членов ШОС необходимо строительство транспортных коммуникаций на уровне мировых стандартов и выше; сопряжение инфраструктурно-интеграционных проектов и транспортно-транзитных систем; создание общей сети железных дорог, а в перспективе образование единой транспортной системы ШОС; развитие «бесшовных» перевозочных технологий, строительство мультимодальных транспортно-логистических центров. Кроме того, требуется цифровая трансформация перевозочного процесса, расширение областей применения искусственного интеллекта; создание цифровых торгово-транспортных путей XXI в.; внедрение электронного документооборота; обеспечение прослеживаемости пере-

возок грузов путем применения с электронных запорных устройств («умных» пломб); расширение пропускной способности сухопутных погранпереходов и инфраструктуры портов; синхронизация графиков работы контролирующих органов и пограничных служб соседних государств на пропускных пунктах; гармонизация фитосанитарных норм и таможенных процедур; создание благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, взаимное признание водительских удостоверений; создание консорциума аналитических центров в целях системного исследования проблем транспортной сферы.

Усилия государств — членов ШОС направлены, в частности, на сопряжение китайской инициативы «Пояс и путь» (ПиП) и инфраструктурно-интеграционных проектов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также других государств ШОС. В ходе Петербургского международного экономического форума — 2019 генеральный секретарь ШОС В. Норов, говоря о проекте ПиП, отметил, что «сопряжение евразийского экономического пространства и этой инициативы позволяет создать широкую транзитную зону для грузопотока из Азии в Европу и обратно. Состыковка Северного морского пути и Шелкового пути также создаст глобальный и конкурентный маршрут» [2]. В. Норов указал, что для решения важной задачи обеспечения выхода стран Центральной Азии начато формирование транспортного коридора «Россия — Казахстан — Узбекистан — Туркменистан — Иран — Оман — Индия», как видно на рисунке 1.

В. Норов подчеркнул, что «развивая региональные транспортные коридоры, важно вовлекать в этот процесс и Афганистан» [2]. Дополним, что реализация транспортно-коммуникационных проектов в Афганистане не только позволит обеспечить выход стран ЦА к портам Чабахар (Иран) и Гвадар (Пакистан), но будет иметь и большое военно-политическое значение, способствовать нормализации социально-экономической ситуации в Афганистане, росту занятости населения, более эффективному контролю за передвижением оружия, взрывчатых веществ и наркотических средств.

В статье выдвинута гипотеза о том, что развитие транзитных грузоперевозок железно-

¹ Государствами — членами ШОС являются Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия, Индия и Пакистан. Наблюдателями при ШОС выступают Афганистан, Белоруссия, Иран и Монголия, а партнерами по диалогу ШОС — Азербайджан, Армения, Непал, Камбоджа, Турция и Шри-Ланка.

Рис. 1. Государства на пути прохождения транспортного коридора «Россия — Казахстан — Узбекистан — Туркменистан — Иран — Оман — Индия» в Центральной и Западной Азии

Источник: По данным новостного агентства 12news.uz. URL:<http://www.12news.uz/news/2014/01/28/узбекистан-туркменистан-иран-и-оман-3/>.

дорожным транспортом, прежде всего путем налаживания транспортно-транзитных коммуникаций с Афганистаном, является важным условием обеспечения комплексной безопасности в рамках пространства ШОС.

Основные результаты и их обсуждение

Рассмотрим динамику и перспективы роста транзитных перевозок грузов по сети ОАО «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД») в сообщении со странами ШОС. За январь — май 2019 г. объем перевозок грузов по сети ОАО «РЖД» в сообщении со странами ШОС увеличился на 4 % в сравнении с аналогичным периодом 2018 г. Транзитные контейнерные перевозки возросли на 23 %.

Согласно статистике Главного таможенного управления Китайской Народной Республики (КНР), китайско-российский товарооборот в 2018 г. повысился на 27,1 % — до более чем 107 млрд долл. В 2018 г. около половины грузов в границах ШОС (примерно 73 млн тонн) перевезено между Россией и Китаем. Рост составил около 2 % по сравнению с 2017 г. При этом транзитные перевозки по маршруту «Китай — Россия — Европа» увеличились на

треть и составили 351 тыс. ДФЭ [3]. Перевозки контейнерных грузов в транзитном сообщении остаются наиболее быстрорастущим сегментом грузовых железнодорожных перевозок и в 2019 г.: за январь—май они увеличились на 22,3 % и составили 221 тыс. ДФЭ. По сведениям первого заместителя генерального директора ОАО «РЖД» А. Мишарина, доля транзитных перевозок через территорию России в общем объеме перевозок за пять месяцев 2019 г. показала рост на 0,2 % по отношению к тому же периоду 2018 г. и составила 2 %. Доля транзита в доходах от перевозок грузов в целом находится на уровне 3,1 % [4].

Прогнозируемый контейнеропоток в 2019 г. достиг показателя 673 тыс. ДФЭ (годовой рост — 21,7 %). А. Мишарин отметил, что «сегодня компания «РЖД» организует перевозки в сообщении с 34 городами КНР, в ближайшее время планируем довести это число до 50. Мы открываем новые маршруты для перемещения китайских товаров не только по России и Европе, но и в страны СНГ, например, в Азербайджан. Хотим создать «бесшовный» сервис для стратегической задачи — четырехкратного увеличения транзита в следующие пять лет. Для этого работаем над синхронизацией рас-

Рис. 2. Международные транспортные коридоры на пространстве ШОС и ЕАЭС

Источник: По данным сайта Издательского дома «Беларусь сегодня» [5].

ширения пропускных возможностей пограничных переходов, в том числе на китайско-монгольском направлении» [3], что отражено на рисунке 2.

Большая доля перевозок приходится на транспортировку высокодоходных грузов, причем во всех направлениях. Речь идет об автомобилях, запасных частях к ним, мебели, электронике, товарах «лакшери», а также продуктах питания, перевозимых в изотермическом подвижном составе. Такие грузы чувствительны к времени и качеству перевозки, при этом транспортные тарифы по отношению к цене товаров выглядят незначительными. Основная грузовая номенклатура, следующая из Кореи и Японии транзитом через Россию, — это автокомплектующие, перевозимые в страны Центральной Азии, не имеющие выхода к морю.

Проводится работа по развитию контейнерных перевозок через МТК «Приморье-1» и «Приморье-2». Однако вызывает сомнения тезис о том, что «значительный потенциал для наращивания перевозок откроется благодаря модернизации и расширению БАМа и Транссиба (к 2024 г. можно будет перевозить до 180 млн тонн в год), а также железнодорожных подходов к российским морским портам на Дальнем Востоке и Северо-Западе» [3]. В настоящее время Транссибирская железнодорожная магистраль загружена экспортными перевозками угля из Кузбасса в порты Дальнего Востока, а далее — в страны Индийско-Тихоокеанского региона, а также возвратом порож-

них полувагонов. Перевозчикам контейнерных грузов, в том числе транзитных, необходим выделенный коридор. Неслучайно Россия заинтересована в повышении взаимосвязанности транспортной инфраструктуры России, Монголии и Китая, развитию соответствующего экономического коридора. По мнению директора департамента международного сотрудничества Минтранса России Р. Александрова, «термин «транспортный коридор» устарел. Сегодня, когда появляется все больше дорог, это уже не коридорная, а сетевая логика. В долгосрочном тренде мы представляем себе многостороннюю континентальную систему регулирования перевозок. И в ее основе будет не инфраструктура, а цифра» [6]. Рассмотрим проблемы, перспективы цифровой трансформации и сопряжения транспортно-транзитных систем государств — членов ШОС.

В Бишкекской декларации сказано, что «государства-члены, признавая важность инноваций и цифровой экономики как ключевого фактора среднесрочного и долгосрочного экономического роста и глобального устойчивого развития, выразили готовность к согласованию инновационных политик государств — членов ШОС и содействию кооперации элементов инновационной экосистемы» [1]. По мнению В. Норова, цифровизация транспортной инфраструктуры стран ШОС будет способствовать росту пропускной способности железнодорожной сети на 40 % и снижению стоимости грузоперевозок на 30 % [2]. На пути цифровиза-

ции ТТС государств — членов ШОС возникает немало трудностей. По мнению генерального директора ООО «РТ-Инвест Транспортные системы» А. Замкова, кардинальное отличие транспортных ИТ-систем стран ЕАЭС и ШОС не позволяет осуществлять их эффективную интеграцию. В частности, эксперимент по совместному с казахскими партнерами отслеживанию транзитных грузов в железнодорожном сообщении Европа — Китай показал, что системы у государств совершенно разные. По словам А. Замкова, «то же можно сказать про контроль автомобильных перевозок. С китайскими партнерами мы успешно работаем, но интеграция двух разных систем не дает ни необходимого уровня аналитики, ни возможности применить это для снижения каких-то административных или иных барьеров. Что касается Индии, то требования к ИТ-инфраструктуре и схема техники, которую предъявили нам, радикальным образом отличаются от того, что происходит на пространстве ЕАЭС» [7].

Несмотря на большие технологические сдвиги, «с точки зрения интеграционных процессов ситуация иная. И пока даже с ближайшими соседями, говорить, к примеру, об упрощении таможенных процедур не приходится. Поэтому без какой-то единой интеграционной платформы дальнейшее развитие невозможно» [7]. Подчеркивая необходимость создания единой цифровой платформы, генеральный директор ПАО «ТрансКонтейнер» В. Сараев отмечает, что «пока транспортный комплекс работает в разных ИТ-экосистемах. Условно говоря, железнодорожные перевозки осуществляются в одной системе, у морских линий — свои системы, безусловно, они взаимодействуют, но пока слабо синхронизированы. Автомобили — это третье направление, которое также участвует во всех процессах, но и здесь взаимодействие не отлажено» [8]. ПАО «ТрансКонтейнер» и китайская COSCO Shipping планируют подписать меморандум о создании совместного предприятия, функционирование которого предполагает объединение ИТ-систем компаний.

В перечне приоритетных задач транспортного сотрудничества России и ШОС значится необходимость эффективной реализации Соглашения между правительствами государств — членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок от 12 сентября 2014 г. и активной работы специально созданной Совместной комиссии по его реализации. В целях создания благоприятных условий для международных автомобильных перевозок по распоряжению председателя Правительства РФ Д. Медведева с 7 марта по 31 мая 2019 г. осуществлен эксперимент по отработке механизма мониторинга

автомобильных перевозок между Россией и Китаем с использованием технологий спутниковых навигационных систем ГЛОНАСС и «Бэйдоу». Эксперимент, проводимый с применением инфраструктуры компании «РТ-Инвест Транспортные системы» — оператора системы «Платон», касался грузовых и пассажирских автомобильных маршрутов, проходящих через пункты пропуска Краскино — Хуньчунь и Полтавка — Дуннин [9].

Рассмотрим далее направления технологического совершенствования перевозочного процесса по линии «Россия — страны — члены ШОС». В ряде задач ОАО «РЖД» можно выделить повышение маршрутной скорости контейнерных поездов на маршрутах «АТР — Европа — АТР» с 1126 км/сут. до 1415 км/сут.; повышение качества оказываемых транспортно-логистических услуг; сокращение времени обработки составов на пограничных переходах, в частности на переходе «Маньчжурия — Забайкальск» до менее 8 часов [4]; рост грузовой базы транссибирского контейнерного сервиса за счет привлечения грузов из Японии и Южной Кореи. Увеличение скорости движения контейнерных поездов до 120 км/ч требует разработки и широкого применения инновационных типов подвижного состава: локомотивов, предназначенных специально для ведения контейнерных поездов, и фитинговых платформ. В настоящее время разработаны фитинговые платформы, способные перевозить крупнотоннажные контейнеры со скоростью 160 км/ч без повреждения перевозимого груза. Использование инновационного подвижного состава позволит довести маршрутную скорость контейнерных поездов, следующих по Транссибирской магистрали в направлении «Китай — ЕС», до 1500 км/сут. [10]. В связи с тем, что рынок контейнеров целиком захвачен китайскими производителями, российские компании, по мнению авторов данной статьи, могут и должны занять весомую часть рынка фитинговых платформ (в том числе инновационных) в рамках ШОС.

Координация международных транзитных перевозок должна быть направлена и на сокращение порожнего пробега контейнеров и фитинговых платформ. Направлениями сокращения порожнего пробега являются формирование грузовой базы обратной загрузки и разработка логистических схем. Пример последнего направления — это схемы, разрабатываемые компанией Rail Cargo Logistics — RUS, когда китайский импорт (электроника, оборудование, товары народного потребления) доставляется в контейнерах из КНР на станцию Селятино (в Московскую область), затем эти товары вместе с российской продукцией грузят в контейнеры в распределительном цен-

тре и отправляют в Сибирь. В свою очередь, из Иркутска в Китай перевозятся пиломатериалы [11]. Значительную долю экспорта в Китай составляют скоропортящиеся продукты, дополнительная неделя, потраченная на логистику, замедляет их реализацию. Основными российскими экспортными товарами в Китай служат грузы, требующие определенного температурного режима, но стоимость их перевозки очень высокая. Для решения этой задачи ОАО «РЖД» реализует инвестиционный проект «Холодный экспресс». Главная особенность этой транспортно-логистической технологии — возможность выполнения погрузочно-разгрузочных операций с контейнерами на боковых приемо-отправочных путях станций с использованием фронтального погрузчика [12].

В целях развития транзитных перевозок грузов на евроазиатском пространстве требуется наличие единого транспортного документа, позволяющего осуществлять «бесшовную» транспортировку грузов в смешанном сообщении, а также внедрение электронного документооборота. С технологической точки зрения (обработка состава и перегруз на другую колею) прохождение железнодорожного пункта пропуска занимает 40 мин. А на оформление документов, по нашей статистике, в среднем тратится от четырех до восьми дней. Длительные пограничные процедуры характерны и для китайской стороны. Необходимо стремиться к тому, чтобы в течение этих 40 мин были проведены все операции, связанные с государственным контролем, а на первом этапе — проводить контрольные процедуры хотя бы за четыре часа. Целесообразно осуществлять таможенные операции не на приграничных станциях, а на станциях назначения. Если же продолжать досматривать грузы на погранпереходах, то требуется развитие их инфраструктуры на принципах государственно-частного партнерства [13]. Генеральный директор — председатель правления ОАО «РЖД» О. Белозеров указал: «Не секрет, что технологически мы можем доставить грузы от границы с КНР до границы с Евросоюзом в достаточно сжатые сроки, но таможенные и другие приграничные процедуры зачастую серьезно тормозят процесс перевозки. Нам нужно единое железнодорожное право» [14].

Нельзя оставить без внимания и вопрос о субсидировании КНР перевозок контейнерных грузов и координации международных транзитных перевозок государств — членов ШОС. Тарифы на перевозки грузов железнодорожным транспортом связаны с затратами на содержание инфраструктуры. В морском транспорте инфраструктурные затраты меньше. Китай субсидирует контейнерные перевозки по железной дороге, что существенно

улучшает экономику перевозок. ПАО «ТрансКонтейнер» внедрил новый сервис для стран Европы: предоставление контейнеров китайских грузовладельцев для отправки товаров по приоритетным направлениям. В результате дисбаланса перевозок в Европе скапливается больше порожних контейнеров, чем необходимо. Складируют контейнеры на территории Европы очень дорого: стоимость хранения может достигать двух евро в сутки. Возникает проблема обратной загрузки, которая успешно решается. Доля порожних контейнеров в отправлениях компании постоянно снижается. Если раньше из Европы только около 20 % контейнеров возвращались груженными, то в настоящее время этот показатель доходит до 60–70 %. На возврат контейнера из Европы компания получает дотацию — 500 долл., соответственно, на эту сумму могут быть снижены тарифы для местных грузоотправителей [15]. ПАО «ТрансКонтейнер» организовало курсирование регулярного контейнерного поезда по маршруту «Клещиха (Западно-Сибирская дорога, ЗСЖД) — Тяньцзинь (Китай)». В рамках регулярного маршрута оператор задействовал российско-китайский пункт пропуска «Махалино (Камышовая) — Хуньчунь», входящий в состав международного транспортного коридора «Приморье-2». В рамках реализации проекта ПиП Китайская железная дорога выразила заинтересованность в развитии этого международного транспортного коридора, вследствие чего в 2019 г. выделила субсидии на развитие данного погранперехода на своей территории.

Контейнерный поезд по маршруту «Екатеринбург — Товарный — Уланчаб (провинция Внутренняя Монголия, КНР)» организовала компания Modern Way Cross Border Logistics. По словам коммерческого директора компании Modern Way Cross Border Logistics (MWCBL Logistics), китайское правительство предоставляет субсидию на перевозки грузов через погранпереход «Наушки — Сухэ-Батор (Монголия)». В задачи MWCBL Logistics входят привлечение клиентов и оперирование контейнерным сервисом, а также организация субсидирования железнодорожного тарифа по китайской территории с помощью китайских акционеров [16]. По словам управляющего партнера исследовательской компании М. А. Research Л. Симоновой, китайские субсидии для экспортеров снижаются на 20 % в год [17]. Сокращение китайских субсидий привело к смещению основного контейнеропотока по маршруту «Китай — Европа» на Северный коридор Транс-азиатской железнодорожной магистрали, т. е. на маршрут «Китай — Казахстан — Россия — Белоруссия».

В целях социально-экономического развития Синцзян-Уйгурского автономного района и

других западных регионов страны, а также для достижения окупаемости и загрузки построенных на указанной территории пунктов пропуска и транспортно-логистических центров КНР с 2019 г. отменила субсидии на перевозки грузов через Монголию и пограничный переход «Маньчжурия — Забайкальск», что обусловило сокращение перевозок контейнерных грузов на 54,3 % и 40,3 % соответственно¹. В это же время рост перевозок контейнерных грузов через погранпереход «Достык (Казахстан) — Алашанькоу (Китай)» составил 33 %. [4]. Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости увязки политики субсидирования грузоперевозок с развитием ТТС государств — членов ШОС.

Важное направление развития в рассматриваемой сфере — налаживание транспортно-транзитных коммуникаций с Афганистаном и обеспечение национальной безопасности государств — членов ШОС. Для стран — членов ШОС актуальна проблема борьбы с наркотрафиком, перевозкой взрывчатых и других запрещенных веществ. В Бишкекской декларации предусмотрено, что «государства-члены активно и целенаправленно противодействуют международному терроризму, сепаратизму и экстремизму, транснациональной организованной преступности, незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, угрозам биологической и информационной безопасности, нелегальной миграции, выступают за дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы сотрудничества в этих сферах» [1]. Относительно взаимодействия с Афганистаном отмечается, что «государства-члены считают одним из важнейших факторов сохранения и укрепления безопасности, стабильности на пространстве ШОС скорейшее урегулирование ситуации в Афганистане. Они поддерживают усилия правительства и народа Исламской Республики Афганистан, направленные на восстановление мира, экономическое развитие страны, противостояние терроризму, экстремизму и наркопреступности» [1].

Для достижения этих целей следует развивать железнодорожные перевозки грузов и пассажиров, которые в большей степени подвержены контролю, чем транспортировка автомобильным транспортом. Кроме того, следует расширять применение стационарных и подвижных инспекционно-досмотровых комплексов (ИДК), предназначенных для таможенного и пограничного контроля грузов. ИДК спо-

собны осуществлять контроль железнодорожных вагонов без вскрытия контейнеров и без остановки состава при его движении со скоростью до 70 км/ч, что позволяет значительно ускорить процесс прохождения таможенного контроля.

Выполнение этой задачи актуально не только для стран Центрально-Азиатского региона. Так, Белоруссия находится на главных транзитных путях из Восточной и Центральной Азии на Запад. Это ставит на повестку дня вопросы борьбы с наркотрафиком, торговлей оружием, людьми, терроризмом и нелегальной миграцией. В рамках ШОС происходит координация действий стран-участниц по борьбе с этими угрозами, прилагаются усилия по решению афганской проблемы. В феврале 2019 г. открыт торговый коридор «Афганистан — Иран — Индия», по которому Афганистан будут экспортироваться товары из Индии и обратно через порт Чабахар в Иране. Индия запустила торговый маршрут в Афганистан через Иран, отправив свою первую партию пшеницы в Афганистан в конце октября 2017 г., минуя территорию геополитического противника — Пакистана [18].

Заключение

Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры, разработанный в рамках концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации, направлен на повышение связности территорий России и создание опорных центров для форсированного экономического роста. Для эффективной реализации основных направлений стратегического развития транспортной сети страны их следует увязать с осуществлением крупных инфраструктурных проектов в рамках глобальных и региональных интеграционных объединений, а также усилиями по совершенствованию перевозочного процесса и технологий [19; 20; 21].

Перспективным направлением видится расширение международных связей ШОС с региональными экономическими интеграционными объединениями, прежде всего в формате ШОС — ЕАЭС. Транспортно-логистическим стержнем этого формата должна стать реализация проекта строительства железной дороги «Китай — Кыргызстан — Узбекистан». Железнодорожный путь «Узень — Берекет — Горган» позволит увеличить грузопотоки государств — членов ШОС как в северном, так и в южном направлениях. Проект в первую очередь направлен на достижение конкурент-

¹ Сокращение субсидирования северных маршрутов с использованием Транссиба привело к тому, что стоимость перевозки 40-футового контейнера по маршруту «Чунцин — Дуйсбург» через Казахстан составляет 1 400 долл., через Монголию — 4 400 долл., через Забайкальск — 6 300 долл.

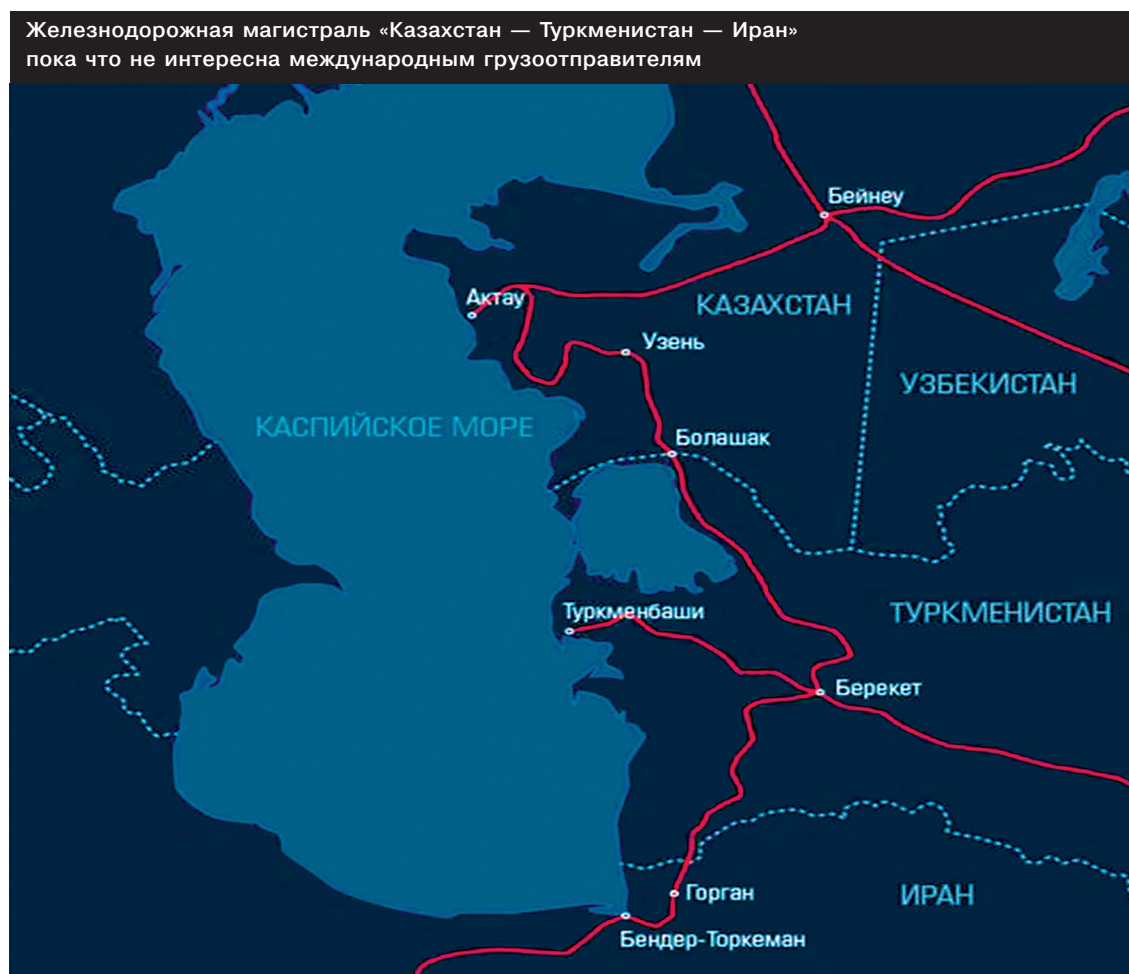

Рис. 3. Железная дорога «Узень — Берекет — Горган».

Источник: По данным сайта Expert Kazakhstan [22].

ных преимуществ России, Казахстана и Туркменистана в конкурентной борьбе государств Евразии при создании международных транспортных коридоров и привлечении транзитных грузопотоков, что находит отражение на рисунке 3.

Причем в развитие евроазиатских транспортно-логистических процессов вовлечены страны, находящиеся на значительном расстоянии от основных мест образования грузопотоков. Например, Белоруссия (создание китайско-белорусского индустриального парка «Великий Камень») и Азербайджан. В планах Белорусской железной дороги на 2019 г. реализация новых проектов по экспорту продукции предприятий республики. В рамках развития коридора «Север — Юг» Белорусской железной дороги совместно с ОАО «РЖД» и ЗАО «Азербайджанские железные дороги» прорабатывается новый проект — курсирование контейнерного поезда по маршруту «Минск —

Баку», которой смог бы в течение семи суток и доставлять в Азербайджан по конкурентным тарифам товары, производимые в Белоруссии. Азербайджан, в свою очередь, поддерживает развитие международного транспортного маршрута «Каспийское море — Черное море». Румыния является для Азербайджана точкой входа на рынок Евросоюза. Инициаторами создания транспортного маршрута «Каспийское море — Черное море» выступают Румыния и Туркменистан, заинтересованные в задействовании своих морских портов. Для Туркменистана этот маршрут представляет интерес также с точки зрения возможности транспортировки своих грузов, в том числе сжиженного газа, в румынский порт Констанца. Развитие электронной торговли будет проходить за счет трансграничных контактов с Китаем. В связи с этим в таможенном законодательстве необходимо применять транзитно-ориентированные подходы.

Литература

1. Бишкекская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества от 14 июня 2019 г. [Электронный ресурс] // Администрация Президента России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5421> (дата обращения: 20.06.2019).

2. *Транспортные проблемы на пространстве ШОС* [Электронный ресурс] // SeaNews: информационно-аналитическое агентство. 2019. 10 июня. URL: <http://seanews.ru/2019/06/10/ru-transportnye-problemy-na-prostranstve-shos/> (дата обращения: 05.07.2019).
3. *Позолотчикова Я.* Дорога привела в ШОС [Электронный ресурс] // Гудок. 2019. 7 июня. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1466517&archive=2019.06.07> (дата обращения: 02.07.2019).
4. *Плетнев С.* Транзит ищет выгодные пути [Электронный ресурс] // Гудок. 2019. 18 июня. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1467261&archive=2019.06.18> (дата обращения: 02.07.2019).
5. *Алексеев Н.* Куда пойдут караваны нового шелкового пути? // Союзное вече. 2016. 9 авг. URL: <https://www.souzveche.ru/articles/economy/32295/> (дата обращения: 16.08.2019).
6. *Можаровская А.* В долгосрочной перспективе может появиться многосторонняя континентальная система регулирования перевозок [Электронный ресурс] // РЖД-Партнер. 2019. 16 апр. URL: <http://www.rzd-partner.ru/logistics/news/v-dolgosrochnoy-perspektive-mozhet-poyavitsya-mnogostoronnyaya-kontinentalnaya-sistema-regulirovaniya/> (дата обращения: 16.04.2019).
7. *Можаровская А.* Без создания единой цифровой платформы дальнейшая интеграция транспортных IT-систем стран ЕАЭС и ШОС невозможна [Электронный ресурс] // РЖД-Партнер. 2019. 6 июня. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/bez-sozdaniya-edinoy-tsifrovoy-platformy-dalneyshaya-integratsiya-transportnykh-it-sistem-stran-eaes/> (дата обращения: 17.06.2019).
8. *Можаровская А.* Транспортная система должна взаимодействовать в рамках единой цифровой платформы [Электронный ресурс] // РЖД-Партнер. 2019. 6 июня. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/transportnaya-sistema-dolzha-vzaimodeystvovat-v-ramkakh-edinoy-tsifrovoy-platformy/> (дата обращения: 17.06.2019).
9. *Кабмин поручил провести тестовые испытания механизма мониторинга перевозок между РФ и КНР* [Электронный ресурс] // РЖД-Партнер. 2019. 7 марта. URL: <http://www.rzd-partner.ru/auto/news/kabmin-poruchil-provesti-testovye-ispytaniya-mekhanizma-monitoringa-perevozok-mezhdu-rf-i-kr/> (дата обращения: 07.03.2019).
10. *Кудрявцева Е.* Транзитное ускорение [Электронный ресурс] // Гудок. 2019. 30 янв. URL: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1451533&archive=2019.01.30> (дата обращения: 15.05.2019).
11. *Кудрявцева Е.* Контейнерный маршрут свернули в кольцо [Электронный ресурс] // Гудок. 2019. 5 марта. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1455510&archive=2019.03.05>. (дата обращения: 15.05.2019).
12. *Донцов С.* Принцип полигонного управления. Интервью начальника Забайкальской железной дороги А. Скачкова [Электронный ресурс] // Гудок. 2019. 21 янв. URL: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1450414&archive=2019.01.21> (дата обращения: 15.05.2019).
13. *Ермакова К.* Сложный переход [Электронный ресурс] // Гудок. 2019. 29 янв. URL: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1451383&archive=2019.01.29> (дата обращения: 15.05.2019).
14. *Мозговой К.* Дорогам раздвигают горизонты [Электронный ресурс] // Гудок. 2019. 19 марта. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1456872&archive=2019.03.19> (дата обращения: 31.05.2019).
15. *Харнас А.* Мы хотим говорить на цифровом языке. Интервью с генеральным директором компании «ТрансКонтейнер» В. Сараевым [Электронный ресурс] // Гудок. 2019. 20 мая. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1464411&archive=2019.05.20> (дата обращения: 31.05.2019).
16. *Ермакова К.* Товарам определили переход [Электронный ресурс] // Гудок. 2019. 7 мая. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1463488&archive=2019.05.07> (дата обращения: 31.05.2019).
17. *Плетнев С.* Рекорд поставили транзитом [Электронный ресурс] // Гудок. 2019. 2 апр. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1458764&archive=2019.04.02> (дата обращения: 31.05.2019).
18. *Официально открыт торговый коридор Афганистан — Иран — Индия через иранский порт Чабахар* [Электронный ресурс] // РЖД-Партнер. 2019. 25 февр. URL: <http://www.rzd-partner.ru/logistics/news/ofitsialno-otkryt-torgovyy-koridor-afganistan-iran-indiya-cherez-iranskiy-port-chabakhar/> (дата обращения: 31.05.2019).
19. *Цветков В. А., Зоидов К. Х., Медков А. А.* Создание государственно-частных компаний — организационно-институциональной основы развития транспортно-транзитных систем // Экономика и управление. 2016. № 12 (134). С. 5–24.
20. *Цветков В. А., Зоидов К. Х., Медков А. А.* Концепция проекта сопряжения инфраструктурно-транспортных и торговых систем России, Ирана, Индии и других государств (варяго-персидский торговый путь XXI века) // Экономика и управление. 2017. № 12 (146). С. 17–32.
21. *Цветков В. А., Зоидов К. Х., Медков А. А., Зоидов З. К.* Концептуальные подходы к моделированию, формированию и развитию инновационно-индустриального пояса современного торгового пути // Экономика и управление. 2018. № 5 (151). С. 4–16.
22. *Машаев А.* Ждем транзита [Электронный ресурс] // Expert Kazakhstan. 19 февр. 2019. URL: <https://expertonline.kz/a15891/> (дата обращения: 16.07.2019).

References

1. Bishkek declaration of the Council of heads of state of the Shanghai Cooperation Organization of June 14, 2019. Official website of the Administration of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5421> (accessed on 20.06.2019). (In Russ.).
2. Transport problems in the SCO space. SeaNews: Information and Analytical Agency. June 10, 2019. URL: <http://seanews.ru/2019/06/10/ru-transportnye-problemy-na-prostranstve-shos/> (accessed on 05.07.2019). (In Russ.).

3. Pozolotchikova Ya. The road led to the SCO. Gudok. June 07, 2019. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1466517&archive=2019.06.07> (accessed on 02.07.2019). (In Russ.).
4. Pletnev S. Transit is looking for profitable ways. Gudok. June 18, 2019. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1467261&archive=2019.06.18> (accessed on 02.07.2019). (In Russ.).
5. Alekseev N. Where will the caravans of the new silk road go? Soyuznoe veche. Aug. 09, 2016. URL: <https://www.souzveche.ru/articles/economy/32295/> (accessed on 16.08.2019). (In Russ.).
6. Mozharovskaya A. In the long run, a multilateral continental traffic regulation system may appear. RZD-Partner. Apr. 16, 2019. URL: <http://www.rzd-partner.ru/logistics/news/v-dolgosrochnoy-perspektive-mozhet-poyavitsya-mnogostoronnyaya-kontinentalnaya-sistema-regulirovaniya/> (accessed on 16.04.2019). (In Russ.).
7. Mozharovskaya A. Without the creation of a single digital platform, further integration of transport IT systems of the EAEU and SCO countries is impossible. RZD-Partner. June 06, 2019. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/bez-sozdaniya-edinoy-tsifrovoy-platformy-dalneyshaya-integratsiya-transportnykh-it-sistem-stran-eaes/> (accessed on 17.06.2019). (In Russ.).
8. Mozharovskaya A. The transport system must interact within a single digital platform. RZD-Partner. June 06, 2019. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/transportnaya-sistema-dolzha-vzaimodeystvovat-v-ramkakh-edinoy-tsifrovoy-platformy/> (accessed on 17.06.2019). (In Russ.).
9. The Cabinet of Ministers instructed to conduct tests of the mechanism for monitoring transportation between the Russian Federation and China. RZD-Partner. March 07, 2019. URL: <http://www.rzd-partner.ru/auto/news/kabmin-poruchil-provesti-testovye-ispytaniya-mekhanizma-monitoringa-perevozok-mezhdu-rf-i-kr/> (accessed on 07.03.2019). (In Russ.).
10. Kudryavtseva E. Transit acceleration. Gudok. 2019;(14). Jan. 30. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1451533&archive=2019.01.30> (accessed on 15.05.2019). (In Russ.).
11. Kudryavtseva E. Container route was turned into a ring. Gudok. 2019;(37). March 05. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1455510&archive=2019.03.05>. (accessed on 15.05.2019). (In Russ.).
12. Dontsov S. The principle of landfill management. Interview with the head of the Trans-Baikal Railway A. Skachkov. Gudok. 2019;(7). Jan. 21. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1450414&archive=2019.01.21> (accessed on 15.05.2019). (In Russ.).
13. Ermakova K. Difficult border crossing. Gudok. 2019;(13). Jan. 29. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1451383&archive=2019.01.29> (accessed on 15.05.2019). (In Russ.).
14. Mozgovoi K. The horizons are extended for the roads. Gudok. 2019;(46). March 19. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1456872&archive=2019.03.19> (accessed on 31.05.2019). (In Russ.).
15. Kharnas A. We want to talk on the digital language. Interview with the general Director of TransContainer V. Saraev. Gudok. 2019;(85). May 20. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1464411&archive=2019.05.20> (accessed on 31.05.2019). (In Russ.).
16. Ermakova K. Border crossing was set for the goods. Gudok. 2019;(78). May 07. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1463488&archive=2019.05.07> (accessed on 31.05.2019). (In Russ.).
17. Pletnev S. The record was set in transit. Gudok. 2019;(56). April 02. URL: <https://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1458764&archive=2019.04.02> (accessed on 31.05.2019). (In Russ.).
18. The trade corridor Afghanistan — Iran — India through the Iranian port of Chabahar was officially opened. RZD-Partner. Feb. 25, 2019. URL: <http://www.rzd-partner.ru/logistics/news/ofitsialno-otkryt-torgovyy-koridor-afganistan-iran-indiya-cherez-iranskiy-port-chabakhar/> (accessed on 31.05.2019). (In Russ.).
19. Tsvetkov V. A., Zoidov K. Kh., Medkov A. A. Creation of public-private companies — the organizational and institutional basis for the development of transport and transit systems. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2016;(12):5-24. (In Russ.).
20. Tsvetkov V. A., Zoidov K. Kh., Medkov A. A. A concept for the project of integration of the infrastructure, transport, and trade systems of Russia, Iran, India, and other countries (The Volga trade route of the 21st century). *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2017;(12):17-32. (In Russ.).
21. Tsvetkov V. A., Zoidov K. Kh., Medkov A. A., Zoidov Z. K. Conceptual approaches to modeling, formation and development of the innovation and industrial belt of the modern trade route. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2018;(5):4-16. (In Russ.). DOI: 10.33051/1998-1627-2018-5-4-16
22. Mashaev A. We are waiting for transit. Expert Kazakhstan. Feb.19, 2019. URL: <https://expertonline.kz/a15891/> (accessed on 16.07.2019). (In Russ.).

Трудовые ресурсы молодежи: актуальные региональные проблемы

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-53-58

УДК 331

Ярашева Азиза Викторовна

*заведующий лабораторией исследования поведенческой экономики Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, доктор экономических наук, профессор, профессор РАН
117218, Москва, Нахимовский пр., д. 32, e-mail: baktriana@rambler.ru*

Исследование посвящено выявлению актуальных региональных проблем развития трудовых ресурсов молодежи.

Цель. Проанализировать основные тенденции в формировании трудовых ресурсов для обеспечения социально-экономического развития отдельных территорий.

Задачи. Сравнить данные периода с 2015 по 2017 г. по трудоустройству российских выпускников в зависимости от уровня образования, изучить состав занятого населения по уровню образования, уровень безработицы в Дальневосточном федеральном округе.

Методология. Применялись такие количественные методы исследования, как сбор и сравнительный анализ статистических данных, характеризующих тенденции развития трудовых ресурсов современной российской молодежи, а также вторичный анализ результатов социологических исследований.

Результаты. Показана динамика трудоустройства и уровня безработицы выпускников, а также причины оттока из регионов Дальнего Востока молодежи — главного трудового ресурса.

Выводы. Наличие и качество трудовых ресурсов молодежи на конкретной территории обусловлено группой факторов, включающих в себя уровень и качество образования, уровень жизни населения, экономические и социальные условия реализации профессиональных возможностей. Именно эти факторы влияют на обеспечение регионов человеческими ресурсами, готовыми и способными к приложению своих трудовых компетенций.

Ключевые слова: молодежь, выпускники, трудовые ресурсы, уровень образования, регион, трудоустройство, рынок труда, Дальний Восток.

Для цитирования: Ярашева А. В. Трудовые ресурсы молодежи: актуальные региональные проблемы // Экономика и управление. 2019. № 11 (169). С. 53–58. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-53-58

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-06-00565 «Трудовая миграция на Дальнем Востоке и обеспечение трудовыми ресурсами территорий опережающего социально-экономического развития».

Youth Workforce: Current Regional Problems

Aziza V. Yarasheva

*The Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (ISESP RAS)
Nakhimovskiy Ave 32, Moscow, Russian Federation, 117218, e-mail: baktriana@rambler.ru*

The presented study identifies the current regional problems of youth workforce development.

Aim. The study aims to analyze the major trends in the formation of workforce to ensure the socio-economic development of particular territories.

Tasks. The authors compare data on the employment of Russian graduates depending on their level of education for the period from 2015 to 2017, examine the composition of the employed population by the level of education and the unemployment rate in the Far Eastern Federal District.

Methods. This study uses quantitative research methods, such as collection and comparative analysis of statistical data characterizing the trends in the development of the modern Russian youth workforce, and secondary analysis of the results of sociological surveys.

Results. The study shows the dynamics of employment and unemployment of graduates and the out-migration of youth – a major labor resource – from the Far Eastern regions.

Conclusions. The availability and quality of youth workforce in a particular territory is determined by a set of factors, including the level and quality of education, living standards of the population, economic and social conditions for the realization of professional opportunities. These factors affect the supply of regions with human resources that are ready and able to apply their labor competencies.

Keywords: youth, graduates, workforce, level of education, region, employment, labor market, Far East.

For citation: Yarasheva A. V. Youth Workforce: Current Regional Problems. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(11):53–58 (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-53-58

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 17-06-00565 “Labor migration in the Far East and providing workforce for priority social and economic development areas”.

Введение

Тенденции в изменении количества и качества трудовых ресурсов в стране и ее регионах напрямую зависят от особенностей экономического, социального, демографического, инфраструктурного, этнокультурного, а также географического характера определенной территории. Население в зависимости от возраста, пола, уровня и качества образования, места проживания, типа поселения с разной степенью успешности трудоустраивается по полученной или, наоборот, по совершенно иной специальности [1].

Исследователями на базе многочисленных теоретических и практических разработок выделены группы населения, по разным причинам испытывающие сложности при реализации трудового потенциала [2]. В числе таких групп — молодежь от 18 до 30 лет, в частности выпускники вузов и ссузов. Поскольку именно молодежь выступает главным социальным ресурсом общества [3] и основой успешного будущего экономического развития, актуальность изучения этих вопросов является высокой.

Результаты исследования

Выход молодых специалистов на рынок труда связан со сложностью адаптации к постоянно изменяющимся условиям. Сегодня среди требований к качеству трудовых ресурсов, наряду с профессиональными знаниями, все больший вес приобретают иные характеристики. В их числе — умение брать на себя ответственность за принятие решений, способность креативно (нестандартно) мыслить, психологическая устойчивость и высокий уровень адаптации (к новому коллективу, к увеличивающейся трудовой нагрузке), навыки обучения (переобучения), личные коммуникативные качества (умение работать в команде и/или лидерство), цифровые навыки. Разумеется, для разных вакансий необходим свой набор (сочетание) определенных компетенций.

Молодежь по окончании учебы сталкивается с проблемами трудоустройства, особенно по полученной специальности. В России в 2015–2017 гг. снизился уровень занятости как выпускников с высшим образованием (на 12,0 %), так и выпускников со средним образованием: на

11,9 % — по программе подготовки специалистов среднего звена, на 11,3 % — по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих), что находит отражение в таблице 1.

В 2015 г., как и в 2017 г., лучше трудоустроены выпускники вузов. Наибольшая разница по уровню образования заметна в 2016 г.: у получивших высшее образование доля трудоустроенных составляла 84,7 %, среднее — 75,2 %.

В гендерном аспекте мужчины-выпускники оказались более успешными при трудоустройстве на протяжении трех наблюдаемых лет. Хуже всего обстоит дело с показателем у женщин — выпускниц 2017 г., получивших среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих) — 65,6 %. По данным социологических исследований, подобная ситуация характерна даже для Москвы, где в целом безработица традиционно ниже [4]. Молодежь, как категория населения, слабозащищенная на рынке труда, пересекается с такими группами, сталкивающимися с подобными проблемами, как молодые инвалиды и родители (особенно молодые женщины) с несовершеннолетними детьми (в том числе матери-одиночки). Если одновременно совпадают сразу несколько факторов, это чрезвычайно отягощает проблему поиска вакансий [2].

С 2015 по 2017 г. в России уровень безработицы среди выпускников увеличился, как видно из таблицы 2. Для окончивших вузы он возрос на 7,7 %, для обладателей среднего профессионального образования — на 9,7 % (по программе подготовки специалистов среднего звена) и на 9,1 % — по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих).

Ситуация, вызывающая наибольшие опасения, связана с уровнем безработицы у выпускников средних профессиональных учебных заведений: в 2017 г. — 17,5 %, т. е. более чем в 3,5 раза выше относительно общероссийской безработицы в целом. Длительный поиск вакансий и трудности в реализации себя в профессии приводят к снижению уровня, качества жизни и, как следствие, к невозможности выстраивать личную трудовую и экономическую стратегию [5]. Между тем именно молодежь в большей степени, чем иные слои населения, готова к активной горизонтальной и вертикальной мобильности [6], которую можно было бы эффективно

Доля трудоустроенных российских выпускников 2015–2017 гг. в общей численности выпускников образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования (уровень занятости) (по данным выборочного обследования рабочей силы в 2018 г., %)

Выпускники	Уровень образования		
	Высшее	Среднее профессиональное	
		по программе подготовки специалистов среднего звена	по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих)
2015 г.	88,4	83,5	81,7
мужчины	93,9	88,2	86,4
женщины	84,2	79,1	72,3
2016 г.	84,7	77,5	75,2
мужчины	89,0	80,4	79,0
женщины	81,1	74,7	68,0
2017 г.	76,4	71,6	70,4
мужчины	80,2	75,4	72,8
женщины	73,4	68,1	65,6

Источник: по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: [http:// www.gks.ru/](http://www.gks.ru/) (дата обращения: 01.07.2019).

Таблица 2

Уровень безработицы российских выпускников 2015–2017 гг. образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования (по данным выборочного обследования рабочей силы в 2018 г., %)

Выпускники	Уровень образования		
	Высшее	Среднее профессиональное	
		по программе подготовки специалистов среднего звена	по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих)
2015 г.	3,9	6,4	8,4
2016 г.	7,0	10,8	12,8
2017 г.	11,6	16,1	17,5

Источник: по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: [http:// www.gks.ru/](http://www.gks.ru/) (дата обращения: 01.07.2019).

использовать работодателям. Следует отметить, что, по данным за 2018 г., показатель соответствия работы трудоустроенных российских выпускников с высшим образованием (2015–2017 гг.) специальностям, полученным в своей образовательной организации, демонстрирует следующие результаты: 71 % — соответствует, 29 % — не соответствует [7].

Интерес для научного исследования представляют российские регионы, в которых государство проводит активную политику по привлечению трудовых ресурсов для решения задач социально-экономического развития территорий. Одним из таких макрорегионов выступает Дальний Восток. Сравнительный анализ статистических данных о безработице в целом в субъектах Дальневосточного федерального округа (ДФО) показал, что если в конце 2018 — начале 2019 г. в России она составила 4,8 %, то в макрорегионе безработица в среднем равна 6,0 %, о чем свидетельствует таблица 3.

Среди регионов рассматриваемого округа «антилидеры» — недавно вошедшие в состав макрорегиона Забайкальский округ и Республика Бурятия. Наименьший уровень безра-

ботицы зарегистрирован в Чукотском автономном округе. Но официальная статистика не всегда отражает реальное положение дел, в частности причины высокого/низкого уровня безработицы. Ученые и практики неоднократно привлекали внимание государственных органов к проблеме миграции молодежи из регионов ДФО. Снижение привлекательности для жизни этой территории влечет за собой желание населения (прежде всего молодежи) уехать [8]. Соответственно, собирающиеся покинуть место проживания, скорее всего, не будут регистрироваться на бирже труда и не попадут в цифры официальной статистики, однако ситуация с трудовыми ресурсами от этого не улучшится.

Существенное увеличение миграционных процессов и снижение естественного воспроизводства населения, главными участниками которого являются молодые люди, позволяет исследователям обнаружить наличие значительных рисков для воплощения в жизнь государственной Концепции демографического развития Дальнего Востока до 2025 г. Социологические исследования в изучаемом регионе выявляют мотивы миграционного поведения.

Безработица в субъектах Дальневосточного федерального округа среди жителей 15 лет и старше, % (по данным выборочных обследований рабочей силы в среднем за ноябрь 2018 г. — январь 2019 г.)

Дальневосточный федеральный округ	6,0
Республика Бурятия	9,5
Республика Саха (Якутия)	7,3
Забайкальский край	10,0
Камчатский край	5,3
Приморский край	5,1
Хабаровский край	2,5
Амурская область	5,7
Магаданская область	4,6
Сахалинская область	5,2
Еврейская автономная область	6,2
Чукотский автономный округ	1,2

Источник: по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: [http:// www.gks.ru/](http://www.gks.ru/) (дата обращения: 29.07.2019).

Основные причины желания молодежи после окончания вуза уехать, например, из Приморского края или из России вообще — низкая оплата труда, слабые перспективы трудоустройства, невозможность карьерного роста, нестабильность политического и социально-экономического положения [9, с. 127]. Поведение студентов и абитуриентов ДФО относительно их миграционных настроений (стремление уехать для профессиональной деятельности за рубеж после получения образования) обусловлено низким уровнем жизни в макрорегионе [10].

Меры, предпринимаемые государством на Дальнем Востоке в течение последних трех десятилетий практически не оказали влияния на общую демографическую ситуацию. Наблюдается стремительное сокращение доли молодежи в Дальневосточном регионе России: с 24,4 % в 1990 г. до 18,6 % в 2018 г. Этот процесс более интенсивен, чем в среднем по стране: в России — на 4,3 %, а в ДФО за этот же период — на 5,8 % [11, с. 116].

Анализ статистических данных о составе занятого населения по всем федеральным округам (по уровню образования) позволил сопоставить наличие высшего образования и занятость. Самый высокий показатель — в Центральном федеральном округе (39,5 %), самый низкий — в Сибирском федеральном округе (30,2 %). В рассматриваемом нами ДФО среди имеющих работу обладателей высшего образования 33,5 %, т. е. меньше, чем в среднем по России (34,2 %). Если рассматривать состав занятого населения, проживающего в субъектах ДФО, по уровню образования, то по наличию у трудоустроенных граждан высшего образования лидирует Камчатский край, где показатель (40,6 %) выше, чем показатель по стране и по округу, как видно из таблицы 4.

Среди отстающих — Еврейская автономная область, Сахалинская и Амурская области, где данный показатель ниже, чем в среднем по макрорегиону [12]. Несмотря на принятые многочисленные программы по социально-экономическому развитию Дальнего Востока, продолжается отток населения, что неблагоприятно сказывается на динамике показателей территорий опережающего развития [13; 14]. Вместе с тем успешное функционирование этих территорий может служить одновременно и фактором, сдерживающим миграционные потоки, и фактором повышения уровня и качества жизни населения.

Для молодых специалистов, главного кадрового ресурса, необходимо создание благоприятных условий для развития имеющихся профессиональных навыков и реализации своего трудового потенциала. С целью достижения этой задачи необходимо формирование региональной идентичности молодежи как условия ее сохранения на российском Дальнем Востоке [15, с. 161]. На основе социологических исследований показаны самые срочные меры, которые должны быть приняты на данной территории: возможность получения жилья, доступ к качественному образованию, развитие и государственная поддержка института семьи и брака, продвижение внутреннего туризма, совершенствование инфраструктуры для малого и среднего бизнеса, социальная поддержка детских и молодежных общественных объединений, мероприятия по изучению истории и культуры региона, развитие массового спорта, повышение и поддержание высокого имиджа региона.

Выводы

Итак, даже в наиболее благоприятных экономических условиях в государстве и отдельном

Состав занятого населения в Дальневосточном федеральном округе среди жителей 15–72 лет по уровню высшего и среднего профессионального образования в 2017 г. (по данным выборочных обследований рабочей силы; % к итогу)

Округ (республика, край, область)	Высшее образование	Среднее профессиональное образование	
		по программе подготовки специалистов среднего звена	по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих)
Дальневосточный федеральный округ	33,5	24,1	18,8
Республика Саха (Якутия)	33,4	24,1	15,8
Камчатский край	40,6	23,0	16,1
Приморский край	33,6	24,1	20,7
Хабаровский край	35,1	23,8	18,2
Амурская область	30,9	24,7	21,6
Магаданская область	33,5	23,8	13,1
Сахалинская область	30,9	26,1	17,9
Еврейская автономная область	24,9	22,1	20,2
Чукотский автономный округ	34,6	22,2	17,8

Источник: по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: [http:// www.gks.ru/](http://www.gks.ru/) (дата обращения: 01.07.2019).

его регионе молодежи зачастую приходится одновременно решать сложные задачи. Среди них — выбор профессии (иногда под влиянием вынужденных обстоятельств) и поиск места работы (нередко не по специальности), желание создать собственную семью и рождение ребенка, психологическая адаптация к особенностям работодателя в условиях отсутствия опыта работы и стажа, преодоление своих завышенных требований к оплате труда и ряд других. Вместе с тем молодежь, как трудовой ресурс, обладает множеством позитивных характеристик: подвижностью, скоростью мышления, готовностью к перемещению и переквалификации, относительно высоким уровнем физического здоровья, цифровыми навыками. Эффективное использование этих качеств молодых специалистов в совокупности с созданием для них условий реализации материальных и духовных потреб-

ностей может замедлить отток самого перспективного слоя трудовых ресурсов из исследуемого Дальневосточного региона и России в целом.

Снижение доли трудоустроенных российских выпускников 2015–2017 гг. вызывает опасение, поскольку нереализованность в официальном трудоустройстве порождает неформальную занятость, что негативно сказывается на экономическом развитии страны. Несмотря на декларирование приоритета развития ДФО, реализацию ряда национальных программ и проектов, в большинстве случаев молодежь этого округа слабо ощущает проявления государственной политики поддержки в отношении себя. Решение демографических вопросов и повышение уровня человеческого капитала на Дальнем Востоке нашей страны зависят от степени реализации трудового потенциала молодого населения.

Литература

1. Ярашева А. В., Макаров С. В. Влияние демографических факторов на трудовой потенциал регионов Дальнего Востока // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12, № 2. С. 103–114. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114.
2. Проблемы трудоустройства слаботзащищенных слоев населения в Москве: коллективная монография / под науч. ред. А. В. Ярашевой. М.: Акварель, 2017. 252 с.
3. Иванова Т. Н. Современная молодежь как социально-трудовой ресурс общества // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 2 (11). С. 15–17.
4. Ярашева А. В. Региональные аспекты трудовой занятости молодежи // Научный вестник Южного института менеджмента. 2018. № 4. С. 45–52. DOI: 10.31775/2305-3100-2018-4-45-52
5. Аликуперова Н. В., Ярашева А. В., Виноградова К. В. Мотивация трудового поведения молодежи как возможности для реализации финансовых стратегий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 1. С. 226–240. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.14.
6. Буланова М. А. Социальная мобильность работающей молодежи как фактор социально-экономического развития региона: дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2012. 166 с.
7. Чердынченко Г. А. Положение на рынке труда выпускников вузов (по материалам опроса Росстата) // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 95–105. DOI: 10.31857/S013216250002789-0.
8. Мотрич Е. Л. Роль демографических и миграционных процессов в реализации концепции демографической политики на Дальнем Востоке России // Ученые записки: сб. ст. / под ред. О. М. Прокапало. Хабаровск, 2019. С. 94–104.

9. Ким А. Г., Дремлюга О. А., Смольянинова Е. Н. Социальные проблемы миграционного поведения молодежи в современных условиях // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 125–128.
10. Новгородова Е. Ф. Особенности удовлетворенности жизнью дальневосточной молодежи // Личность, творчество, образование в социокультурном пространстве Дальнего Востока России: материалы заочной Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2015. С. 166–173.
11. Березутский Ю. В. Дальневосточная молодежь как субъект и объект государственной политики // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 113–125.
12. Рычкова Е. С., Бальцежак М. С., Белкина А. Е. Проблемы обеспечения трудовыми ресурсами территорий опережающего развития Амурской области // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Естественные и экономические науки. 2018. № 81. С. 124–130.
13. Норкина А. Н., Мысева Е. Р., Малых А. Д. Стратегия развития территорий опережающего развития как регулирующий фактор миграционной политики на территориях Дальнего Востока // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 12. С. 30–37.
14. Шевцова Т. В., Красинец Е. С. Миграционные процессы на Дальнем Востоке и обеспечение трудовыми ресурсами территорий опережающего социально-экономического развития // Наука. Культура. Общество. 2018. № 4. С. 121–131.
15. Стасюк Е. В. Формирование региональной идентичности молодежи как условие ее сохранения на Дальнем Востоке России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. № 3 (25). С. 157–164.

References

1. Yarasheva A. V., Makar S. V. The impact of demographic factors on the labor potential of the Far East regions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*. 2019;12(2):103-114. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114
2. Yarasheva A. V., ed. Problems of employment of vulnerable groups in Moscow. Moscow: Akvarel'; 2017. 252 p. (In Russ.).
3. Ivanova T. N. Modern youth as a social and labor resource of society. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2015;(2):15-17. (In Russ.).
4. Yarasheva A. V. Regional aspects of youth employment. *Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta = Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*. 2018;(4):45-52. (In Russ.). DOI: 10.31775/2305-3100-2018-4-45-52
5. Alikperova N. V., Yarasheva A. V., Vinogradova K. V. Motivating young people's labor behavior as an opportunity for implementing financial strategies. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019;12(1):226-240. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.14
6. Bulanova M. A. Social mobility of working youth as a factor in the socio-economic development of the region. Cand. sociol. sci. diss. Khabarovsk: Pacific State University; 2012. 166 p. (In Russ.).
7. Cherednichenko G. A. The situation on the labor market of university graduates (on the materials of the Russian Statistics Committee survey). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2018;(11):95-105. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250002789-0
8. Motrich E. L. The role of demographic and migration processes in the implementation of the concept of demographic policy in the Russian Far East. In: Prokapalo O.M., ed. Far East of Russia: territorial and sectoral proportions of development. Scientific notes: Coll. pap. Khabarovsk: Institute of Economic Research FEB RAS; 2019;(16):94-104. (In Russ.).
9. Kim A. G., Dremlyuga O. A., Smol'yaninova E. N. Social problems of migratory behavior of youth in modern conditions. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye = ASR: Economics and Management (Azimuth of Scientific Research)*. 2018;7(4):125-128. (In Russ.).
10. Novgorodova E. F. Features of satisfaction with the life of the Far Eastern youth. In: Personality, creativity, education in the sociocultural space of the Russian Far East. Proc. corresp. all-Russ. sci.-pract. conf. Khabarovsk: Khabarovsk State Institute of Culture; 2015:166-173. (In Russ.).
11. Berезутский Ю. В. Far Eastern youth as a subject and object of state policy. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Administration in the East of Russia*. 2019;(1):113-125. (In Russ.).
12. Rychkova E. S., Bal'tsezhak M. S., Belkina A. E. Problems of providing labor resources for the territories of priority development of the Amur Region. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i ekonomicheskie nauki*. 2018;(81):124-130. (In Russ.).
13. Norkina A. N., Myseva E. R., Malykh A. D. The development strategy of priority development areas as a regulatory factor in migration policy in the territories of the Far East. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*. 2016;(12):30-37. (In Russ.).
14. Shevtsova T. V., Krasinets E. S. Migration processes in the Far East and providing labor resources for territories of priority social and economic development. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2018;(4):121-131. (In Russ.).
15. Stasyuk E. V. The formation of the regional identity of youth as a condition for its preservation in the Russian Far East. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika = Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series: Economy*. 2018;(3):157-164. (In Russ.).

От управления цепями поставок к управлению на основе технологии блокчейн

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-59-63

УДК 338.2:004

Зубаков Геннадий Викторович

доцент Школы логистики НИУ ВШЭ, кандидат экономических наук,
директор Международного логистического клуба
123557, Москва, Электрический пер., д. 3/10, стр. 1

Проценко Олег Дмитриевич

научный руководитель факультета маркетинга и международного сотрудничества Института
управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте РФ, доктор экономических наук,
профессор, академик РАЕН, член Европейской Академии наук и искусств
119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, e-mail: procenko@ranepa.ru

Проценко Инга Олеговна

заведующий кафедрой Института управления и регионального развития РАНХиГС при Президенте РФ,
доктор экономических наук, профессор
119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82

Статья посвящена актуальным вопросам реализации технологии распределенного реестра данных (блокчейн) в механизмах управления логистическими цепями поставок в условиях цифровой экономики.

Цель. Проанализировать с позиции логистики применение технологии распределенного реестра в современных экономических процессах.

Задачи. Рассмотреть возможность применения технологии распределенного реестра в системе управления цепями поставок. Исследовать способы возможного использования наработок Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в области цифровой экономики для организации процессов стандартизации информации в логистических цепях поставок внешней и взаимной торговли.

Методология. С помощью общих методов научного познания рассмотрены походы к реализации технологии блокчейн в транспортно-логистических процессах, выявлены возможности реализации смарт-контрактов для организации прослеживаемости всей цепочки движения материальных и информационных потоков.

Результаты. С применением технологии распределенного реестра блокчейн в логистических процессах внешней и взаимной торговли повышается прозрачность информационных потоков и скорость принятия решений. Технология позволит сторонам договориться напрямую, минимизируя возможные риски, в том числе время, необходимое для подтверждения сделки о поставке.

Выводы. Авторами рассмотрена возможность поэтапного подхода к цифровизации транспортно-логистических процессов и, как следствие, стандартизации информационного взаимодействия на уровне B2B, B2G, G2G, сегментированного по отдельным областям транспорта и внешней торговли, отраслям экономики. Сделан вывод о перспективах практического применения механизмов распределенного реестра при создании отраслевых площадок — цифровых платформ, реализующих интегральные сервисы для бизнеса и государства с использованием механизмов «единого окна».

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация, блокчейн, управление цепями поставок, смарт-контракт, стандартизация, логистика, «единое окно», цифровые сервисы, внешняя и взаимная торговля.

Для цитирования: Зубаков Г. В., Проценко О. Д., Проценко И. О. От управления цепями поставок к управлению на основе технологии блокчейн // Экономика и управление. 2019. № 11 (169). С. 59–63. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-59-63

From Supply Chain Management to Blockchain-Based Management

Gennadiy V. Zubakov

School of Logistics of Higher School of Economics — National Research University
Elektricheskii Lane 3/10, bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 123557

Oleg D. Protsenko

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(The Presidential Academy, RANEPa)
Vernadskogo Ave 82, Moscow, Russian Federation, 119571, e-mail: procenko@ranepa.ru

Inga O. Protsenko

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(The Presidential Academy, RANEPa)
Vernadskogo Ave 82, Moscow, Russian Federation, 119571

The presented study addresses the current problems in the implementation of the distributed ledger (blockchain) technology in supply chain management mechanisms in the context of the digital economy.

Aim. The study aims to analyze the application of the blockchain technology in modern economic processes from the perspective of logistics.

Tasks. The authors consider the possibility of using the blockchain technology in the supply chain management system and explore ways to use the findings of the Eurasian Economic Commission (EEC) in the field of digital economy to organize information standardization processes within the supply chains of foreign and mutual trade.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition to examine approaches to the implementation of the blockchain technology in transport and logistics processes and to find opportunities for the implementation of smart contracts to ensure the traceability of the entire chain of commodity and information flows.

Results. Implementation of the distributed ledger (blockchain) technology in the logistics processes of foreign and mutual trade increases the transparency of information flows and the speed of decision-making. This technology would allow the parties to negotiate directly, minimizing potential risks and the time required to approve a supply deal.

Conclusions. The authors consider the possibility of using a systematic approach to the digitalization of transport and logistics processes and the subsequent standardization of information interaction at the B2B, B2G, and G2G levels, segmented by separate fields of transport and foreign trade and individual economic sectors. As a conclusion, the study assesses the prospects of the practical implementation of blockchain mechanisms in the creation of industrial platforms — digital platforms that provide integrated services for businesses and the government using a single window system.

Keywords: digital economy, digital transformation, blockchain, supply chain management, smart contract, standardization, logistics, single window, digital services, foreign and mutual trade.

For citation: Zubakov G. V., Protsenko O. D., Protsenko I. O. From Supply Chain Management to Blockchain-Based Management. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(11):59–63 (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-59-63

Цифровая экономика — актуальная парадигма, которая в настоящее время широко обсуждается в бизнесе и на уровне государства. Поэтому целесообразно рассмотреть ряд аспектов этой новой для страны темы.

Неоднозначным, на наш взгляд, представляется содержание категории «цифровая экономика» (более содержательна, по нашему мнению, digital economy). Как правило, в обсуждаемых программах за вопросами цифровизации теряется смысл экономики, хозяйственной деятельности общества, отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления [1]. Многие представляют себе переход к новому этапу развития экономики как более широкую автоматизацию процессов принятия решений в различных сферах экономической деятельности. Такая позиция не имеет ничего общего с цифровой экономикой, которая опирается на создание принципиально новых технологий, принципиально новых процессов, на организационную и технологическую революцию в области управления [2].

Очевидно, переход к новой экономике будет нести в себе большую инновационную составляющую. Этот тезис принципиален, поскольку он предполагает, что в новой экономической парадигме многие функции, которые выполняет государство, отомрут, резко сократится административный аппарат управления, и, как следствие, появится немало новых проблем, которые сегодня трудно предвидеть [3].

Понятие «блокчейн» тесно связано с цифровой экономикой. Технология создания базы данных распределенных транзакций, блоков рассматривается сегодня как потенциальный прорыв в будущую организационную систему, защищенную от злонамеренной компрометации сеть доверия, минимизирующую человеческий фактор в процессах передачи данных, в создание «электронного нотариата» экономических процессов. Новая технология, поддерживающая постоянно расширяющиеся реестры упорядоченных данных, становится эффективной в экономических процессах, требующих полной синхронизации данных и подтверждения авторства выполняемых действий [4]. Соответственно, в первую очередь блокчейн стал генератором финансового сегмента экономики, где появилось новое понятие «биткойн».

С технологией блокчейн и биткойном возрождается идея либералов XX в. относительно создания новой валюты, независимой от посредничества государства. Возник криптовалютный бум, связанный, возможно, с тем, что в мире наблюдаются тенденции ухода от длинных денег и длинных инвестиций. Следует реально представлять, что технологический процесс настолько ускорился, что в момент завершения инвестиционного проекта и начала производства или эксплуатации объекта технология устаревает и возникает вопрос ограниченности инвестиционных решений. Если обратиться к существу проблемы, то становится

понятным тот факт, что конкурентоспособность стран смещается от природных и человеческих ресурсов, дешевизны труда в сторону качества управления и человеческого капитала [5]. В этих условиях главными являются скорость принятия решений, минимизация рисков, прозрачность информационных потоков.

Появились иные правила игры, когда доверие на рынке между участниками обеспечивает технология распределения информации, исключая из делового оборота массу посредников. Виртуальные инвесторы инвестируют или участвуют в экономическом процессе на основе криптовалют, и в настоящее время эта система бурно развивается. В частности, в США, криптовалютный рынок пытаются регулировать, в России криптоденьги пока не запрещены, и пока система биткоинов работает [6]. Однако до сих пор никто до конца не понимает, как в дальнейшем будет работать эта технология.

Безусловно, существуют определенные опасения, связанные с изменением роли государства и роли бизнеса ввиду внедрения механизмов цифровой экономики. Возможно, что успешнее будут развиваться те страны и те сектора, которые сегодня активно участвуют в процессах цифровизации экономики, которые уже сейчас задумались о практических механизмах внедрения технологии блокчейн. Подчеркнем, что частные деньги, которые формируются при технологии блокчейн, являются производными этой технологии и связаны с процессом инноваций, ориентированным не на государственный, а преимущественно на частный сектор [7].

В технологии блокчейн один из важнейших элементов — уход в значительной степени государства от участия во многих экономических процессах, включающих в себя такие элементы, как деньги, контракты, ликвидацию посреднических структур. Государство в новых условиях может потерять контроль над рядом экономических процессов. Речь идет прежде всего о процессах налогообложения и финансового контроля над денежными потоками. Реакцией на возрастающую популярность криптовалюты — биткойна стал запрет Народным банком Китая проводить Initial Coin Offering (ICO) по криптовалюте.

Технология блокчейн имеет, по нашему мнению, большие перспективы развития в логистике и в управлении цепями поставок. Система позволит сторонам договориться напрямую для подтверждения сделки о поставке. Вместо того, чтобы записывать всю информацию в единую централизованную «таблицу», мы отражаем информацию в цепочке блоков, причем каждый содержит часть предыдущего. Если изменить один из блоков, ломается вся

цепочка блоков [5]. В системе блокчейн становится прозрачной в целом цепочка движения материальных и информационных потоков. Малейшая корректировка сроков, качества и объемов поставляемой продукции в системе блоков ломает такую цепочку и автоматически вносит изменение во взятые договорные обязательства.

Блокчейн, на наш взгляд, позволит исключить из логистических цепей внешнеторговых поставок ряд дорогостоящих и обременительных для бизнеса таких административных процедур, как таможенное и налоговое декларирование. В дальнейшем новая технология дает возможность полностью отказаться от процессов сертификации и лицензирования при росте уровня доверия бизнеса и государства. По-другому будут работать процессы таможенного контроля, процессы управления рисками. В блокчейне записываются все транзакции, возможен механизм заключения «умных контрактов» (смарт-контракт — Smart contract). Данный контракт включает в себя алгоритм, обеспечивающий автоматическое исполнение договорных обязательств. Появление смарт-контрактов в логистических цепях дает возможность реализации нового поколения «умных» нормативных правовых актов: стандартов, регламентов, законов и пр.

Важен и вопрос стандартизации процессов в логистических цепях внешнеторговых поставок в технологии блокчейн. Сегодня, по мнению авторов, очевидно отставание транспортно-логистической нормативно-правовой базы в России и странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) от мировых тенденций, что проявляется, по мнению ряда исследователей, в транспортно-экспедиторских процессах, где не формализованы и не гармонизированы даже базовые бумажные документальные формы и технологические процессы «бумажной» экспедиции. Тем не менее возможен переход к безбумажным процессам виртуального управления логистическими цепями поставок в современной цифровой экономике, в том числе с использованием технологии блокчейн [8].

Заслуживает внимания опыт «отраслевой стандартизации», проводимой в крупных корпорациях сырьевого сектора экономики. Перспективен поэтапный подход к цифровизации транспортно-логистических процессов и, как следствие, стандартизации информационного взаимодействия на уровне B2B, B2G, G2G, сегментированного по отдельным областям транспорта и внешней торговли, отдельным отраслям экономики [9]. В этом случае наборы новых управленческих сервисов для бизнеса и государства создаются в рамках цифровой трансформации на определенных организационных площадках, которые могут быть ней-

тральны и к бизнес-среде, и к государственному сектору.

Возможны реализации отраслевых площадок — цифровых платформ, реализующих интегральные сервисы для бизнеса и государства с применением механизмов «единого окна», когда необходимая информация передается в корпоративную доверительную информационную среду единожды в стандартизированной форме [10]. В этом случае нормативная база, находящаяся в основе сервисов цифровой платформы, является корпоративной, сочетающей в себе международные стандарты, федеральные и отраслевые нормы и внутренние регламенты, на которых базируется последующая унификация и гармонизация информационного взаимодействия.

На идее формирования отраслевых цифровых платформ основаны программные документы развития цифровой экономики в Российской Федерации (РФ). В настоящее время по инициативе Международного логистического клуба при поддержке Министерства транспорта РФ реализуется пилотный проект государственно-частного партнерства (ГЧП) «Цифровая платформа транспортного комплекса». Платформа опирается на существующую программно-аппаратную среду Минтранса РФ, интегрированную с информационными ресурсами национальных и наднациональных ведомств, субъектов транспортного комплекса РФ и стран — членов ЕАЭС [1]. Цифровые сервисы, интегрирующие информационные потоки от субъектов транспортного комплекса, отраслевых интеллектуально-транспортных систем, федеральных органов исполнительной власти, курирующих транспортно-логистические процессы, планируется использовать для практической реализации механизмов «единого окна» на международных транспортных коридорах [11]. Построение информационно-технологических сервисов цифровой платформы диктует необходимость тесной интеграции бизнес-процессов, создания «сквозных» технологий, определения параметров качества производимых услуг, их непрерывного управляемого развития в соответствии с требованиями экономики. В результате рождается новая инфраструктура сервисов, отвечающая запросам на интеграцию, инновационность технологий, тесное взаимодействие с партнерами и клиентами. Логистические цифровые платформы могут стать элементом проектируемых национальных и наднациональных цифровых платформ. Платформенная интеграция потоков данных, генерируемых в транспортной среде на базе отраслевой стандартизации и технического регулирования, может быть основой для интеграции ведомственных и корпоративных информационных систем в сфере логистики

и транспорта, оптимизации затрат на их поддержание.

Корпоративные стандарты цифровых платформ могут быть элементом последующей отраслевой стандартизации. Единые цифровые стандарты — это основа цифровой интеграции в логистических цепях поставок. Процессы стандартизации и технического регулирования в области информационных технологий в логистике и на транспорте могут опираться на фундаментальные наработки, сделанные экспертами ЕЭК в этой области [10]. Стандартизация в логистических процессах максимально стимулирует внедрение в технологии существующих объектов логистической инфраструктуры цифровой экономики. Внедрение стандартов «умных городов», «умной логистики», «цифровых дорог», автоматизированных систем контроля и регулирования трафика, электронной маршрутизации и диспетчеризации, цифровых логистических и навигационных платформ с применением цифровых сервисов, обеспечивающих обмен данными, является элементом перспективного построения технологий блокчейн. На фундаменте стандартизации и гармонизации информационного взаимодействия реализуются процессы электронного безбумажного обмена информацией на транспорте, осуществляется координация и синхронизация взаимодействия с грузоотправителями, экспедиторами, перевозчиками, морскими портами, владельцами терминалов, авиакомпаниями и аэропортами, иными субъектами логистических цепей поставок. Цифровые платформы цифровых активов, включающих в себя реестры логистических субъектов и библиотеки логистических услуг, интегральные логистические маршруты, ценовую информацию и другое, могут стать элементами корпоративной доверительной среды, на основе которой будут реализовываться механизмы цифровой трансформации в логистике, перспективные технологии блокчейн.

В условиях цифровизации логистики уточняется понятие конкуренции. Возрастающая организационная и технологическая сложность новых видов услуг и их высокий уровень распространения заставляют участников логистических процессов большее внимание уделять партнерству, кооперации услуг, основанных на информационном обмене, взаимовыгодном сотрудничестве. Кооперация в условиях цифровизации носит принципиально новый характер предоставления новых информационных услуг. Используя партнерские сервисы, цифровая платформа способна создавать новые услуги, которые, в свою очередь, могут быть фундаментом для создания еще более сложных и комплексных технологических сервисов, в перспективе входящих в цепочку блоков новой парадигмы.

Литература

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 12.07.2019).
2. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <http://base.garant.ru/71734878/> (дата обращения: 12.07.2019).
3. Березина Е. Мау: код экономики // Российская газета. 2017. 17 сент.
4. Свон М. Блокчейн: схема новой экономики. М.: Олимп-Бизнес, 2017. 234 с.
5. Винья П., Кейси М. Эпоха криптовалют: как биткойн и блокчейн меняют мировой экономический порядок. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 429 с.
6. Аптекман А., Калабин В., Клинецов В. [и др.]. Цифровая Россия: новая реальность. М.: Digital McKinsey, 133 p. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (дата обращения: 13.07.2019).
7. Березина Е. Третий лишний. Блокчейн приведет к отказу от посредников в бизнесе // Российская газета. 2017. 18 сент.
8. Цифровая экономика: глобальные тренды и практика российского бизнеса / отв. ред. Д. С. Медовников. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. 121 с.
9. Смотрицкая И. И., Черных С. И. Современные тенденции цифровой трансформации государственного управления. М.: Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 22–36. DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00002
10. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации. Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/Pages/digital_agenda.aspx (дата обращения: 13.08.2019).
11. Рекомендация и руководящие принципы по созданию механизма «единого окна» [Электронный ресурс]: рекомендация № 33 // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/inftech/docs_pr/conf/Documents/Rec33_2005%20.pdf (дата обращения: 13.08.2019).

References

1. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024. Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of May 7, 2018. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (accessed on 12.07.2019). (In Russ.).
2. On approval of the “Digital economy of the Russian Federation program”. Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-r. URL: <http://base.garant.ru/71734878/> (accessed on 12.07.2019). (In Russ.).
3. Berezina E. Mau: Economics code. Due to the “digit” people will be able to give up the state as an intermediary. Rossiiskaya gazeta. 2017;(209). URL: <https://rg.ru/2017/09/17/liudi-smogut-otkazatsia-ot-gosudarstva-kak-ot-posrednika.html> (In Russ.).
4. Swan M. Blockchain: Blueprint for a new economy. Transl. from Eng. Moscow: Olymp-Business; 2017; 234 p. (In Russ.).
5. Vigna P., Casey M. J. The age of cryptocurrency: How bitcoin and the blockchain are challenging the global economic order. Transl. from Eng. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber; 2017. 429 p. (In Russ.).
6. Aptekman A., Kalabin V., Klintsov V. et al. Digital Russia: A new reality. Moscow: McKinsey/Russia; 2017. 133 p. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (accessed on 13.07.2019). (In Russ.).
7. Berezina E. The fifth wheel: Blockchain will lead to the abandonment of intermediaries in business. Rossiiskaya gazeta. 2017;(210). URL: <https://rg.ru/2017/09/18/privedet-li-blokchejn-k-otkazu-ot-posrednikov-v-biznese.html> (In Russ.).
8. Medovnikov D.S., ed. Digital economy: Global trends and practice of Russian business. Moscow: NRU HSE; 2017. 121 p. (In Russ.).
9. Smotritskaya I. I., Chernykh S. I. Modern trends in the digital transformation of public administration. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2018;(5):22-36. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00002.
10. Digital agenda of EAEU 2025: Prospects and recommendations. Eurasian Economic Commission. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/Pages/digital_agenda.aspx (accessed on 13.08.2019). (In Russ.).
11. Recommendation and guidelines for the establishment of a “single window” mechanism. Recommendation No. 33. 2005. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/inftech/docs_pr/conf/Documents/Rec33_2005%20.pdf (accessed on 13.08.2019). (In Russ.).

Обзор современных доктрин региональной экономики

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-64-73

УДК 332.1

Вертакова Юлия Владимировна

директор Курского филиала Финансового университета при Правительстве РФ¹,
заведующий кафедрой региональной экономики и менеджмента Юго-Западного государственного
университета², доктор экономических наук, профессор,

e-mail: vertakova7@yandex.ru

¹ 305016, г. Курск, ул. Ломоносова, д. 3

² 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Дополнительное исследовательское поле региональная экономика получила, пытаясь объединить свои положения с доктринами экономического роста. Причины и эффекты для экономического роста от пространственной кластеризации деятельности поднимались в работах Лихтенберга, Вернона, Хиница, Маршалла и др. Гипотеза исследования базируется на теории МАР, теории экономики локализации.

Цель. Провести обзор современных доктрин региональной экономики.

Задачи. Проанализировать классические и современные научные доктрины в области региональной экономики.

Методология. С помощью общенаучных методов познания, аксиоматического, гипотетического, абстрагирования и общелогических методов систематизированы результаты исследований современных доктрин региональной экономики.

Результаты. Итоги исследования, проявившиеся в изучении и обобщении современных доктрин региональной экономики, повышают свою актуальность и получают новые стимулы к развитию, объединяясь с другими экономическими теориями, стараясь охватить весь спектр вопросов развития экономики регионов, что является направлением дальнейших исследований в данной предметной области. Региональная экономика получила развитие во взаимодействии с теориями международной или межрегиональной торговли. Разработка новой теории торговли на основе модели Диксита–Стиглица впоследствии привела к возрождению интереса к торговле на разных уровнях развития. Эти изменения в теории торговли способствуют множественному построению моделей пространственной экономики в форме новой экономической географии.

Выводы. Подход к современным доктринам региональной экономики реализуется через теорию международного бизнеса. Структурный компонент региональной экономики в данной области исследований следует выделять через формирование территориальных кластеров. Вторая группа работ использует для анализа более сложные экономические модели, базирующиеся на применении статистических методов. Соответствующие методы исследования позволяют идентифицировать кластеры путем измерения локальных эффектов.

Ключевые слова: региональная экономика, пространственная экономика, агломерация, экономический рост, экономика локализации, экономический кластер, кластерная инициатива, интеграция, урбанизация, теория международного бизнеса.

Для цитирования: Вертакова Ю. В. Обзор современных доктрин региональной экономики // Экономика и управление. 2019. № 11 (169). С. 64–73. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-64-73

Благодарность: Статья подготовлена в рамках выполнения научного проекта «Развитие фундаментальных основ анализа и прогнозирования структурно-динамических параметров региональной экономики на основе интеграции российского и мирового опыта управления территориальным развитием и современных научных доктрин» по госзаданию Минобрнауки России № 26.3546.2017/ПЧ.

A Review of the Current Doctrines of Regional Economics

Yuliya V. Vertakova

Kursk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation
Lomonosova St. 3, Kursk, Kursk Oblast, Russian Federation, 305016

The Southwest State University

50 let Otktyabrya St. 94, Kursk, Russian Federation, 305040, e-mail: vertakova7@yandex.ru

Regional economics received an additional field of research by attempting to combine its provisions with the doctrines of economic growth. The causes and effects of spatial clustering for economic growth are examined in the works of Lichtenberg, Vernon, Hinitz, Marshall, etc. The hypothesis of this study is based on theory of the IDA and the theory of localization economics.

Aim. The presented study aims to review the current doctrines of regional economics.

Tasks. The author analyzes the classical and modern scientific doctrines in the field of regional economics.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition, axiomatic, hypothetical, abstraction, and general logical methods to systematize the results of studies of the current doctrines of regional economics.

Results. The results of the study, which include the examination and generalization of the current doctrines of regional economics, become even more relevant and receive new incentives for development by combining with other economic theories in an attempt to cover the whole spectrum of problems of regional economic development, which is a direction for further research in this subject area. Regional economics gained momentum through interaction with international and interregional trade theories. The development of a new trade theory based on the Dixit–Stiglitz model inspired a new interest in trade at different development levels. These changes in the trade theory facilitate the creation of multiple spatial economic models in the form of a new economic geography.

Conclusions. The approach to the current doctrines of regional economics is realized through the international business theory. The structural component of regional economics in this field of research should be determined through the formation of territorial clusters. The second group of works conducts analysis using more complex economic models based on statistical methods. The corresponding research methods make it possible to identify clusters by measuring local effects.

Keywords: *regional economics, spatial economics, agglomeration, economic growth, localization economy, economic cluster, cluster initiative, integration, urbanization, international business theory.*

For citation: Vertakova Yu. V. A Review of the Current Doctrines of Regional Economics. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(11):64–73 (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-64-73

Acknowledgement: This study was conducted within the framework of the government task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 26.3546.2017/ПЧ Development of the fundamental principles of analysis and prediction of the structural and dynamic parameters of the regional economy on the basis of integration of Russian and foreign experience in the field of territorial development management and the current scientific doctrines.

Введение

Региональная экономика (*Regional Economics*) анализирует пространственное размещение и связанность экономической деятельности или пространственную организацию экономических систем. Исследуя современные научные доктрины в области региональной экономики, необходимо понимать базовые точки зрения и предпосылки, на основе которых они возникли и получили развитие.

Научную школу региональных исследований в некоторых источниках принято называть немецкой [1], так как в этой области существенный вклад сделан немецкими учеными. Фактически это и было зарождение всей области региональной экономики как науки, но сегодня эта область нам известна как теория размещения (*location theories* или размещения производительных сил). В статье мы не будем подробно останавливаться на классических трудах по территориальному размещению экономической активности, их описание можно найти в учебной литературе [2; 3]. Определим, какой вклад они внесли в развитие современных доктрин.

Основоположником региональной экономики считается Иоганн Генрих фон Тюнен. Он первый связал цену на землю с удаленностью от рынка сбыта (из-за транспортных издержек на доставку продукции). Модель Тюнена имеет в себе элементы всех следующих систем:

- 1) теория сравнительных преимуществ Рикардо–Торренса (*the Ricardo–Torrens theory of comparative advantage*);
- 2) теория ренты Мальтуса–Вест–Риккардо (*the Malthus–West–Ricardo theory of rent*);
- 3) теория ценообразования товаров и факторов производства Хекшера–Олина и Столпера–Самуэльсона (*the Hecksher–Ohlin and Stolper–Samuelson theory of factors-and-goods pricing*);
- 4) система межотраслевого баланса Маркса–Димитриева–Леонтьева–Сраффа (*the Marx–Dimitriev–Leontief–Sraffa system of input–output*);
- 5) теория промышленной агломерации Маршалла–Вебера (*the Marshall–Weber theory of industrial agglomeration*);
- 6) теория центрального места Кристаллера–Лёша (*the Christaller–Lusch theory of central place system*);
- 7) современное развитие новой экономической географии [4].

Анализ классических и современных доктрин региональной экономики

Модель метacentрической экономики Тюнена получила развитие в различных формах с использованием уже современных аналитических инструментов. Например, В. Алонсо применил функцию Bid-rent для анализа зе-

мельного рынка в городе. Основными агентами он определил домохозяйства и фирмы, а центральный деловой район (*Central Business District, CBD*) был представлен офисами, квартирами, промышленными помещениями, торговыми площадями. Модель В. Алонсо получила название «моноцентричной городской модели» (*monocentric city model*) и послужила катализатором многих других исследований в области пространственной экономики [5]. Дилемма выбора места размещения экономической деятельности в регионах и городах стала на долгие годы главенствующей в области региональной экономики. Причины, побуждающие экономические субъекты сосредотачиваться на определенных территориях, волнуют ученых до сих пор.

Вопросы концентрации экономической активности (промышленности в целом, отдельных видов деятельности, населения) в регионах и городах поднимались в работах Маршалла [6], Вебера, Гевера, в теории центральных мест Кристаллера и Лёша [7]. Структурный компонент региональной экономики в части выделения и обоснования роли городов рассматривался также в работах В. Кристаллера, И. Е. Рисина, Ю. И. Трещевского и др. [3; 8]. В частности, Кристаллером сформулирована и выполнена попытка доказательства гипотезы о наличии «регулярности» в расположении городов, о связи их пространственного размещения с размером. Он предложил так называемую теорию центральных мест. Ее основная идея состоит в том, что города располагаются иерархически, причем эта иерархия зависит от их размера, который оценивается численностью населения. Гораздо позднее Джакobs предложил и подтвердил гипотезу о том, что город является источником экономического роста.

Сегодня эмпирически доказана положительная корреляция темпов экономического роста с долей городского населения, производительности труда с размером города (численности населения). Регулярные исследования в этой области проводятся подразделениями ООН. Предполагается, что урбанизация принимает форму параллельного роста городов. В частности, Ж. Иатон и З. Экштейн разработали модель, основанную на накоплении человеческого капитала. Модель прогнозирует, что крупные города будут иметь высокие уровни человеческого капитала, арендной платы, заработной платы на одного работника, при условии свободной миграции экономически активного населения [9]. Еще одна модель разработана К. Бехренсом, Ф. Роберт-Никоудом. В ней установлена связь между размером города, производительностью и неравенством. Такой подход позволяет выявить влияние интеграции и развития торговых отношений на

размер города и степень неравенства, оценить двустороннюю связь между размером и производительностью [10].

Несмотря на то, что вопросами городского неравенства занимаются преимущественно представители зарубежного научного сообщества, некоторые его аспекты исследовались и в отечественной литературе. Отдельными направлениями анализа этого вопроса занимались И. Манаева и С. Растворцева [11], А. Александрова, О. С. Балаш (построение пространственных моделей городов) [12], А. Н. Буфетова (анализ центр-периферийных отношений и связей) [13], Ж. Зайончковская, Н. Ноздрина (исследование базируется на социологических методах и в нем рассмотрены закономерности миграционных процессов в увязке с локализацией крупных городов) [14], Н. В. Зубаревич (региональное и городское неравенство) [15], Е. А. Коломак (неравномерность пространственного развития и его связь с агломерационными процессами) [16], А. А. Куклин [2; 17], М. Ю. Малкина (оценка дифференциации региональных доходов) [18], А. Трейвиш, Т. Нефедова (моделирование влияния финансового кризиса на развитие городов) [19], А. Ю. Шевяков (социальное неравенство и экономический рост) [20].

В данной области еще одним классическим автором, опередившим свое время, является Август Лёш. Так, в 1954 г. он определил три основных вида преимуществ агломерационных процессов: для предприятий появлялась возможность деления расходов на пользование общей инфраструктурой; предприятия совместно создают большой рынок труда, обладающий конкретной профессиональной спецификой; пространственная концентрация экономической активности создает предпосылки для синергии от совместной работы профессионалов. Помимо этого, автор выделяет и такие преимущества пространственной концентрации, как сглаживание сезонного характера деятельности для отдельных фирм; скученность продавцов товаров для удобства совершения покупок потребителями и увеличения ассортимента (разнообразия); компенсация структурных сдвигов в экономике для региона. В качестве основных детерминант агломерационных процессов он предлагает ориентацию региона по отношению к столичному городу, к главным дорогам (транспортным узлам), близкое по значению расстояние между городами равной величины [7].

Сегодня показано, что концентрация населения в крупных городах происходит по следующим причинам: факторы первой природы; сосредоточение центральных управленческих функций и государственной службы; социальные и культурные удобства; наличие нетрадиционных потребительских товаров и услуг.

Новую жизнь и дополнительное исследовательское поле региональная экономика получила, пытаясь объединить свои положения с доктринами экономического роста. Причины и эффекты для экономического роста от пространственной кластеризации деятельности рассмотрены в работах Лихтенберга, Вернона и Хиница. Они впервые осветили в совокупности вопросы агломерирования экономики и роста. Отметим, что их анализ проводился на базе работ Маршалла и Гувера.

Маршалл [6] в качестве основных факторов агломерационных эффектов выдвигал знания, неторгуемые ресурсы и пул специализированной рабочей силы, сосредоточенные в одном месте. Гувер [21] же выделил эффекты агломерационных преимуществ как внутреннюю и внешнюю экономии от масштаба, определив формы локализации и урбанизации экономики. Так, внутренняя возрастающая отдача от масштаба может иметь место в одной фирме из-за эффективности производственных затрат, полученных при обслуживании крупных рынков. Экономия масштаба включает в себя факторы, снижающие средние затраты на производство продукции в населенном пункте. Теория экономики локализации может быть дополнена, если принимать, например, во внимание форму рынка. Экстерналии, если они характеризуются побочными эффектами знаний между фирмами в пространственно концентрированной промышленности, известны как эффекты *Marshall–Arrow–Romer* (МАР). Теория МАР в динамическом контексте [6; 22] прогнозирует, что местная монополия лучше для роста, чем местная конкуренция, потому что местная монополия ограничивает поток идей для других и, таким образом, позволяет внедрять инновации.

О важности экономики локализации писал и М. Портер [23], предлагая концепцию конкурентных преимуществ для стран. Он указал, что побочные эффекты знаний в специализированных отраслях, отличающихся географической концентрацией, стимулируют экономический рост. Экономика урбанизации отражает внешнюю экономию, которая передается фирмам вследствие экономии от крупномасштабной деятельности агломерации или города в целом. В этом случае, полагаем, экономика урбанизации независима от отраслевой структуры. Такое плотное присутствие учреждений, которые не являются исключительно экономическими по своему характеру, поддерживает производство и усвоение ноу-хау, стимулирует новаторское поведение и темпы межрегионального роста.

Итак, сочетание разнообразных отраслей в отдельном регионе (часто — городе) расширяет возможности для взаимодействия,

копирования и изменения практики и инновационного поведения в той же или смежных отраслях. В своей хорошо известной теории о городском росте, Джейн Джейкобс [24] определяет разнообразие как ключевой источник экономики агломерации и, в отличие от теории МАР, считает, что наиболее важные каналы распространения знаний возникают за пределами собственной отрасли.

Структурный компонент региональной экономики в данной области исследований можно выделить через формирование территориальных кластеров. Термин «экономический кластер» предложен М. Портером [23]. Известные подходы к идентификации и оценке кластеров можно разделить на две группы [11]. Первая группа подходов базируется на использовании качественных методов. В их основе — формирование экспертных групп, проведение опросов экспертов и последующая обработка их мнений с получением качественно определенных результатов. Такой подход нередко применяется различными аналитическими и научно-исследовательскими учреждениями. Например, Европейской кластерной обсерваторией с использованием данного подхода реализовано 25 проектов. Эти исследования затрагивают различные аспекты функционирования европейских кластеров (формирование и эволюцию; организацию и функционирование; влияние на макроэкономические параметры и др.). Широкую известность получили и исследовательские проекты, осуществленные Европейским фондом регионального развития и Институтом конкурентоспособности [25].

Кластерной проблематике посвящен целый спектр работ отечественных и российских экономистов. Особо отметим среди них исследования И. Е. Рисина [3; 8] и работы коллектива кафедры региональной экономики и менеджмента Юго-Западного государственного университета (Ю. В. Вертакова [26; 27], В. А. Плотников [28; 29], Ю. С. Положенцева [30; 31], М. Г. Клевцова [32; 33] и др. [34; 35; 36]). Помимо работ указанных авторов, качественный подход реализован и в других исследованиях. Например, при оценке эффективности новосибирского кластера информационных технологий [19]. Однако качественному методическому подходу присущи и недостатки. Они следуют из природы качественного анализа, который не может быть полностью объективным, в нем всегда имеются элементы субъективизма исследователей. В частности, прослеживается существенная корреляция между целями конкретного исследования и выбором методики его проведения. В итоге полученные различными авторами и исследовательскими коллективами данные могут оказаться несопоставимыми. Значительный пласт проблем

связан с нестандартизованностью применяемого терминологического аппарата. Например, в ряде случаев как синонимичные рассматриваются категории «кластер» и «кластерная инициатива». Поэтому объект подобных исследований (а следовательно, и его результаты) «размывается».

Вторая группа исследований опирается на методологию количественного анализа. В их основе — использование экономических, в том числе эконометрических моделей, а также экономико-статистических методов. Этот подход отличается большей строгостью и объективностью. Его применение позволяет выявлять кластеры путем обработки имеющихся числовых данных. Достоинством количественных методов является то, что они дают возможность определения кластеров, находящихся на различных этапах эволюции, в том числе так называемых протокластеров.

Еще один виток развития региональная экономика получила во взаимодействии с теориями международной или межрегиональной торговли. До разработки новой теории торговли традиционная теория в значительной степени не могла объяснить ни внутриотраслевую, ни внутринациональную, ни внутрирегиональную торговлю. В то же время гравитационные модели позволили предположить, что большая часть торговых потоков, как правило, локализована. Разработка новой теории торговли на базе модели Диксита–Стиглица [36] впоследствии привела к возрождению интереса к торговле на разных уровнях развития. Эти изменения в теории торговли способствуют множественному построению моделей пространственной экономики в форме новой экономической географии. Впоследствии мы сможем утверждать, что экономика региона в целом пережила возрождение благодаря комбинации новой экономической географии и новой теории роста.

Новая экономическая география (НЭГ) опирается на теоретические знания и аналитические подходы, являющиеся общими для новой теории роста и новой теории торговли. Поскольку обе доктрины предшествовали НЭГ, резюмируем основные ее идеи и черты из этих двух подходов. В них доминирующим аналитическим положением выступает моделирование несовершенной конкуренции и возрастающая отдача от масштаба в рамках монополистической конкуренции Диксита–Стиглица [36], в котором полезность является функцией разнообразия. В настоящее время новые теории торговли позволяют моделировать межотраслевые торговые потоки в рамках общей системы равновесия, для которой структура спроса и предложения определяется на базе эндогенных требований.

Кругман [37] первым применил такое моделирование по отношению к географии в условиях экономии масштаба и мобильности рабочей силы. Тем самым он переосмыслил принцип Маршалла об экстерналиях, происходящих из преимущества объединения предложения местной рабочей силы и спроса на специализированные неторгуемые ресурсы. В этих моделях пространственная концентрация и рассредоточение определяются как возникающее естественное следствие рынка взаимодействия с участием экономии масштаба на уровне отдельных фирм. Отметим, что многие результаты, полученные этими моделями, напоминают результаты теории центральных мест и даже правило «ранг-размер» [4]. Действительно, характеристики совокупной причинности моделей во многом сродни процессам, описанным среди прочих Предом [38], и в этом отношении работа Кругман–Фуджита–Венаблес опирается на большую часть стандартной теории размещения [37].

Теория монополистической конкуренции Диксита–Стиглица с того момента стала одним из важнейших элементов во многих моделях о размещении экономической деятельности [39]. Из этой модели впоследствии вышло несколько ключевых идей в области региональной экономики. Например, если внутренний эффект масштаба характеризуется как достаточно сильный, а транспортные расходы низкие, это вызывает цикличность, которая стремится поддерживать географическую концентрацию в регионе после ее возникновения. В общем, этот эффект будет тем сильнее, чем выше местный спрос и внутренний эффект масштаба.

Такое наблюдение пространственной промышленной концентрации объясняет и то, что некоторые производители выживают и в периферийных местах. Одна из причин заключается в высоких транспортных расходах — из-за них периферийные производители не сталкиваются на своей территории с конкуренцией. Еще одна причина состоит в возникающих негативных экстерналиях — значительной транспортной загрузке (пробки) и высокой арендной плате за землю в более крупных агломерациях [40]. Данные факторы могут привести к уменьшению эффекта масштаба в городе. Если промышленный сектор сам по себе является основным источником спроса на промышленные товары при том, что транспортные издержки увеличиваются в зависимости от расстояния, то фирмы будут объединяться в кластеры. При высоких транспортных издержках образуется несколько кластеров вместо одного моноцентрального города. Получение фирмами внешних эффектов в денежном эквиваленте, как правило, уравнивает влияние транспорт-

ных расходов. Таким образом, окончательное равновесие будет зависеть от начальной точки отклонения и масштаба экономии, от уровня и структуры транспортных расходов.

На основе новых или эндогенных теорий роста разработан еще один подход, отраженный в литературе, относящийся к географии и пространству. Эти теории роста аналогично строятся на базе новой теории торговли и новой экономической географии [41]. Их ключевое отличие заключается в том, что они не рассматривают время в сравнительной статической манере, но оценивают рост в динамике, а его детерминанты выступают ведущим субъектом анализа. Согласно этому подходу, если индивидуумы или фирмы накапливают новый капитал, они непреднамеренно вносят вклад в повышение производительности капитала.

Соответствующие побочные эффекты могут возникать в ходе инвестиций в физический или человеческий капитал. Если побочные эффекты достаточно сильны, то добавленный продукт физического или человеческого капитала может оставаться постоянно выше дисконтной ставки, даже если индивидуальные инвестиции столкнутся с уменьшением отдачи в условиях отсутствия внешних стимулов к производительности [42]. Такие подходы стали широко известны как теория «эндогенного роста», поскольку технологические изменения считаются эндогенно определяемыми в этих моделях [42; 43]. При применении к региональной экономике и географии во всех этих моделях предполагается, что возрастающая отдача пространственно воплощается в экономике агломерации. Эндогенные региональные модели роста схожи с новыми моделями экономической географии в том, что описанные эффекты могут действовать только в условиях несовершенной монополистической конкуренции.

Региональные модели роста отличаются от моделей новой экономической географии тем, что в рамках эндогенного экономического роста локальная внешняя экономия от масштаба может ассоциироваться не только с размером рынка или денежными экстерналиями, но быть связана с информационными или технологическими эффектами. В работе Мартина и Оттавиано [44] показано, что, включив научные исследования и разработки в модели Кругмана или Кругмана и Венаблеса [37], можно увидеть, что фактор местного накопления играет похожую роль в области трудовой миграции и в связях «затраты-выпуск», способствующих развитию агломерации с помощью местных связей спроса. Обратим внимание на тот факт, что, если агломерация в новой теории торговли и новой экономической географии является географическим результатом моделирования,

то в новой теории роста она эндогенно объясняет рост.

Еще один подход к современным доктринам региональной экономики реализуется через теорию международного бизнеса. Хаймер [40] был первым автором, сосредоточившим внимание на прямых иностранных инвестициях в качестве инструмента, применяемого транснациональными корпорациями (ТНК) для передачи и использования запатентованных ресурсов за рубежом. Объединение преимуществ от технологических инноваций в домашней стране и получаемых выгод от размещения имущественных активов за рубежом для ТНК произошло в теории жизненного цикла товара Вернона. Позже было определено, что в длительной перспективе ТНК способны связывать свои внутренние конкурентные преимущества (*Firm Specific Advantages, FSAs*) с возникающими эффектами размещения в конкретных странах — с позиции структуры спроса, возможностей поставок и затрат на рабочую силу — по мере того, как происходит доработка или стандартизация продукта. Изложенный подход направлен на объяснение того, почему рынок старается привлечь зарубежные инвестиции. Подход Вернона вышел далеко за рамки обычных моделей, которые пытались объяснить потоки прямых иностранных инвестиций как почти механистическую реакцию на такие экзогенные макроуровневые преимущества местоположения, как благоприятный обменный курс или относительные затраты на рабочую силу.

Современные доктрины неоднократно эмпирически протестированы на базе российских регионов. Выявлены многие специфические особенности, присущие территориально обширной стране с географически неравномерно распределенными регионами. Однако во многом эти особенности не противоречат положениям современных научных доктрин. В работе Е. Коломак определено, что уровень пространственной концентрации в российских регионах в целом увеличивается, судя по таким показателям, как ВРП, занятость и численность населения [16]. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что такое положение дел будет, несомненно, способствовать росту дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития. В частности, в работе С. Растворцевой отмечается, что среди российских регионов формируется система центр-периферийных (автор использует термин «ядро-периферия») отношений, сопровождающихся ускоренной концентрацией ресурсов на территориях с большей производственной активностью, что «обедняет» в ресурсном аспекте остальные территории и приводит к росту дифференциации и неравенства.

Заключение

Современные исследования российского экономического пространства показывают, что положительные эффекты не проявляются автоматически, необходимым условием их развития является наличие транспортной инфраструктуры. Лишь в этом случае они распространяются не на отдельные поселения, а на агломерацию в целом. Неодинаковая транспортная и иная инфраструктурная обеспеченность европейской и азиатской частей страны приводит к различным механизмам пространственного распределения экономического роста. Импульсы роста выходят за пределы регионов и могут распространяться на соседние регионы (для всей территории России) и далее — только для западной части России [17].

Агломерационные процессы в регионах оказывают положительное воздействие на их развитие, что проявляется в таких частных эффектах, как рост производительности труда, повышение уровня и качества жизни населения и др. Но в дальнейшем при полном соответствии с неоклассическими представлениями о механизмах функционирования рынка рост концентрации в агломерациях экономической активности приводит к миграции в них населения, росту предложения на региональном рынке труда и в итоге к снижению уровня его

оплаты. На региональное социально-экономическое развитие существенное влияние оказывает географическое положение относительно госграницы. Этот известный тезис в условиях современной России приобретает специфическое наполнение. Как показали исследования, играет роль не только приграничность региона, но и то, каково качество этой приграничности: в регионах, граничащих с постсоветскими странами, оно выше, а в регионах с морскими границами — ниже.

Если рассматривать региональную экономику России на микроуровне, то можно отметить, что региональная среда хозяйствования оказывает существенное влияние на эффективность бизнеса. Так, предприятия, работающие в крупных агломерациях, в среднем наращивают выручку с темпами 3,8 % в год, что, по видимому, связано с большим влиянием на результаты их деятельности внутренней отдачи от масштаба, чем внешней.

Таким образом, современные доктрины региональной экономики давно вышли за рамки объяснения территориального размещения экономической деятельности. Они повышают актуальность и получают новые стимулы к развитию, объединяясь с другими экономическими теориями, стараясь охватить весь спектр вопросов развития экономики регионов.

Литература

1. Brakman S., Garretsen H., Marrewijk C. The New Introduction to Geographical Economics // Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 344 p.
2. Куклин А. А., Коробков И. В. Выбор эффективной траектории социально-экономического развития региона // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 4. С. 1145–1155. DOI: 10.17059/2018-4-7
3. Русин И. Е., Трещевский Ю. И. Региональное управление и территориальное планирование. М.: КНОРУС, 2018. 232 с.
4. Fujita M., Krugman P., Venables A. The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade. Cambridge, MA: MIT Press, 1999. 405 p.
5. Alonso W. Location and Land Use. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1964. 204 p.
6. Marshall A. Principles of Economics. Amherst, N. Y.: Prometheus Books, 1997. 319 p.
7. Lösch A. The Economics of Location [Электронный ресурс]. New Haven: Yale University Press, 1954. 556 p. URL: <http://archive.org/details/economicsoflocat00ls> (дата обращения: 28.05.2019).
8. Русин И. Е. Стратегическое планирование регионального развития: современная практика, направления совершенствования: монография. М.: РУСАЙНС, 2016. 86 с.
9. Eaton B., Eckstein O. Cities and Growth: Theory and Evidence from France and Japan, Regional Science and Urban Economics. 1997. Vol. 27. No. 4–5. P. 443–474. DOI: 10.1016/S0166-0462(97)80005-1
10. Behrens K., Robert-Nicoud F. Survival of the Fittest in Cities: Urbanisation and Inequality // The Economic Journal. 2014. Vol. 124. No. 581. P. 1371–1400. DOI: 10.1111/eoj.12099
11. Манаева И. В. [и др.]. С запада на восток: сравнительный анализ городов. Белгород: ИД «Белгород» Белгородского государственного национального исследовательского университета, 2017. 160 с.
12. Балаш О. С. Моделирование темпов роста численности населения городов России: пространственный аспект // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. № 6. С. 142–146. DOI: 10.21686/2500-3925-2013-6-142-146
13. Буфетова А. Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 55–68.
14. Зайончковская Ж. А., Ноздрин Н. Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98–112.

15. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Региональное неравенство в крупных постсоветских странах // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2011. № 1. С. 17–30.
16. Коломак Е. А. Пространственные экстерналии как ресурс экономического роста // Регион: экономика и социология. 2010. № 4. С. 73–87.
17. Куклин А. А. Экономическая безопасность регионов: теоретико-методологические подходы и сравнительный анализ // Фундаментальные исследования. 2014. № 6–1. С. 142–145.
18. Малкина М. Ю. Исследование взаимосвязи уровня развития и степени неравенства доходов в регионах Российской Федерации // Экономика региона. 2014. № 2. С. 238–248. DOI: 10.17059/2014-2-23
19. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42–56.
20. Шевяков А. Ю. Проблемы снижения масштабов неравенства и бедности России // Федерализм. 2010. № 1. С. 7–18.
21. Hoover E. M. The Location of Economic Activity. N. Y.: McGraw-Hill. 1948. 336 p.
22. Romer P. M. The Origins of Endogenous Growth // Journal of Economic Perspectives. 1994. Vol. 8. No. 1. P. 3–22. DOI: 10.1257/jep.8.1.3
23. Porter M. The Competitive Advantage of Nation. New York: Free Press, 1990. 855 p.
24. Jacobs J. The Economy of Cities. N. Y.: Vintage, 1969. 268 p.
25. The Concept of Clusters and Cluster Policies and Their Role for Competitiveness and Innovation: Main Statistical Results and Lessons Learned // PRO INNO Europe paper. 2008. Vol. 9. 84 p. DOI 10.2769/67535
26. Алдохина Т. П., Беляева Т. А., Вертакова Ю. В., Козьева И. А. Интеграция стратегического и территориального планирования в разработке стратегии пространственного развития // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 3 (24). С. 45–54.
27. Бабич Т. Н., Вертакова Ю. В. Обоснование методики согласования отраслевых и территориальных интересов при планировании регионального развития с целью реализации государственной экономической политики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 2 (32). С. 5–11.
28. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Типологизация подходов к формированию и развитию пропульсивных кластеров в экономике региона // Экономика и управление. 2016. № 3 (125). С. 10–18.
29. Плотников В. А., Шамахов В. А. Стратегии территориального развития и качество жизни // Управленческое консультирование. 2015. № 7 (79). С. 57–64.
30. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С. Алгоритм кластеризации регионального экономического пространства // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2016. № 1 (235). С. 75–85. DOI: 10.5862/JE.235.7
31. Вертакова Ю. В., Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С. Формирование точек кластерного роста экономического развития территорий // Вестник ОрелГИЭТ. 2015. № 2 (32). С. 56–61.
32. Вертакова Ю. В., Клевцов С. М., Клевцова М. Г. Устойчивость развития территории: морфология экономического пространства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 1 (18). С. 87–96.
33. Растворцева С. Н., Усманов Д. И. Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России. Белгород: Константа, 2015. 260 с.
34. Полянин А. В., Макарова Ю. Л. Экономическое развитие региональных бизнес-пространств // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 2. С. 36–48.
35. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. 5-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 496 с.
36. Dixit A. K., Stiglitz J. E. Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity // American Economic Review. 1977. Vol. 67. No. 3. P. 297–308.
37. Krugman P. On the Relationship Between Trade Theory and Location Theory // Review of International Economics. 1993. Vol. 1. No. 2. P. 110–122. DOI: 10.1111/j.1467-9396.1993.tb00009.x
38. Pred A. City-Systems in Advanced Economies: Past Growth, Present Processes and Future Development Options. London: Routledge; N. Y.: John Wiley & Sons, 1977. 258 p.
39. Abdel-Rahman H. Product Differentiation, Monopolistic Competition and City Size // Regional Science and Urban Economics. 1988. Vol. 18. No. 1. P. 69–86. DOI: 10.1016/0166-0462(88)90006-3.
40. Quigley J. M. Urban Diversity and Economic Growth // Journal of Economic Perspectives. 1998. Vol. 12. No. 2. P. 127–138. DOI: 10.1257/jep.12.2.127
41. Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth // Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 641 p.
42. Rutten R., Boekema F. The Learning Region: Foundations, State of the Art, Future. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., 2007. 316 p.
43. Martin P., Ottaviano J. Growth and agglomeration // International Economic Review. 2001. Vol. 42. No. 4. P. 947–968. DOI: 10.1111/1468-2354.00141
44. Растворцева С. Н. Управление развитием процессов концентрации экономической активности в регионе: подходы новой экономической географии. М.: Экон-информ, 2013. 131 с.

References

1. Brakman S., Garretsen H., Marrewijk C. The new introduction to geographical economics. Cambridge: CUP Publ.; 2011. 344 p.
2. Kuklin A. A., Korobkov I. V. Choosing an effective trajectory of the socio-economic development of the region. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2018;14(4):1145-1155. (In Russ.). DOI: 10.17059/2018-4-7
3. Risin I. E., Treshchevskii Yu. I. Regional management and territorial planning. Moscow: KNORUS; 2018. 232 p. (In Russ.).
4. Fujita M., Krugman P., Venables A. The spatial economy: Cities, regions and international trade. Cambridge, MA: The MIT Press; 1999. 405 p.
5. Alonso W. Location and land use: Toward a general theory of land rent. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1964. 204 p.
6. Marshall A. Principles of economics. Amherst, N. Y.: Prometheus Books; 1997. 319 p.
7. Lösch A. The economics of location. New Haven: Yale University Press; 1954. 556 p. URL: <http://archive.org/details/economicsoflocat00ls> (accessed on 28.05.2019).
8. Risin I. E. Strategic planning for regional development: Current practice, areas for improvement. Moscow: RuScience; 2016. 86 p. (In Russ.).
9. Eaton J., Eckstein Z. Cities and growth: Theory and evidence from France and Japan. *Regional Science and Urban Economics*. 1997;27(4-5):443-474. DOI: 10.1016/S0166-0462(97)80005-1
10. Behrens K., Robert-Nicoud F. Survival of the fittest in cities: Urbanisation and inequality. *The Economic Journal*. 2014;124(581):1371-1400. DOI: 10.1111/ecoj.12099
11. Manaeva I. V. et al. From West to East: A comparative analysis of cities. Belgorod: Belgorod Publ.; 2017. 160 p. (In Russ.).
12. Balash O. S. Modeling the population growth rate of Russian cities: Spatial aspect. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO = Economy, Statistics and Informatics. Herald of UMO*. 2013;(6):142-146. (In Russ.). DOI: 10.21686/2500-3925-2013-6-142-146
13. Bufetova A. N. Uneven spatial development: Regional centers and regional periphery. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*. 2009;(4):55-68. (In Russ.).
14. Zaionchkovskaya Zh. A., Nozdrina H. N. Migration experience of the population of the regional centers of Russia (on the example of a sociological survey in 10 cities). *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2008;(4):98-112. (In Russ.).
15. Zubarevich N. V., Safronov S. G. Regional inequality in large post-Soviet countries. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 2011;(1):17-30. (In Russ.).
16. Kolomak E. A. Spatial externalities as a resource for economic growth. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*. 2010;(4):73-87. (In Russ.).
17. Kuklin A. A. Economic security of regions: Theoretical and methodological approaches and comparative analysis. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2014;(6-1):142-145. (In Russ.).
18. Malkina M. Yu. A study of the relationship between the level of development and the degree of income inequality in the regions of the Russian Federation. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2014;(2):238-248. (In Russ.). DOI: 10.17059/2014-2-23
19. Nefedova T. G., Treivish A. I. Cities and rural areas: state and correlation in the space of Russia. *Regional'nye issledovaniya*. 2010;(2):42-56. (In Russ.).
20. Shevyakov A. Yu. Problems of reducing inequality and poverty in Russia. *Federalizm = Federalism*. 2010;(1):7-18. (In Russ.).
21. Hoover E. M. The location of economic activity. New York: McGraw-Hill Book Co.; 1948. 336 p.
22. Romer P. M. The origins of endogenous growth. *Journal of Economic Perspectives*. 1994;8(1):3-22. DOI: 10.1257/jep.8.1.3
23. Porter M. The competitive advantage of nation. New York: Free Press; 1990. 855 p.
24. Jacobs J. The economy of cities. New York: Vintage Books; 1969. 268 p.
25. The concept of clusters and cluster policies and their role for competitiveness and innovation: Main statistical results and lessons learned. PRO INNO Europe Paper. 2008;(9). DOI 10.2769/67535
26. Aldokhina T. P., Belyaeva T. A., Vertakova Yu. V., Koz'eva I. A. Integration of strategic and territorial planning in the development of spatial development strategy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of South-West State University. Series Economics. Sociology. Management*. 2017;7(3):45-54. (In Russ.).
27. Babich T. N., Vertakova Yu. V. Justification of the methodology for the coordination of sectoral and territorial interests in the planning of regional development in order to implement state economic policy. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. 2017;(2):5-11. (In Russ.).
28. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Classification of approaches to the formation and development of propulsive clusters in the regional economy. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2016;(3):10-18. (In Russ.).
29. Plotnikov V. A., Shamakhov V. A. Strategies of territorial development and quality of life. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*. 2015;(7):57-64. (In Russ.).
30. Vertakova Yu. V., Polozhentseva Yu. S. Clustering algorithm of regional economic space. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta*.

- Ekonomicheskie nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics.* 2016;(1):75-85. (In Russ.). DOI: 10.5862/JE.235.7
31. Vertakova Yu. V., Klevtsova M. G., Polozhentseva Yu. S. Formation of cluster growth points for economic development of territories. *Vestnik OrelGIET = OrelSIET Bulletin.* 2015;(2):56-61. (In Russ.).
 32. Vertakova Yu. V., Klevtsov S. M., Klevtsova M.G. Sustainability of territory development: Morphology of the economic space. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of South-West State University. Series Economics. Sociology. Management.* 2016;(1):87-96. (In Russ.).
 33. Rastvortseva S. N., Usmanov D. I. Assessment of the influence of globalization factors on the socio-economic inequality of Russian regions. Belgorod: Konstanta; 2015. 260 p. (in Russ.).
 34. Polyandin A. V., Makarova Yu. L. Economic development of regional business spaces. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of South-West State University. Series Economics. Sociology. Management.* 2014;(2):36-48. (In Russ.).
 35. Granberg A. G. Fundamentals of regional economy. 5th ed. Moscow: NRU HSE; 2006. 496 p.
 36. Dixit A. K., Stiglitz J. E. Monopolistic competition and optimum product diversity. *The American Economic Review.* 1977;67(3):297-308.
 37. Krugman P. On the relationship between trade theory and location theory. *Review of International Economics.* 1993;1(2):110-122. DOI: 10.1111/j.1467-9396.1993.tb00009.x
 38. Pred A. City-systems in advanced economies: Past growth, present processes and future development options. London: Routledge; New York: John Wiley & Sons; 1977. 258 p.
 39. Abdel-Rahman H. Product differentiation, monopolistic competition and city size. *Regional Science and Urban Economics.* 1988;18(1):69-86. DOI: 10.1016/0166-0462(88)90006-3
 40. Quigley J. M. Urban diversity and economic growth. *Journal of Economic Perspectives.* 1998;12(2):127-138. DOI: 10.1257/jep.12.2.127
 41. Barro R., Sala-i-Martin X. Economic growth. Cambridge, MA: The MIT Press; 1995. 641 p.
 42. Rutten R., Boekema F. The learning region: Foundations, state of the art, future. Cheltenham: Edward Elgar; 2007. 316 p.
 43. Martin P., Ottaviano J. Growth and agglomeration. *International Economic Review.* 2001;42(4):947-968. DOI: 10.1111/1468-2354.00141
 44. Rastvortseva S. N. Management of the development of processes of concentration of economic activity in the region: Approaches of the new economic geography. Moscow: Ekon-inform; 2013. 131 p. (In Russ.).

Совершенствование управления стратегической устойчивостью предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в депрессивных регионах России

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-74-86

УДК 332.14

Кузнецов Юрий Викторович

*заведующий кафедрой управления и планирования социально-экономических процессов
Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, профессор
191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62, e-mail: y.kuznetsov@spbu.ru.*

Анохина Елена Михайловна

*доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат географических наук
191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62, e-mail: e.anokhina@spbu.ru.*

Мелякова Евгения Валерьевна

*доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
191123, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 62, e-mail: e.melyakova@spbu.ru.*

В статье¹ представлена методика оценки стратегической устойчивости предприятий регионов России на микроуровне как составляющая оценки стратегической устойчивости комплекса предприятий региона. Предложены направления подъема экономики депрессивных регионов России путем совершенствования управления стратегической устойчивостью комплекса предприятий крупного, среднего и малого бизнеса регионов. Разработанные для федерального и регионального уровней власти рекомендации по совершенствованию управления комплексом предприятий регионов основаны на доказанной в исследовании гипотезе о зависимости экономических показателей развития региона от стратегической устойчивости действующих на его территории комплекса предприятий.

Цель. Предложить направления совершенствования управления стратегической устойчивостью предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в депрессивных регионах России на основе формирования региональных центров прибыли.

Задачи. Выявить особенности развития крупных предприятий в депрессивных регионах России посредством расчета интегрального показателя — Индекса экономической и финансовой устойчивости предприятия. Провести сравнительный анализ деятельности предприятий крупного бизнеса депрессивных и развитых регионов для доказательства гипотезы о зависимости экономической и финансовой устойчивости предприятий крупного бизнеса от уровня социально-экономического развития региона. Разработать для федерального и регионального уровней власти рекомендации по совершенствованию управления комплексом предприятий крупного, среднего и малого бизнеса, включая предложение по формированию региональных центров прибыли.

Методология. Теоретико-методологической основой исследования являются теории и концепции о роли предприятий и предпринимательства в экономическом развитии региона. Исследование проведено с помощью общенаучных методов — анализа и синтеза, сравнительного и статистического анализа, систематизации, расчета интегрального индексного показателя, коэффициентного финансового анализа.

Результаты. Крупный бизнес депрессивных регионов имеет экономические и финансовые показатели, которые сопоставимы с показателями по крупному бизнесу развитых регионов (в том числе с показателями развития крупнейших предприятий, входящих в рейтинг «Эксперт 600»), а по отдельным показателям имеет лучшее значение, чем в развитых регионах. Это подтвердило гипотезу о том, что уровень социально-экономического развития того или иного региона не оказывает доминирующего влияния на устойчивость развития крупного бизнеса. Уровень развития региональных экономик зависит от структуры бизнеса региона. Выявленные закономерности позволили предложить направления совершенствования управления стратегической устойчивостью предприятий депрессивных регионов для федеральных и региональных органов управления.

Выводы. Совершенствование управления развитием депрессивных регионов должно быть направлено на развитие инструментов государственной поддержки, стимулирующих развитие комплекса предприятий регионов. Необходимо встраивание управления устойчивостью комплекса предприятий того или иного региона в систему стратегического управления на федеральном и региональном уровнях. Наряду с реализацией национальных проектов по развитию малого бизнеса, повышению производительности труда, поддержке инноваций и институтам развития для депрессивных регионов должны быть разработаны проекты по развитию крупного бизнеса и его интеграции со средним и малым на основе карт кооперационного взаимодействия. Новый подход к развитию депрессивных регионов на базе создания региональных центров прибыли будет способствовать формированию устойчивости комплекса предприятий депрессивных регионов, позволит рационально распределять средства национальных проектов.

¹ Статья является продолжением статьи «Подходы к оценке стратегической устойчивости крупного, среднего и малого бизнеса в депрессивных регионах России», опубликованной в № 10 журнала «Экономика и управление» за 2019 год.

Ключевые слова: предприятие, депрессивный регион, крупный, средний и малый бизнес, индекс стратегической устойчивости комплекса предприятий региона, индекс экономической и финансовой устойчивости предприятия, стратегическая устойчивость комплекса предприятий, региональный центр прибыли, карты кооперационного взаимодействия, импортозамещение, стратегическое управление регионом.

Для цитирования: Кузнецов Ю. В., Анохина Е. М., Мелякова Е. В. Совершенствование управления стратегической устойчивостью предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в депрессивных регионах России // *Экономика и управление*. 2019. № 11 (169). С. 74–86. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-74-86

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-010-01204 «Оценка стратегической устойчивости предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в депрессивных регионах России (на примере Псковской области)».

Improving the Strategic Sustainability Management of large, Medium, and Small Businesses in the Depressed Regions of Russia

Yuriy V. Kuznetsov

St. Petersburg University

Chaykovskogo St. 62, St. Petersburg, Russian Federation, 191123, e-mail: y.kuznetsov@spbu.ru

Elena M. Anokhina

St. Petersburg University

Chaykovskogo St. 62, St. Petersburg, Russian Federation, 191123, e-mail: e.anokhina@spbu.ru

Evgeniya V. Melyakova

St. Petersburg University

Chaykovskogo St. 62, St. Petersburg, Russian Federation, 191123, e-mail: e.melyakova@spbu.ru

This study¹ presents a methodology for assessing the strategic sustainability of enterprises in Russian regions at the micro level as a part of assessing the strategic sustainability of the complex of enterprises in a region. The authors suggest directions for fostering the economy of the depressed regions of Russia by improving the management of strategic sustainability of the complex of large, medium, and small enterprises in a region. The recommendations developed for federal and regional authorities on how to improve the management of the complex of enterprises in the regions are based on the hypothesis proved in the study about the dependence of economic development indicators of a region on the strategic sustainability of the complex of enterprises operating in its territory.

Aim. The study aims to suggest directions for improving the management of the strategic sustainability of large, medium, and small enterprises in the depressed regions of Russia based on the formation of regional profit centers.

Tasks. The authors identify the peculiarities in the development of large enterprises in the depressed regions of Russia by calculating an integrated index of economic and financial sustainability of enterprises; conduct a comparative analysis of the activities of large enterprises in depressed and developed regions to prove the hypothesis about the dependence of the economic and financial sustainability of large enterprises on the region's level of socio-economic development; develop recommendations for federal and regional authorities on how to improve the management of the complex of large, medium, and small enterprises, including a proposal on the formation of regional profit centers.

Methods. The theoretical and methodological basis of this study includes theories and concepts on the role of enterprises and entrepreneurship in the economic development of a region. The study uses general scientific methods: analysis and synthesis, comparative and statistical analysis, systematization, calculation of an integrated index, financial ratio analysis.

Results. The economic and financial indicators of large businesses in depressed regions are comparable to those of large businesses in developed regions (including the development indicators of the largest enterprises included in the Expert 600 rating), with some indicators showing values that are even higher than in developed regions. This confirms the hypothesis that the level of socio-economic development of a region does not have a dominant effect on the sustainability of development of large enterprises. The level of development of regional economies depends on the regional business structure. The revealed patterns make it possible to propose directions for improving the management of strategic sustainability of enterprises in depressed regions to federal and regional authorities.

Conclusions. The improvement of development management in depressed regions should be aimed at developing government support tools that facilitate the development of the complex of enterprises in

¹ This study is a continuation of the article "Approaches to assessing the strategic sustainability of large, medium, and small businesses in the depressed regions of Russia" published in *Ekonomika i upravlenie* No. 10, 2019.

the regions. It is necessary to integrate the sustainability management of the complex of enterprises in a region into the strategic management system at the federal and regional levels.

Along with the implementation of national projects aimed at developing small businesses, increasing labor productivity, supporting innovation and development institutions, in depressed regions it is also necessary to implement projects aimed at developing large businesses and integrating them with medium and small enterprises based on cooperation roadmaps. A new approach to the development of depressed regions based on the formation of regional profit centers would facilitate the formation of the sustainability of the complex of enterprises in depressed regions, allowing rational use of national project funds.

Keywords: enterprise, depressed region, large, medium, and small enterprises, strategic sustainability index of the complex of enterprises in a region, economic and financial stability index of an enterprise, strategic sustainability of the complex of enterprises, regional profit center, cooperation roadmap, import substitution, strategic regional management.

For citation: Kuznetsov Yu. V., Anokhina E. M., Melyakova E. V. Improving the Strategic Sustainability Management of Large, Medium, and Small Businesses in the Depressed Regions of Russia. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(11):74–86 (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-74-86

Acknowledgments: This study was funded by the RFBR, project No. 18-010-0120 Assessment of the strategic sustainability of large, medium, and small businesses in the depressed regions of Russia (through the example of the Pskov region).

Методика расчета Индекса экономической и финансовой устойчивости предприятия

Сравнительный анализ деятельности предприятий включает в себя исследование экономических и финансовых показателей (платежеспособности, финансовой устойчивости, деловой активности, динамики, рентабельности и др.), содержащихся в отчетах профессиональной системы «СПАРК».

Для проведения сравнительного анализа деятельности предприятий регионов предложен интегральный показатель — Индекс экономической и финансовой устойчивости предприятия. Расчет указанного Индекса предполагает его оценку по шести группам показателей, как показано на рисунке 1, составленном авторами статьи.

В каждую из групп включены по два показателя, с учетом которых производилась оценка. По каждому из показателей рассчитаны фактические значения и дана их оценка по пятибалльной шкале (от 0 до 5), где 0 — наихудшее значение, 5 — наилучшая оценка. Кроме того, каждому из показателей присвоена различная значимость в зависимости от степени влияния на экономическую и финансовую устойчивость предприятия, как видно из таблицы 1.

В первую группу входят наиболее важные показатели динамики развития предприятия: темп прироста выручки от реализации и темп прироста прибыли. Помимо собственно динамики и устойчивости развития компании, косвенно данные показатели позволяют оценить эффективность управления. Этим показателям присвоена наибольшая значимость в общей интегральной оценке экономического развития

(0,25). В соответствии с фактическими значениями показателей годового прироста объема реализации и прибыли компании разделены на шесть групп — от компаний с отрицательным ростом (балл 0) до компаний с наибольшим ростом (балл 5).

Ко второй группе отнесены показатели, характеризующие производительность труда: выручку на одного сотрудника и чистую прибыль на одного сотрудника. Данной группе присвоен вес 0,15, поскольку рост производительности труда является важным индикатором экономического развития предприятия.

Третью группу составляют показатели финансовой устойчивости. Рассмотрены наиболее общие показатели, не связанные между собой линейными зависимостями: коэффициент концентрации собственного капитала (коэффициент финансовой независимости) и коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами. При определении оценок по критериям использованы общепринятые нормативы, которые устанавливают рекомендованные и минимально допустимые диапазоны показателя. Чем ближе показатели к нормативным значениям, тем выше оценка.

В четвертую группу включены показатели оценки ликвидности. Коэффициент текущей ликвидности (коэффициент покрытия) определяется отношением суммы оборотных активов к сумме краткосрочных обязательств. Коэффициент быстрой ликвидности — это финансовый показатель, который равен отношению высоколиквидных оборотных активов (суммы денежных средств и дебиторской задолженности) к списку краткосрочных обязательств или текущих пассивов. Вес показателей группы — 0,15.

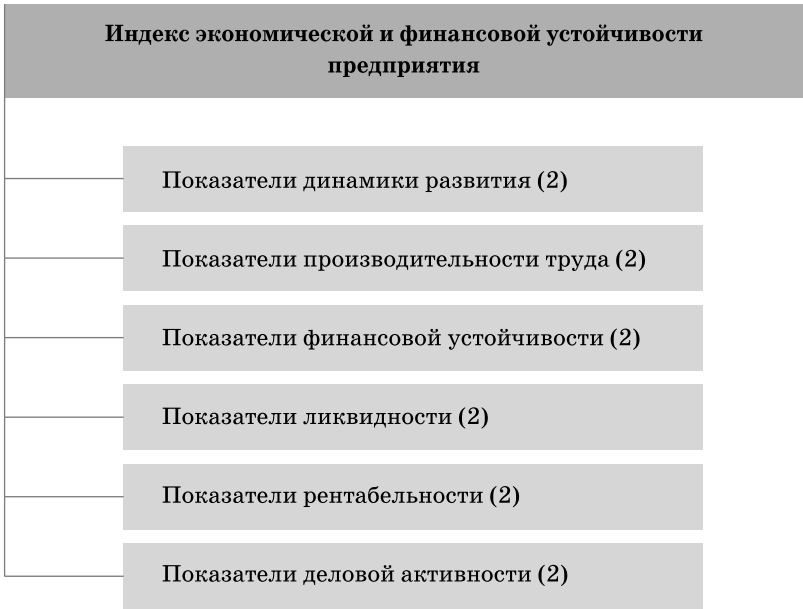

Рис. 1. Состав Индекса экономической и финансовой устойчивости предприятия

Таблица 1

Показатели экономической и финансовой устойчивости предприятия и их значимость

Группа	Показатель	Значимость показателя в общей интегральной оценке
Показатели динамики развития	Прирост выручки от реализации, %	0,15
	Прирост чистой прибыли, %	0,1
Показатели производительности и рентабельности труда	Выручка на одного сотрудника	0,1
	Чистая прибыль на одного сотрудника	0,05
Показатели финансовой устойчивости	Коэффициент концентрации собственного капитала	0,1
	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	0,1
Показатели ликвидности	Коэффициент текущей ликвидности	0,1
	Коэффициент быстрой ликвидности	0,05
Показатели рентабельности	Рентабельность продаж	0,1
	Рентабельность собственного капитала, %	0,05
Показатели деловой активности (оборачиваемости)	Оборачиваемость капитала	0,05
	Оборачиваемость оборотных средств	0,05

В пятую группу вошли показатели рентабельности. В качестве наиболее важного из них, характеризующего прибыльность предприятия, выделена рентабельность продаж (отношение чистой прибыли к выручке от реализации) — вес 0,1. Показатель рентабельности собственного капитала получил вес 0,05.

Шестая группа представлена показателями оборачиваемости (оборачиваемостью капитала и оборачиваемостью оборотных средств), рассчитываемыми как отношение выручки от реализации продукции к средней стоимости активов и отношение выручки к оборотным активам. Показатели оборачиваемости характеризуют деловую активность предприятия. Вес показателей группы — 0,1.

Таким образом, наибольший вес получили показатели динамики развития и показатели финансовой устойчивости, наиболее значимые

для оценки экономической устойчивости предприятия. Балльные оценки по показателям определялись на основе фактических значений показателей по следующей схеме:

- определяется фактическая величина отдельных коэффициентов по всем шести группам показателей в соответствии с изложенными алгоритмами расчетов;
- проводится сравнение фактических и нормативных значений ряда коэффициентов, а также сравнение с предприятиями анализируемой группы, и каждый фактический коэффициент получает соответствующий балл (от 0 до 5);
- проводится количественная оценка показателей с учетом значимости каждого показателя;
- формируется итоговый показатель экономической устойчивости предприятия как сумма

Количество предприятий, включенных в выборку для расчета Индекса их экономической и финансовой устойчивости

	Белгородская область	Воронежская область	Ивановская область	Псковская область
Количество предприятий, включенных в выборку, всего.	151	170	36	31
Из них:				
крупных	81	95	16	14
средних	70	75	20	17

Источник: таблица составлена авторами на основе базы данных «СПАРК» агентства «Интерфакс».

баллов по всем шести группам показателей с учетом значимости каждого показателя.

Предлагаемая методика позволяет классифицировать предприятия по степени экономической и финансовой устойчивости, исходя из фактического уровня и значимости показателей.

Анализ результатов сравнительного исследования экономической и финансовой устойчивости предприятий крупного бизнеса в регионах России

Для оценки устойчивости развития предприятий крупного бизнеса в депрессивных и устойчиво развивающихся областях проведен расчет Индекса экономической устойчивости предприятий в четырех областях: Белгородской, Воронежской, Ивановской и Псковской. Из них две области (Белгородская и Воронежская) относятся к успешно развивающимся, остальные (Ивановская и Псковская) являются депрессивными. Учитывая малое количество предприятий, подпадающих под критерии отнесения к крупным (с выручкой более двух млрд руб.), анализируемая группа предприятий расширена за счет включения ряда средних предприятий, у которых выручка от продаж превышала миллиард рублей в 2015 г. В исследование не входили предприятия, образованные менее трех лет назад, поскольку по ним отсутствуют данные для расчета показателей в динамике.

Установлено, что в депрессивных регионах крупных предприятий существенно меньше, чем в более благополучных. Исследованы все предприятия выбранных регионов, по которым представлена информация в базе данных «СПАРК» агентства «Интерфакс» [1], отраженная в таблице 2.

Для каждого из предприятий рассчитаны показатели динамики развития (среднегодовой прирост выручки и прибыли), производительности труда, платежеспособности, финансовой устойчивости, деловой активности, рентабельности, о чем свидетельствует таблица 3, и рассчитан интегральный показатель экономической устойчивости, как видно из таблицы 4.

Затем с учетом показателей по предприятиям рассчитан средний показатель экономической и финансовой устойчивости предприятий по каждому региону.

Проведенный анализ устойчивости крупных предприятий двух успешно развивающихся регионов (Белгородской и Воронежской областей) и двух депрессивных регионов (Ивановской и Псковской областей) позволил сделать ряд выводов. Во-первых, экономическая и финансовая устойчивость крупнейших предприятий анализируемых областей находится на достаточно низком уровне: среднее значение Индекса экономической и финансовой устойчивости предприятий варьируется в диапазоне 2,02–2,36, как видно из таблицы 5.

Во-вторых, несмотря на выявленный на первом этапе исследования более низкий уровень развития комплекса предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в депрессивных регионах в целом, не обнаружено прямой взаимосвязи между уровнем экономического развития региона и устойчивостью развития крупных предприятий. Так, в Ивановской области значение индекса экономической и финансовой устойчивости предприятий существенно ниже, чем в других областях. Вместе с тем средний индекс экономической и финансовой устойчивости предприятий Псковской области (2,36) превышает среднее значение данного индекса для экономически более благополучных Воронежской и Белгородской областей. С учетом этого можно предположить, что существуют разные типы депрессивных регионов в зависимости от особенностей отраслевой структуры комплекса крупных предприятий. В-третьих, не выявлено зависимости уровня экономической и финансовой устойчивости от принадлежности предприятия к той или иной отрасли.

Проведенные расчеты позволили разделить предприятия в исследуемых регионах на группы по уровню устойчивости:

- а) предприятия с высоким уровнем экономической и финансовой устойчивости (более 3,0) и положительной динамикой индекса экономической и финансовой устойчивости;
- б) предприятия со средним уровнем экономической и финансовой устойчивости (от 2,0

**Показатели для расчета Индекса экономической и финансовой устойчивости предприятий в 2018 г.
(на примере расчета по крупным предприятиям Псковской области)**

№	Наименование	Прирост объема реализации, %	Прирост чистой прибыли, %	Выручка на одного сотрудника, млн руб.	Чистая прибыль на одного сотрудника, млн руб.	Коэффициент концентрации собственного капитала	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	Коэффициент текущей ликвидности	Коэффициент быстрой ликвидности	Рентабельность продаж	Рентабельность капитала	Оборачиваемость капитала	Оборачиваемость оборотных активов
1	Балт-Фиш плюс, ООО	5	-40	4,9	0,10	0,19	-0,03	1,88	1,28	0,06	0,24	2,04	2,54
2	Бежаницкое райпо	-1	-	1,3	-	0,85	0,82	5,58	3,58	0,02	-	2,55	3,00
3	Великолукский молочный комбинат, ООО	5	-3242	7,9	-0,25	0,00	-0,27	0,98	0,65	-0,07	-4,62	1,38	1,81
4	Великолукский свиноводческий комплекс, ООО	25	-47	5,2	0,65	0,36	-0,32	1,65	1,03	0,29	0,31	0,79	1,99
5	ВЕЛМАШ-С, ООО	23	30	4,3	0,27	0,68	0,29	1,50	0,29	0,11	0,17	1,78	3,56
6	Великолукский мясокомбинат, ОАО	15	-133	8,0	-0,14	-0,08	-0,60	0,63	0,50	0,02	0,48	2,21	3,26
7	Газпром межрегионгаз Псков, ООО	2	-39	20,9	0,00	0,09	0,02	1,02	1,02	0,00	0,01	2,93	3,17
8	Дива Плюс, ООО	-3	-4	12,0	0,11	0,13	0,11	1,13	0,36	0,03	0,24	3,58	3,64
9	ДСК, АО	-50	100	2,6	0,01	0,24	-0,89	1,75	1,39	-0,21	0,00	0,20	0,32
10	Завод Реостат, ООО	34	163	4,8	0,89	0,73	0,66	3,03	1,83	0,24	0,51	1,96	2,53
11	ЗЭТО, ЗАО	49	1 666	3,1	0,04	0,03	-0,13	0,90	0,47	0,02	0,71	1,25	1,40
12	ИДАВАНГ, ООО	3	9	11,6	2,72	0,58	-0,11	0,91	0,34	0,26	0,21	0,50	1,43
13	Империял, ООО	-14	-5	2,2	-0,06	-0,19	-0,88	0,53	0,16	-0,03	0,80	3,45	5,33
14	Кабельный завод «АЛЮР», ООО	11	56	12,0	0,41	0,91	0,84	6,66	3,36	0,04	0,14	3,74	6,95
15	Компьютер Мастер, ООО	15	-42	113,3	1,86	0,35	0,34	1,52	1,22	-0,04	0,19	3,63	3,64
16	Кооператор, Псковское облко	-9	-	8,0	-	0,75	0,74	3,84	2,35	0,00	-	3,39	3,59
17	МАГНА, ООО	-1	3	8,1	0,09	0,38	0,31	1,45	0,85	0,03	0,08	2,77	3,06
18	Маслосырзавод «Порховский», ОАО	7	-37	5,5	0,06	0,14	-0,22	1,57	0,59	0,07	0,16	2,05	2,93
19	МЕГА ХОЛОД, ООО	-75	-90	18,8	0,64	0,25	-0,71	0,70	0,70	-0,06	0,07	1,39	1,54
20	НКМ, ООО	-4	15	18,1	0,31	0,09	0,05	1,05	0,91	0,03	0,34	1,68	1,77
21	Опытный завод «Микрон», АО	8	-20	4,7	0,55	0,92	0,87	9,44	8,06	0,14	0,17	1,33	2,15
22	Ордена Ленина трест «Нефтепроводмонтаж», ООО	34	-18	3,3	0,03	0,03	0,01	1,01	0,49	0,03	0,33	1,03	1,05
23	Племрепродуктор Назия, ООО	-1	355	3,4	0,17	0,42	0,35	2,11	0,71	0,09	0,48	4,29	5,20
24	Псковвтормет, ОАО	22	1 579	78,8	1,69	0,31	0,27	1,44	1,24	0,03	0,22	3,77	4,02
25	Псковкабель, АО	-11	2	5,2	-0,68	-0,33	-1,69	0,38	0,29	-0,12	2,07	2,10	3,78
26	Псковнефтепродукт, ООО	6	-158	14,5	-0,02	0,61	0,35	1,58	0,78	0,00	-0,01	3,58	6,41
27	Псковэнергообл, АО	7	148	436,7	2,80	0,10	0,10	1,11	1,11	0,01	0,63	7,83	7,84
28	Псковские тепловые сети, муниципальное предприятие г. Пскова	7	-8	0,7	0,01	0,40	-0,10	1,03	0,98	0,03	0,03	1,35	2,59
29	Славянка, ЗАО	3	19	1,4	0,34	0,97	0,96	27,62	25,72	0,14	0,10	0,38	0,40
30	Слактис, ООО	17	7	11,3	3,58	0,46	0,04	4,71	3,37	0,28	0,32	0,44	0,87
31	ТАНН Невский, ООО	-7	12	17,5	2,62	0,90	0,84	6,24	3,47	0,18	0,24	1,43	2,52

Источник: рассчитано авторами на основе базы данных «СПАРК» агентства «Интерфакс».

**Расчет Индекса экономической и финансовой устойчивости предприятий в 2018 г.
(на примере крупных предприятий Псковской области)**

№	Наименование	Балл по приросту объема реализации	Балл по приросту чистой прибыли	Балл по выручке на одного сотрудника	Балл по чистой прибыли на одного сотрудника	Балл по коэффициенту концентрации собственного капитала	Балл по коэффициенту обеспеченности собственными оборотными средствами	Балл по коэффициенту текущей ликвидности	Балл по коэффициенту быстрой ликвидности	Балл по рентабельности продаж	Балл по рентабельности капитала	Балл по оборачиваемости капитала	Балл по оборачиваемости оборотных активов	Индекс стратегической устойчивости предприятия
1	Балт-Фиш плюс, ООО	0,15	0	0,4	0,05	0	0	0,4	0,25	0,2	0,25	0,1	0,05	1,85
2	Бежаницкое райпо	0	0,2	0,1	0,1	0,5	0,5	0,5	0,25	0,1	0,1	0,1	0,05	2,50
3	Великолукский молочный комбинат, ООО	0,15	0	0,5	0	0	0	0,2	0,1	0	0	0,05	0	1,00
4	Великолукский свиноводческий комплекс, ООО	0,75	0	0,5	0,2	0,1	0	0,4	0,2	0,5	0,25	0	0	2,90
5	ВЕЛМАШ-С, ООО	0,75	0,5	0,4	0,15	0,3	0,3	0,4	0,05	0,3	0,2	0,05	0,05	3,45
6	Великолукский мясокомбинат, ОАО	0,6	0	0,5	0	0	0	0,2	0,1	0,1	0,25	0,1	0,05	1,90
7	Газпром межрегионгаз Псков, ООО	0,15	0	0,5	0	0	0	0,3	0,2	0,1	0,05	0,1	0,05	1,45
8	Дива Плюс, ООО	0	0	0,5	0,1	0	0,2	0,3	0,05	0,1	0,25	0,15	0,05	1,70
9	ДСК, АО	0	0,5	0,2	0	0,1	0	0,4	0,25	0	0,05	0	0	1,50
10	Завод Реостат, ООО	0,75	0,5	0,4	0,2	0,4	0,5	0,5	0,25	0,5	0,25	0,05	0,05	4,35
11	ЗЭТО, ЗАО	0,75	0,5	0,3	0	0	0	0,2	0,05	0,1	0,25	0,05	0	2,20
12	ИДАВАНГ, ООО	0,15	0,2	0,5	0,25	0,2	0	0,2	0,05	0,5	0,25	0	0	2,30
13	Империял, ООО	0	0	0,2	0	0	0	0,2	0	0	0,25	0,15	0,15	0,95
14	Кабельный завод «АЛЮР», ООО	0,45	0,5	0,5	0,15	0,5	0,5	0,5	0,25	0,1	0,15	0,15	0,2	3,95
15	Компьютер Мастер, ООО	0,45	0	0,5	0,25	0,1	0,3	0,4	0,25	0	0,2	0,15	0,05	2,65
16	Кооператор, Псковское облпо	0	0,2	0,5	0,1	0,4	0,5	0,5	0,25	0,1	0,1	0,15	0,05	2,85
17	МАГНА, ООО	0	0,1	0,5	0,05	0,1	0,3	0,3	0,15	0,1	0,1	0,1	0,05	1,85
18	Маслосырзавод «Порховский», ОАО	0,3	0	0,5	0,05	0	0	0,4	0,1	0,2	0,2	0,1	0,05	1,90
19	МЕГА ХОЛОД, ООО	0	0	0,5	0,2	0,1	0	0,2	0,1	0	0,1	0,05	0	1,25
20	НКМ, ООО	0	0,4	0,5	0,15	0	0	0,3	0,15	0,1	0,25	0,05	0	1,90
21	Опытный завод «Микрон», АО	0,3	0	0,4	0,2	0,5	0,5	0,5	0,25	0,3	0,2	0,05	0,05	3,25
22	Ордена Ленина трест «Нефтепроводмонтаж», ООО	0,75	0	0,3	0	0	0	0,3	0,05	0,1	0,25	0,05	0	1,80
23	Племрепродуктор Назия, ООО	0	0,5	0,3	0,1	0,2	0,3	0,5	0,1	0,2	0,25	0,2	0,15	2,80
24	Псковвтормет, ОАО	0,75	0,5	0,5	0,25	0,1	0,3	0,3	0,25	0,1	0,25	0,15	0,1	3,55
25	Псковкабель, АО	0	0,1	0,5	0	0	0	0,1	0,05	0	0,25	0,1	0,05	1,15
26	Псковнефтепродукт, ООО	0,3	0	0,5	0	0,3	0,3	0,4	0,1	0	0	0,15	0,2	2,25
27	Псковэнергосбыт, АО	0,3	0,5	0,5	0,25	0	0,1	0,3	0,2	0,1	0,25	0,25	0,25	3,00
28	Псковские тепловые сети, муниципальное предприятие г. Пскова	0,3	0	0	0	0,2	0	0,3	0,15	0,1	0,05	0,05	0,05	1,20
29	Славянка, ЗАО	0,15	0,4	0,1	0,15	0,5	0,5	0,5	0,25	0,3	0,1	0	0	2,95
30	Слактис, ООО	0,6	0,2	0,5	0,25	0,2	0	0,5	0,25	0,5	0,25	0	0	3,25
31	ТАНН Невский, ООО	0	0,3	0,5	0,25	0,5	0,5	0,5	0,25	0,4	0,25	0,05	0,05	3,55

Источник: рассчитано авторами на основе базы данных «СПАРК» агентства «Интерфакс».

Таблица 5

Среднее значение Индекса экономической и финансовой устойчивости предприятий в 2018 г. в регионах

Белгородская область	Воронежская область	Ивановская область	Псковская область
2,31	2,19	2,02	2,36

Источник: рассчитано авторами на основе базы данных «СПАРК» агентства «Интерфакс».

Таблица 6

Распределение предприятий по уровню экономической и финансовой устойчивости в 2018 г.

Уровень устойчивости предприятий	Количество предприятий в регионах, ед.			
	Белгородская область	Воронежская область	Ивановская область	Псковская область
Высокий (> 3)	39	27	2	8
Средний (2,0–3,0)	51	71	17	9
Низкий (1,0–1,9)	53	61	14	13
Крайне низкий (< 1)	8	11	3	1
Всего	151	170	36	31

Источник: рассчитано авторами на основе базы данных «СПАРК» агентства «Интерфакс».

Таблица 7

Распределение предприятий по уровню экономической и финансовой устойчивости в 2018 г., %

Уровень устойчивости предприятий	Белгородская область	Воронежская область	Ивановская область	Псковская область
Высокий (> 3, рост)	25,8	15,9	5,6	25,8
Средний (2,0–3,0)	33,8	41,8	47,2	29,0
Низкий (1,0–1,9)	35,1	35,9	38,9	41,9
Крайне низкий (< 1)	5,3	6,5	8,3	3,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: рассчитано авторами на основе базы данных «СПАРК» агентства «Интерфакс».

до 3,0) и разнонаправленной динамикой индекса экономической устойчивости;

- в) предприятия с низким (от 1,0 до 2,0) уровнем индекса экономической и финансовой устойчивости, находящиеся в группе риска;
- г) предприятия с крайне низким (менее 1,0) уровнем индекса экономической и финансовой устойчивости и отрицательной динамикой индекса экономической устойчивости, находящиеся в группе крайне высокого риска.

В таблицах 6 и 7 показано распределение предприятий по группам устойчивости в зависимости от количества и долевых значений.

Долевое распределение количества предприятий по уровню устойчивости также подтверждает сделанный ранее вывод об отсутствии прямой зависимости между уровнем социально-экономического развития региона и уровнем экономической, финансовой устойчивости крупных предприятий: доля предприятий Псковской области в первых трех группах сопоставима с показателями Воронежской и Белгородской областей, а в группе с крайне низким уровнем устойчивости имеет лучшее значение. Ивановская область характеризуется лучшим показателем из всех сравниваемых регионов в группе предприятий со средним уровнем устойчивости.

Один из важнейших показателей деятельности предприятий регионов — производи-

тельность труда, которая рассчитывается посредством анализа объема выручки на одного сотрудника. Среди тридцати одной наиболее крупной компании Псковской области (с выручкой более миллиарда рублей) в 2018 г. показатель выручки на одного сотрудника варьируется от 0,7 до 436 млн руб., средняя выручка на одного сотрудника — 27,4 млн руб. Если исключить из расчетов две торговые компании с небольшой численностью занятых и большим оборотом реализации продукции (АО «Псковэнергообит» с выручкой на одного работника 436 млн руб. и ООО «Компьютер Мастер» с выручкой на одного работника 113 млн руб.), то показатель выручки на одного сотрудника варьируется от 0,7 до 76 млн руб., а средняя выручка на одного сотрудника составит 10,3 млн руб. Аналогичные показатели по тридцати наиболее крупным компаниям (с выручкой свыше миллиарда рублей) Псковской области в 2017 г. составили от 0,6 до 41 млн руб. (в то время как у крупнейших компаний России по рейтингу RAEX-600 в 2017 г. средняя производительность труда — 21,25 млн руб. [2]), средняя выручка на одного сотрудника — 9,2 млн руб.

В дальнейшем для подтверждения сделанных выводов предполагается провести расчеты по более широкому кругу предприятий, в том числе с учетом их отраслевой принадлежно-

сти, а также по предприятиям других регионов разного уровня социально-экономического развития.

Проведенное исследование экономической и финансовой устойчивости предприятий крупного бизнеса в регионах, обладающих разным уровнем экономического и социального развития показало, что в депрессивных регионах развитие компаний крупного бизнеса по эффективности в целом не отличается от развития компаний крупного бизнеса в развитых регионах России и не имеет прямой зависимости от уровня социально-экономического развития региона. За счет того, что доля крупных предприятий от общего количества предприятий в депрессивных регионах существенно меньше, чем в более развитых, средние показатели развития комплекса предприятий крупного, малого и среднего бизнеса (далее — КСМБ), включая показатели производительности труда, в депрессивных регионах значительно уступают общероссийским. Кроме того, комплекс предприятий развивается менее эффективно, чем в развитых регионах Российской Федерации (РФ). Доказаны обе гипотезы, поставленные в исследовании:

- структура комплекса предприятий региона оказывает доминирующее влияние на социально-экономическое развитие региона: чем больше в регионе предприятий крупного бизнеса и меньше микропредприятий, тем регион развивается эффективнее;
- в депрессивных регионах развитие компаний крупного бизнеса по эффективности в целом не отличается от развития компаний крупного бизнеса в развитых регионах России и не имеет прямой зависимости от уровня социально-экономического развития региона.

Вывод в аспекте сравнения развития составляющих комплекса предприятий на мезоуровне подтверждается и результатами ряда исследований, проведенных в России [3] и странах Евросоюза [4].

Направления совершенствования управления развитием комплекса предприятий КСМБ в депрессивных регионах России

По итогам проведенного анализа развития комплекса предприятий КСМБ в регионах России сформулировано определение понятия «стратегическая устойчивость предприятий региона». Под ним, в частности, подразумевается способность комплекса предприятий КСМБ региона обеспечивать в долгосрочном периоде темпы роста, достаточные для обеспечения развития экономики и социальной сферы региона, достижения стратегических целей и реализации стратегических приоритетов при сохранении

окружающей среды в условиях перехода к цифровой экономике и усиления влияния факторов неопределенности и риска на основе сбалансированного непрерывного развития комплекса предприятий КСМБ региона, рационального использования материальных и нематериальных факторов развития предприятий региона.

Предложен новый подход к управлению социально-экономическим комплексом депрессивных регионов, повышению их устойчивости на основе формирования региональных центров прибыли. Региональный центр прибыли — это стратегически устойчивый комплекс предприятий крупного, среднего и малого бизнеса, способный обеспечивать в долгосрочном периоде темпы роста, достаточные для развития экономики и социальной сферы региона, достижения стратегических целей и реализации стратегических приоритетов при сохранении окружающей среды в условиях перехода к цифровой экономике и усиления влияния факторов неопределенности и риска.

Основными стратегиями при формировании центров прибыли в депрессивных регионах должны стать:

- стратегия государственной поддержки и расширения действующих бюджетобразующих предприятий региона, относящихся к специализированным видам деятельности, что позволяет, благодаря расширению емкости внутреннего регионального рынка, реализовать потенциал роста значительного числа существующих и новых для соответствующих регионов вспомогательных и обслуживающих отраслей (локально ориентированная диверсификация);
 - стратегия поддержки создания в депрессивных регионах новых крупных высокоэффективных предприятий на основе имеющихся в регионах конкурентных преимуществ, включая кадровый и образовательный потенциал;
 - стратегия поддержки и расширения кластерных инициатив;
 - стратегия импортозамещения;
 - стратегия государственной поддержки, включение предприятий во внутрирегиональные, межрегиональные и глобальные цепочки добавленной стоимости на основе разработки карты кооперационного взаимодействия предприятий региона с учетом потребностей внутреннего и внешних рынков.
- Формирование регионального центра прибыли, наряду с проведением комплексного анализа предприятий КСМБ региона, предусматривает следующие мероприятия:
- анализ видов деятельности предприятий региона;
 - анализ торгового баланса региона;
 - составление перечня импортируемых товаров;

Рис. 2. Сравнение Стратегии формирования региональных центров прибыли с другими стратегиями по уменьшению межрегиональной дифференциации в регионах России

- разработку региональных карт кооперационного взаимодействия предприятий;
- поддержку существующих кластеров, совместную с мероприятиями по импортозамещению;
- поддержку формирования новых кластеров с учетом необходимости производства импортозамещающих комплектующих и продукции с учетом конкурентных преимуществ региона, его роли в цепочках формирования добавленной стоимости.

Стратегия формирования региональных центров прибыли имеет преимущества перед другими реализуемыми и рассматриваемыми направлениями по уменьшению межрегиональной дифференциации в регионах России, как показано на рисунке 2.

Предложения для федеральных органов власти (Министерства экономического развития РФ, Министерства промышленности и торговли РФ и др.) включают в себя следующие направления.

1. Разработать методы и инструменты государственного регулирования деятельности комплекса предприятий КСМБ в депрессивных регионах, которые будут способствовать повышению их стратегической устойчивости. Наряду с поддержкой малого бизнеса, мерами по повышению производительности

труда необходимо внедрять подходы к регулированию деятельности взаимосвязанного комплекса предприятий, повышению плотности экономической деятельности в депрессивных регионах.

2. Для повышения устойчивости региональных комплексов предприятий КСМБ целесообразно применять систему рейтингования регионов, которая показала эффективность и результативность для использования в государственном управлении. Предложенная система показателей для анализа деятельности предприятий российских регионов может стать основой разработки интегрального индексного показателя стратегической устойчивости комплекса предприятий КСМБ в регионах РФ, а также составления ежегодного рейтинга регионов по стратегической устойчивости предприятий, выявлению сильных и слабых сторон регионов в развитии КСМБ.
3. На основе проведенного кластерного анализа деятельности предприятий в регионах может быть разработана типология регионов по развитию комплекса предприятий КСМБ, выработаны направления совершенствования пропорций по развитию крупных, средних и малых предприятий в депрессивных регионах, проведена корректировка регио-

нальной политики по поддержке депрессивных регионов.

4. С учетом итогов проведенного исследования необходимо доработать Методические рекомендации по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации, принятых приказом Минэкономразвития России от 23 марта 2017 г. № 132, а также методические рекомендации для муниципальных образований. В этих документах не уделено внимание методике анализа развития предприятий региона, увязке стратегических направлений развития приоритетных видов деятельности с деятельностью комплекса предприятий.

5. Приступить к формированию регионального Стандарта стратегического управления, в который должны быть включены требования по стратегическому управлению комплексом предприятий КСМБ региона.

Для региональных органов власти предлагается также ряд направлений по совершенствованию управления устойчивостью комплекса предприятий КСМБ.

1. Результаты исследования стратегической устойчивости предприятий КСМБ могут быть использованы регионами, особенно отстающими по уровню социально-экономического развития, для корректировки приоритетных направлений стратегий социально-экономического развития, а также в целях разработки функциональной стратегии по повышению качества предпринимательской экосистемы региона. Реализация догоняющих стратегий (индустриальные парки, территории опережающего социально-экономического развития, свободные экономические зоны, институты развития и др.) в депрессивных регионах не обеспечивает такую же эффективность и результативность, как в регионах с более высоким уровнем социально-экономического развития, начавших применять их ранее. Результат даст только использование опережающих стратегий посредством формирования от этого дополнительных конкурентных преимуществ. Путем использования опережающих стратегий шли все страны мира, сделавшие рывок в развитии в разные периоды, опыт которых сегодня изучается (Германия, Япония, Республика Корея, Малайзия и др.). Опережающие стратегии применяли развитые страны мира для подъема экономики депрессивных регионов, пострадавших во время экономического кризиса (например, программы развития регионов «Аппалачи» и долины реки Теннесси [5; 6; 7]).

2. Основные выводы исследования по уровню развития комплекса предприятий КСМБ

субъектов РФ могут быть использованы для совершенствования (в том числе диверсификации) отраслевой структуры экономики на базе имеющихся у регионов конкурентных преимуществ, совершенствования политики регионов по стимулированию взаимодействия КСМБ.

3. Разработанная система показателей для оценки стратегической устойчивости предприятий КСМБ региона на мезоуровне и микроуровне может применяться как составляющая цифровой платформы информационной системы стратегического управления региона (в части управления комплексом предприятий) на основе использования технологии больших данных (Big data).
4. Регионам необходимо совершенствовать систему стратегического управления и стратегические процессы за счет усиления внимания к анализу деятельности предприятий: проводить стратегический анализ комплекса предприятий КСМБ при разработке региональной и муниципальных стратегий, определении приоритетов в региональной и муниципальных стратегиях, при проведении мониторинга за реализацией стратегии, при осуществлении контроля за достижением целевых показателей стратегий, при корректировке стратегий.
5. Предложенная методика оценки стратегической устойчивости КСМБ региона может быть адаптирована для ее реализации в муниципальных образованиях в целях повышения стратегической устойчивости муниципальных предпринимательских комплексов предприятий.
6. Переход к «устойчивому управлению» комплексом предприятий КСМБ, которое предполагает последовательное результативное управление, с реализуемыми четко выделенными стратегическими целями; преобладание управления, учет рисков, большое внимание достижению целевых показателей стратегий, реализации мероприятий, использование инструментов управления нового поколения (бережливое управление, стратегические карты, бенчмаркинг, проектное управление, реинжиниринг и др.).

Выводы и рекомендации

Исследование развития комплекса предприятий крупного, среднего и малого и бизнеса в регионах России на основе использования системы статистических показателей позволило оценить уровень развития как комплекса предприятий региона в целом на мезоуровне, так и отдельных предприятий, в том числе предприятий крупного бизнеса, действующих

на территории региона, и выявить особенности развития комплекса предприятий депрессивных регионов. Комплекс предприятий крупного, среднего и малого бизнеса депрессивных регионов характеризуется низкими и крайне низкими параметрами устойчивости, что влияет на экономическое и социальное развитие регионов. Многие ключевые показатели социально-экономического развития депрессивных регионов в течение последних 30 лет имеют значения ниже 50 % от среднего уровня по России.

Регионы с низким уровнем социально-экономического развития отличаются значительно большей долей микропредприятий и меньшей долей предприятий крупного бизнеса, чем в среднем по России. Имеют более низкую инновационную активность предприятий, менее благоприятные процессы по демографии предприятий, более низкие показатели по доле и темпам роста налогов на прибыль предприятий в общей сумме налогов региона и т. д. Комплекс предприятий регионов с низким уровнем социально-экономического развития нельзя назвать стратегически устойчивым, поскольку анализ взаимосвязи развития предприятий крупного, среднего и малого бизнеса в регионах России позволил выявить значимую зависимость уровня экономического развития субъектов РФ от структуры бизнеса.

В процессе кластерного анализа регионов России по уровню развития предприятий выделены пять кластеров: регионы с высоким и средним уровнем социально-экономического развития вошли в первые три кластера. Регионы с низким уровнем социально-экономического развития, в том числе депрессивные, с душевым доходом ВРП ниже 50 % от среднероссийского уровня, составили четвертый и пятый кластеры с низкими и очень низкими показателями развития комплекса предприятий. Результаты кластерного анализа позволили выявить параметры оценки

стратегической устойчивости предприятий, в соответствии с которой регионы по каждому показателю развития предприятий крупного, среднего и малого бизнеса могут быть отнесены к группе с высокой, средней или низкой устойчивостью.

Совершенствование управления развитием депрессивных регионов должно быть направлено на продвижение инструментов государственной поддержки, стимулирующих развитие комплекса предприятий регионов, обеспечивая взаимосвязанное прогрессивное функционирование предприятий крупного, среднего и малого бизнеса. Необходимо встраивание управления устойчивостью комплекса предприятий региона в систему стратегического управления на федеральном и региональном уровнях. Целесообразно, на наш взгляд, совершенствовать стратегическое управление развитием комплекса предприятий регионов как на федеральном, так и на региональном уровнях, посредством включения в методические указания по разработке региональных стратегий системы показателей и целевых параметров по развитию крупного, среднего и малого бизнеса.

Наряду с реализацией национальных проектов по развитию малого бизнеса, повышению производительности труда, поддержке инноваций и институтов развития для депрессивных регионов должны быть разработаны проекты по развитию крупного бизнеса и его интеграции со средним и малым бизнесом на основе развития импортозамещения, формирования региональных карт кооперационного взаимодействия. Новый подход к развитию депрессивных регионов на базе формирования региональных центров прибыли будет способствовать созданию устойчивости комплекса предприятий депрессивных регионов, повысит их вклад в социально-экономическое развитие регионов и позволит рациональнее применять средства национальных проектов.

Литература

1. База данных «СПАРК» агентства «Интерфакс» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sparkinterfax.ru> (дата обращения: 10.08.2019).
2. Крупнейшие компании России: кто создает экономику страны. «RAEX-600» [Электронный ресурс]. URL: https://raex-a.ru/update_files/1247_1_1000023197.pdf (дата обращения: 10.08.2019).
3. Заздравных Е. А. Теоретический анализ взаимосвязи предпочтений предпринимателей к инновационной активности // Журнал экономической теории. 2017. № 2. С. 122–131.
4. Small and Medium-Sized Enterprises in European Regions and Cities // ESPON. European Union. 2018. URL: https://www.espon.eu/sites/default/files/attachments/SME_final-report_MainReport_20.pdf (дата обращения: 11.08.2019).
5. Батманова В. В. Направления использования в регионах России американского опыта реализации комплексных программ регионального развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2014. № 3 (26). С. 93–103.
6. Батманова В. В. Региональная комиссия гор Аппалачей как один из примеров мирового опыта реализации мегапроектов // Региональная экономика. Юг России. 2014. № 3 (5). С. 5–9.

7. Митрофанова И. В., Жуков А. Н., Батманова В. В., Митрофанова И. А. Мегапроекты развития территорий: опыт Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 31 (268). С. 28–40.

References

1. Database “SPARK” of “Interfax” Agency. URL: <https://www.sparkinterfax.ru> (accessed on 10.08.2019). (In Russ.).
2. The largest companies in Russia: Who creates the country’s economy. RAEX-600. Moscow: RAEX Rating Agency; 2018. 83 p. URL: https://raex-a.ru/update_files/1247_1_1000023197.pdf (accessed on 10.08.2019). (In Russ.).
3. Zazdravnykh E. A. Theoretical analysis of the relationship of preferences of entrepreneurs to innovation activity. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Russian Journal of the Economic Theory*. 2017;(2):122-131. (In Russ.).
4. Small and medium-sized enterprises in European regions and cities. ESPON. European Union. 2018. URL: https://www.espon.eu/sites/default/files/attachments/SME_final-report_MainReport_20.pdf (accessed on 11.08.2019).
5. Batmanova V. V. Areas of use in the regions of Russia of the American experience in implementing comprehensive regional development programs. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya = Science Journal of VolSU. Global Economic System*. 2014;(3):93-103. (In Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu3.2014.3.10.
6. Batmanova V. V. The regional commission of the Appalachian Mountains as one example of world experience in implementing megaprojects. *Regional’naya ekonomika. Yug Rossii = Regional Economy. The South of Russia*. 2014;(3):5-9. (In Russ.).
7. Mitrofanova I. V., Zhukov A. N., Batmanova V. V., Mitrofanova I. A. Megaprojects of territory development: Experience of the United States of America and the Russian Federation. *Natsional’nye interesy: priority i bezopasnost’ = National Interests: Priorities and Security*. 2014;10(31):28-40. (In Russ.).

Цифровизация и модернизация государственной политики в сфере регулирования занятости

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-10-87-94

УДК 004:331.5

Плотников Владимир Александрович

профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета¹,
профессор Юго-Западного государственного университета², доктор экономических наук, профессор,
e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

¹ 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21

² 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

Исследование направлено на выявление каналов влияния процессов цифровой трансформации на систему социально-экономических отношений, в частности отношений, связанных с занятостью населения, а также на обоснование вызываемых цифровизацией трансформаций в системе государственного регулирования.

Цель. Разработать предложения по совершенствованию государственной экономической политики в области регулирования занятости с учетом современных и перспективных вызовов цифровизации и опыта развитых (в информационно-технологическом аспекте) стран.

Задачи. Дать краткую характеристику современной информационно-технологической революции, проявляющейся в форме широкомасштабной цифровизации социально-экономических отношений; оценить темпы, направленность и проблемы развития цифрового сектора экономики в России в сравнении с другими странами мира; выявить масштабы и каналы воздействия цифровизации на благосостояние и занятость населения; предложить направления совершенствования государственной экономической политики в области регулирования занятости, учитывающие российские особенности.

Методология. При проведении исследования использованы методы институционального, структурного, статистического анализа в отношении процессов цифровых трансформаций и в ходе изучения изменений в социально-экономической системе, структуре занятости населения. Проблемы влияния цифровых трансформаций на социально-экономические отношения исследованы с применением системного подхода, а также методологии компаративного анализа и бенчмаркинга — при сравнительном анализе ситуации в России и других странах мира.

Результаты. Цифровизация, по мнению автора, является новым трендом, определяющим направление социально-экономического развития в среднесрочной перспективе. Россия по уровню цифровизации существенно отстает от развитых и многих развивающихся стран, что вызывает риски устойчивости национальной экономики и обеспечения национальной экономической безопасности. Вместе с тем имеющееся отставание позволяет нам критически изучать зарубежный опыт широкомасштабной цифровизации, в частности в аспекте ее влияния на рынок труда, занятость и социальную структуру, чтобы формировать эффективную государственную политику регулирования цифровой трансформации экономики и общества. В статье предложено несколько направлений, ориентированных на своевременное выявление и нейтрализацию эффектов потенциального негативного воздействия цифровизации на российскую социально-экономическую систему.

Выводы. Совершенствование государственной экономической политики в области регулирования занятости и смежных областях с учетом современных и перспективных вызовов цифровизации и опыта развитых (в информационно-технологическом аспекте) стран целесообразно проводить по ряду направлений: при разработке и обновлении образовательных стандартов учитывать перспективные требования рынка труда к «специалистам будущего» (креативность, гуманистическую направленность мышления и действий, лидерские качества, психологическую устойчивость, когнитивную гибкость и др.), большее внимание уделять развитию системы непрерывного образования. Кроме того, необходимо усилить государственную поддержку samozанятости и индивидуального предпринимательства как организационно-правовых форм замещения наемного труда в цифровой экономике, в том числе с учетом «вынужденного» (в некоторых случаях) характера этого предпринимательства, что требует его государственной поддержки не только с экономических, но и с социальных позиций. Важна роль конвергенции государственной политики в сферах социальной защиты и социального обеспечения с предпринимательской политикой; предотвращения цифрового неравенства и недопущения его «срастания» с традиционным имущественным неравенством и неравенством по доходам.

Ключевые слова: цифровой сектор экономики, информационно-коммуникационные технологии, социально-экономическое развитие, государственная экономическая политика, рынок труда, регулирование занятости, социальная защита населения.

Для цитирования: Плотников В. А. Цифровизация и модернизация государственной политики в сфере регулирования занятости // Экономика и управление. 2019. № 11 (169). С. 87–94. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-87-94

Digitalization and Modernization of the National Employment Policy

Vladimir A. Plotnikov

St. Petersburg State University of Economics

Sadovaya St. 21, St. Petersburg, Russian Federation, 191023

The Southwest State University

50 let Oktyabrya St. 94, Kursk, Russian Federation, 305040, e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

The presented study identifies the channels through which digital transformation affects the system of socio-economic relations, particularly relations associated with employment, and substantiates the transformations in the system of government regulation caused by digitalization.

Aim. The study aims to develop proposals to improve the national economic policy in the field of employment regulation with allowance for the current and future challenges of digitalization and the experience of developed (in terms of information technology) countries.

Tasks. The authors provide a brief description of the modern revolution in information technology manifested in the form of large-scale digitalization of socio-economic relations; assess the speed, focus, and problems of development of the digital sector of economy in Russia in comparison with other countries; determine the scale and channels through which digitalization affects the well-being and employment of the population; propose directions for improving the national economic policy in the field of employment regulation with allowance for Russian peculiarities.

Methods. This study uses the methods of institutional, structural, and statistical analysis with regard to digital transformation processes and in the context of the examination of changes in the socio-economic system and employment structure. The problems of the impact of digital transformations on socio-economic relations are examined using a systems approach and the methodology of comparative analysis and benchmarking — in a comparative analysis of the situation in Russia and other countries.

Results. The authors believe digitalization to be a new trend that determines the direction of socio-economic development in the medium term. In terms of the level of digitalization, Russia is significantly lagging behind developed and many developing countries, which impairs the sustainability of the national economy and national economic security. At the same time, the existing lag allows us to critically study the foreign experience of large-scale digitalization, particularly in terms of its impact on the labor market, employment, and social structure, to form an efficient national policy for regulating the digital transformation of the economy and society. The study proposes several directions aimed at early recognition and neutralization of the potential negative effects of digitalization on the Russian socio-economic system.

Conclusions. It is advisable to improve the national economic policy in the field of employment regulation and related fields with allowance for the current and future challenges of digitalization and the experience of developed (in terms of information technology) countries with a focus on certain areas, such as taking into consideration the prospective requirements of the labor market for “future specialists” (creativity, humanistic orientation of thinking and actions, leadership skills, psychological stability, cognitive flexibility, etc.) when developing and updating educational standards, and paying more attention to the development of continuous education. It is also necessary to strengthen government support for self-employment and individual entrepreneurship as legal forms serving as substitutions for hired labor in the digital economy, taking into account the “forced” (in some cases) nature of such entrepreneurship, which calls for government support in both economic and social terms. Convergence of the national policy in the field of social protection and social security with business policy plays an important role, as does the prevention of digital inequality and its “fusion” with traditional property and income inequality.

Keywords: digital sector of economy, information and communication technology, socio-economic development, national economic policy, labor market, employment regulation, social protection.

For citation: Plotnikov V. A. Digitalization and Modernization of the National Employment Policy. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(11):87–94 (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-87-94

Современный мир стоит на пороге технологической революции [1]. Возможно, «порог» давно пройден, но вследствие того, что Л. Гумилев называл эффектом «аберрации близости», мы этого пока не замечаем, наблюдая процесс технологической трансформации экономики и общества как бы изнутри, что создает препятствия для надежной фиксации и объективной оценки происходящих изменений. По мнению многих авторитетных специалистов,

в ближайшем будущем можно ожидать в экономиках ведущих стран мира смену технологического уклада, ядро которого, как предполагается, составит кластер NBICS-технологий (nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science) [2]. При этом, как справедливо указывает С. Д. Бодрунов, с мнением которого мы солидарны, ядром этого кластера, по-видимому, станут информационные (цифровые) технологии [3, с. 117].

Неслучайно он пишет: «Выйти на передний край технологической гонки можно только в том случае, если мы будем использовать инфоцифровые технологии как интегрирующий инструмент для NBICS-конвергенции» [3, с. 118].

Таким образом, развитие цифрового сектора экономики (следует с осторожностью относиться к получившему широкое распространение термину «цифровая экономика», учитывая, что аргументация данной позиции приведена в одной из более ранних авторских публикаций [4], поэтому в статье будем использовать его редко) — одна из первостепенных задач управления и регулирования экономических процессов в современной России. Ввиду значимости цифровизации на высшем уровне государственного управления инициирована специальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р), которая в дальнейшем, после президентских выборов 2018 г., трансформирована в соответствующий национальный проект (паспорт проекта утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г.).

Анализ доступных количественных данных показывает, что по уровню цифровизации социально-экономической сферы наше государство отстает от развитых стран мира. Как справедливо пишет Б. Титов, «вклад цифрового сектора ... в экономику России сравнительно невелик в сравнении с экономиками развитых стран. Так, в 2017 г. его доля в экономике составила 3 % ВВП. В то же время в большинстве развитых стран размер цифрового сектора в среднем составляет 6–7 % ВВП. Во Франции — 5,7 %, в Германии — 6,3 %, в Великобритании — 7,1 %, в США — 7,4 %, Швеции — 8,6 %. В абсолютном выражении цифровой сектор России также относительно невелик — в 2017 г. его размер составил 2,5 трлн руб. (по ППС 103 млрд долл.)» [5, с. 2].

Статистические исследования Высшей школы экономики дают для 2017 г. (более актуальных статистических данных на момент подготовки статьи не было) близкие оценки: вклад сектора информационно-коммуникационных технологий в ВВП — 2,7 % или 2,211 трлн руб. [6, с. 14]. Качественное оценивание позиций России по Глобальному инновационному индексу (во многом определяемому показателями цифровизации) размещает страну на 46 позиции, расчетное значение интегрального Индекса цифровизации бизнеса — 28 (для лидера рейтинга — Финляндии — значение составляет 50) [6, с. 10–13]. Близкими являются оценки готовности российских компа-

ний к цифровой экономике, представленные в исследовании Индекса цифровизации бизнеса Банка «Открытие» [7]. Для расчета этого индекса использованы сведения, полученные из материалов опроса представителей малого и среднего бизнеса, проведенного в феврале 2019 г. ($N = 654$). Для России в целом значение индекса составило 34, для Москвы — 42, при максимально возможном численном значении этого показателя, равном 100.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что цифровизация экономических и социальных процессов — важное направление их развития и совершенствования, один из перспективных мировых технологических трендов, во многом определяющих возможное технологическое лидерство в ближайшем будущем. По показателям цифрового развития, наша страна в мире занимает неплохие позиции, но существенно отстает от ряда развитых и динамично прогрессирующих стран (Китая, Малайзии и др.). Поэтому закономерно, что различным аспектам цифровой трансформации социально-экономической системы России уделяется значительное внимание отечественными исследователями [8–13].

На наш взгляд, интерес к этой проблематике в отечественной науке растет. Например, в ходе поиска по библиографической базе данных Scopus, проведенного нами по условию наличия словосочетания *digital economy* в названии публикации, ее ключевых словах или аннотации, выявлено 2 348 проиндексированных научных работ, опубликованных в 2017–2018 гг., из которых на долю отечественных исследователей приходится 349 публикаций (почти 15 %). Авторы из России в международном рейтинге публикационной активности по указанному условию занимают второе место в мире, практически сравнявшись с лидером — США (357 публикаций) и намного опередив Великобританию (212 публикаций), замыкающую тройку. Из приведенных данных следует, что в рассматриваемой предметной области развитие отечественных теоретических разработок опережает практические достижения, что требует большего внимания к прикладным аспектам цифровизации.

Одним из важных прикладных аспектов такого рода является оценка влияния цифровизации на организацию хозяйственной деятельности, в частности на производство. Безусловно, любое технологическое развитие, цифровые технологии в этом смысле не отличаются особенностями, оно направлено на повышение производительности труда, что при имеющихся спросовых и ресурсных ограничениях приводит к замещению человеческого труда машинными (механизированными, автоматизированными, роботизированными,

иными) операциями. В упомянутой выше монографии «Ноономика» С. Д. Бодрунова ее автор утверждает, что это должно привести в отдаленном будущем к полному вытеснению человека из производства, замене труда сугубо техническими процессами, что будет означать исчезновение экономики в ее традиционном понимании.

Но это — вопрос отдаленного будущего. В современных условиях появляются обоснованные опасения относительно возможного негативного влияния цифровизации на рынок труда, которое будет проявляться в форме сокращения занятости из-за «вытеснения людей роботами». Например, по оценкам Брукингского института, в ближайшие десятилетия в США в отношении около 36 млн рабочих мест формируется риск их высокой степени автоматизации, а еще 52 млн — средней степени, что может привести к массовому высвобождению работников [14]. Аналогичные процессы начинают наблюдаться и в России. Например, по мнению руководителя российского Сбербанка, внедрение элементов искусственного интеллекта в его деятельность «привело к огромному сокращению на различных уровнях численности работников, которые занимались простыми решениями ... на среднем уровне [имеется в виду средний уровень менеджмента — прим. А. В. Плотнокова] ... сократили примерно 70 % менеджеров» [15].

Внедрение робототехники, по имеющимся оценкам, обладает высокой экономической эффективностью: «Автономные промышленные роботы ... уже стали экономически выгодной альтернативой человеческому труду в расширяющемся спектре отраслей. По оценке международной компании McKinsey Global Institute (MGI), экономия операционных расходов ... может составлять от 15 % до 90 % в зависимости от отрасли» [16, с. 15]. Одновременно с этим «уровень проникновения роботов, иных автоматизированных и автоматических производственных систем, функционирование которых построено на современных цифровых технологиях, в России пока весьма и весьма невелик» [16, с. 25]. Так, количество роботов на 10 тыс. занятых в промышленности на конец 2017 г. в России составляло четыре единицы, а у мировых лидеров этот показатель гораздо выше: например, у Республики Корея — 710, Сингапура — 658, Германии — 322, Японии — 308, Швеции — 240.

В связи с этим говорить о существенности влияния цифровых технологий на рынок труда и занятость в России можно в настоящее время лишь в ключе академических рассуждений. Но, с одной стороны, ситуация в рассматриваемой сфере развивается динамично и при условии целенаправленных усилий мо-

жет быть изменена в среднесрочной перспективе. С другой стороны, имеющееся у России отставание позволяет лучше учесть зарубежный опыт и выстроить более эффективную систему регулирования, ориентированную на недопущение негативных последствий цифровизации экономики. Кроме того, нельзя не учитывать, что, по оценкам Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), от внедрения в производство новых технологий сильнее всего пострадают именно развивающиеся страны, в которых может быть сокращено до двух третей занятых, выполняющих преимущественно низкоквалифицированные трудовые операции [17].

По данным исследования, выполненного McKinsey [18], 81 % времени физического труда, 69 % времени, затрачиваемого на обработку, 64 % — на сбор данных могут быть автоматизированы. В частности, исследователи пишут о том, что «например, в США такая работа (сбор и обработка данных, а также физический труд) составляет 51 % общего рабочего времени и обходится работодателям в 2,7 триллиона долларов. Она преобладает в производстве, гостиничной сфере, общепите, розничной торговле и ряде прочих сфер, требующих средне-специального образования» [18]. В России потенциал автоматизации трудовых операций оценивается в величину около 50 % и затрагивает 35,4 млн занятых. Вместе с тем решение креативных производственных задач с трудом поддается автоматизации и роботизации при современном уровне развития технологий. Это касается планирования, организации взаимодействия с клиентами, принятия нестандартных решений, развития систем и реинжиниринга процессов и т. д. Помимо этого, необходимо учитывать, что цифровизация требует существенных трудовых затрат. Новые технологии, а также реализующие их устройства и системы нуждаются в разработке, производстве, внедрении, развитии и поддержке в ходе эксплуатации. Для этого требуется значительное число высококвалифицированных специалистов.

Так, развитие интернет-технологий во Франции в течение 15 лет наблюдений привело к ликвидации 0,5 млн рабочих мест, при этом создано около 1,2 млн новых рабочих мест, т. е. коэффициент трансформации «старой» занятости в «новую» составил 2,4 [18]. Как указывает Р. И. Капелюшников, «связь между динамикой производительности труда и динамикой спроса на рабочую силу предстает как чрезвычайно сложная и не однонаправленная. Благодаря косвенным макроэкономическим эффектам она вполне может оказываться не отрицательной, а положительной. Иными словами, и в теории, и на

практике вполне представима ситуация, когда внедрение новых технологий будет не уменьшать, а увеличивать число рабочих мест» [19]. При этом, очевидно, количественное увеличение числа рабочих мест будет сопровождаться изменением их структуры.

С учетом инерционности, присущей системе образования (в части подготовки кадров с высшим образованием, что занимает несколько лет), сегодня в России следует при разработке и обновлении образовательных стандартов учитывать перспективные требования рынка труда к «специалистам будущего». Креативность, гуманистическая направленность мышления и действий, лидерские качества, психологическая устойчивость, когнитивная гибкость, разносторонняя образованность и эрудированность, «эмоциональный интеллект» и тому подобные качества должны быть, по мнению автора, ориентиром эффективной системы образования. Неприемлемой или спорной с позиций качества подготовки является активно пропагандируемая рядом российских чиновников и руководителей образовательных организаций модель перевода обучения студентов в онлайн-режим [20]. В таком режиме можно эффективно формировать некоторые технические по своей сути навыки, добиваться запоминания определенных объемов стандартного теоретического материала, но нельзя осуществить формирование качеств, востребованных в цифровой экономике будущего.

Кроме того, следует большее внимание уделять развитию системы непрерывного образования, в том числе ее государственной поддержке, функционирование которой позволяет осуществлять гибкую подстройку качественных характеристик работников под рыночные запросы [21; 22]. Нельзя не учитывать тот факт, что в новых условиях изменяется и природа занятости. Цифровизация экономики приводит к радикальному снижению транзакционных издержек и формирует тенденцию уменьшения оптимального размера фирмы, что способствует атомизации субъектного состава экономики. Феномен самозанятости получает все большее распространение, что привело к усилиям по его легитимизации в России. Подтверждением данного тезиса служит Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)». По своей экономической природе самозанятость представляет собой особую форму индивидуального предпринимательства, которое в условиях цифровизации получает дополнительные стимулы к развитию. Нельзя не со-

гласиться с мнением А. Зоргнер о том, что в современных условиях «наблюдается фундаментальный сдвиг от управляемой экономики к предпринимательской» [23, с. 39].

Развитие и стимулирование предпринимательской активности в России — одна из важных национальных задач, актуальность которой обусловлена низким уровнем предпринимательской активности в стране. Как следует из результатов Глобального мониторинга предпринимательства, «в обеспечении занятости предпринимательские фирмы в России играют значительно меньшую роль, чем в странах со схожим уровнем ВВП на душу населения ... анализ мотивации позволяет выявить негативный факт, характеризующий российское предпринимательство: наблюдается низкая доля предпринимателей, мотивированных желанием независимости в работе и возможностью самореализации в сравнении с общемировой картиной ... российские предприниматели в меньшей степени ориентированы на рост... Россияне также демонстрируют крайне низкую уверенность в наличии у них необходимых знаний и навыков для создания и управления компанией, и по этому показателю зафиксирована существенно более низкая оценка... Описание профиля России позволяет говорить о незначительной роли предпринимательского сектора в экономическом развитии страны» [24, с. 52–53]. Надежды решить задачу стимулирования предпринимательства и самозанятости исключительно за счет автоматических рыночных регуляторов, очевидно, утопичны.

Требуется активизация государственной политики в этой сфере, и речь идет не только о российской особенности. В изученной нами работе А. Зоргнер, где анализируется ситуация в Германии, отмечается: «Учитывая наблюдаемый в настоящее время рост деловой активности, в особенности численности индивидуальных предпринимателей, возникают сомнения в качестве их инициатив. Так, переход к самозанятости может стать вынужденной мерой перед лицом угрозы роботизации» [23, с. 48]. Подобное наблюдается и в России, где в условиях самозанятости и инициации предпринимательских проектов при наступлении структурных сдвигов на рынке труда, обусловленных цифровизацией, следует ожидать расширение практики «вынужденного предпринимательства», обладающего незначительным потенциалом жизнеспособности. Это вынужденное предпринимательство нуждается в более внимательном отношении и государственной поддержке не только с экономических, но и с социальных позиций.

Ввиду выявленной особенности, по нашему мнению (мы солидарны с позицией С. Д. Бо-

друнова, высказанной им в монографии «Ноономика»; ее автор утверждает, что человечество выберет сценарий развития, по которому технологическая революция приведет к гуманизации экономического роста), следует ожидать конвергенции государственной политики в сферах социальной защиты и социального обеспечения с предпринимательской политикой.

С одной стороны, цифровизация производства будет способствовать и в дальнейшем дифференциации доходов занятого населения. Так, К. Е. Болат, Н. А. Новокшанова пишут: «Риск состоит в том, что автоматизация может усугубить поляризацию заработной платы, неравенство доходов и отсутствие прогресса в доходах, которое характеризовало прошлое десятилетие в развитых странах, вызывая социальную и политическую напряженность» [25, с. 45]. С другой стороны, эта дифференциация способна породить (и уже формирует) новую форму неравенства — «цифровое неравенство», которое носит комплексный характер и затрагивает не только материальную, но также культурную, образовательную, социальную, иные составляющие. Возможно и появление новых эффектов в области трансформации социальной структуры, обусловленных цифровизацией. Так, например, эксперты МВФ обращают внимание на гендерный аспект внедрения цифровых технологий в экономике. Согласно их расчетам, «в среднем вероятность замены на работа среди женщин составила 40 %, среди мужчин — 38 % и эта разница статистически значима... Риск от 70 % и выше — у 11 % женщин и 9 % мужчин» [26].

Таким образом, как указано в отчете ОЭСР, «без немедленных политических действий различия между работниками могут возрасти, и социальные разногласия могут углубиться между теми, кто получает выгоду, и теми, кто проигрывает от продолжающихся изменений в сфере труда» [27].

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что цифровизация является сравнительно новым трендом, определяющим направления социально-экономического развития в среднесрочной перспективе, в том числе обусловленные сменой технологического уклада. По уровню ее развития, особенно по внедрению в производство цифровых технологий, Россия существенно отстает от развитых и многих развивающихся стран, что вызывает риски устойчивости национальной экономики и обеспечения национальной экономической безопасности. Вместе с тем высокая динамичность процессов цифровизации вкупе с активной государственной политикой в этой сфере могут изменить ситуацию. Имеющееся отставание позволяет нам критически изучать зарубежный опыт широкомасштабной цифровизации, в частности, в аспекте ее влияния на рынок труда, занятость и социальную структуру, чтобы формировать эффективную государственную политику регулирования цифровой трансформации экономики и общества. В статье предложено несколько соответствующих направлений, ориентированных на своевременное выявление и нейтрализацию эффектов потенциального негативного влияния цифровизации на отечественную социально-экономическую систему.

Литература

1. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
2. *Converging Technologies for Improving Human Performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science* / ed. by M. C. Roco, W. S. Bainbridge. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003. 482 p. URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf (дата обращения: 15.08.2019).
3. Бодрунов С. Д. Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
4. Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 16–24.
5. Титов Б. Россия: от цифровизации к цифровой экономике // Институт экономики роста им. П. А. Столыпина. 2018. 14 сент. URL: <http://stolypin.institute/institute/rossiya-ot-tsifrovizatsii-k-tsifrovoy-ekonomike/> (дата обращения: 16.08.2019).
6. Цифровая экономика: 2019: краткий стат. сборник / под общ. ред. Л. М. Гохберга, Е. Ю. Кислякова, Я. И. Кузьминова, М. А. Сабельниковой. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. 96 с.
7. Индекс цифровизации бизнеса Банка «Открытие»: готовность российских компаний к цифровой экономике // НАФИ: аналитический центр. URL: <https://nafl.ru/projects/predprinimatelstvo/indeks-peremen-gotovnost-rossiyskikh-kompaniy-k-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 16.08.2019).
8. Вертакова Ю. В., Толстых Т. О., Шкарупета Е. В., Дмитриева В. В. Трансформация управленческих систем под воздействием цифровизации экономики. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2017. 156 с.
9. Цифровая трансформация экономики и развитие кластеров: коллективная монография / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2019. 374 с.

10. Авдеева И. Л., Андиева Е. Ю., Афанасьев В. Б. [и др.]. Цифровая экономика: проблемы и последствия современных технологий. Орел: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Среднерусский институт управления, 2019. 222 с.
11. Назаров Д. М. Цифровая экономика как результат информационных революций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 5 (113). С. 12–24.
12. Петриченко О. В., Рукинов М. В. Анализ экономической безопасности страны с учетом функционирования «электронного правительства» // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 4 (38). С. 10–13.
13. Пшеничников В. В. Перспективы и риски применения электронных денег в условиях цифровизации экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 1 (109). С. 39–45.
14. Carson E. Robots Could Replace Humans in a Quarter of US Jobs by 2030 // CNET. 2019. 24 January. URL: <https://www.cnet.com/news/robots-could-replace-humans-in-a-quarter-of-us-jobs-by-2030> (дата обращения: 17.08.2019);
15. Тадтаев Г. Греф рассказал о сокращениях в Сбербанке из-за искусственного интеллекта // РБК. 2018. 10 нояб. URL: <https://www.rbc.ru/business/10/11/2018/5be6b5929a79471263626f32#>.
16. Аналитический обзор мирового рынка робототехники 2019 // Лаборатория робототехники Сбербанка. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/pdf/sberbank_robotics_review_2019_17.07.2019_m.pdf (дата обращения: 17.08.2019).
17. Robots and Industrialization in Developing Countries // UNCTAD.PRESS.PR. 2016. No. 50. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/presspb2016d6_en.pdf (дата обращения: 17.08.2019).
18. Роботизация и автоматизация: влияние на рынок труда // Awara. 2017. 21 апр. URL: <https://www.awaragroup.com/ru/blog/impact-of-robotization-on-labor-market> (дата обращения: 17.08.2019).
19. Капелюшников Р. И. Технологический прогресс — пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 111–140.
20. Онлайн-обучение может стать драйвером развития офлайн-образования. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: офиц. сайт. 2017. 10 окт. URL: <https://www.hse.ru/ba/isct/news/210593865.html> (дата обращения: 18.08.2019).
21. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Трудовые ресурсы и стимулирование экономического роста в России // Экономика и управление. 2019. № 9 (167). С. 5–12. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-5-12
22. Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития: материалы XVII Междунар. конф. / под ред. В. П. Галенко, Н. А. Лобанова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2019. 715 с.
23. Зоргнер А. Автоматизация рабочих мест: угроза для занятости или источник предпринимательских возможностей? // Форсайт. 2017. Т. 11, № 3. С. 37–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.37.48
24. Верховская О. Р., Александрова Е. А., Богатырева К. А., Джелепова М. В., Шмелева Э. В. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016/2017: национальный отчет. СПб.: Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета, 2017. 64 с.
25. Болат К. Е., Новокшанова Н. А. Влияние автоматизации на будущее рабочей силы // Наука и образование сегодня. 2018. № 7 (30). С. 42–48.
26. Ломская Т. Роботизация грозит потерей работы в первую очередь женщинам // Ведомости. 2019. 13 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/05/13/801154-robotizatsiya-poterei-raboti> (дата обращения: 18.08.2019).
27. OECD Employment Outlook 2019: The Future of Work. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9ee00155-en/1/2/2/index.html?itemId=/content/publication/9ee00155-en&_csp_=b4640e1ebac05eb1ce93dde646204a88&itemIGO=oecd&itemContentType=book (дата обращения: 18.08.2019).

References

1. Schwab K. The fourth industrial revolution. Transl. from Eng. Moscow: Eksmo; 2016. 138 p. (In Russ.).
2. Roco M. C., Bainbridge W. S., eds. Converging technologies for improving human performance: Nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers; 2003. 482 p. URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf (accessed on 15.08.2019).
3. Bodrunov S. D. Noonomics. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; 2018. 432 p. (In Russ.).
4. Plotnikov V. A. Digitalization of production: Theoretical essence and development prospects in the Russian economy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2018;(4):16-24. (In Russ.).
5. Titov B. Russia: from digitalization to the digital economy. Stolypin Growth Economy Institute. 2018. URL: <http://stolypin.institute/institute/rossiya-ot-tsifrovizatsii-k-tsifrovoy-ekonomike/> (accessed on 16.08.2019). (In Russ.).
6. Gokhberg L. M., Kislyakov E. Yu., Kuz'minov Ya. I., Sabel'nikova M. A., eds. Digital economy 2019: A brief statistical compilation. Moscow: HSE Publ.; 2019. 96 p. (In Russ.).
7. Business digitalization index. Bank "Otkrytie": Readiness of Russian companies for the digital economy. NAFI Research Centre. URL: <https://nafi.ru/projects/predprinimatelstvo/index-peremengotovnost-rossiyskikh-kompaniy-k-tsifrovoy-ekonomike> (accessed on 16.08.2019). (In Russ.).

8. Vertakova Yu. V., Tolstykh T. O., Shkarupeta E. V., Dmitrieva V. V. Transformation of management systems under the influence of digitalization of the economy. Kursk: Southwestern State University; 2017. 156 p. (In Russ.).
9. Babkin A. V., ed. Digital transformation of the economy and cluster development. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic Univ.; 2019. 374 p. (In Russ.).
10. Avdeeva I. L., Andieva E. Yu., Afanas'ev V. B. et al. Digital economy: Problems and consequences of modern technologies. Orel: RANEPa, Central Russian Institute of Management; 2019. 222 p. (In Russ.).
11. Nazarov D. M. Digital economy as a result of information revolutions. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2018;(5):12-24. (In Russ.).
12. Petrichenko O. V., Rukinov M. V. Analysis of the economic security of the country taking into account the functioning of "electronic government". *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. 2018;(4):10-13. (In Russ.).
13. Pshenichnikov V. V. Prospects and risks of using electronic money in a digitalized economy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2018;(1):39-45. (In Russ.).
14. Carson E. Robots could replace humans in a quarter of US Jobs by 2030. CNET. Jan. 24, 2019. URL: <https://www.cnet.com/news/robots-could-replace-humans-in-a-quarter-of-us-jobs-by-2030> (accessed on 17.08.2019).
15. Tadtayev G. Gref told about staff reductions in Sberbank due to artificial intelligence. RBC. Nov. 10, 2018. URL: <https://www.rbc.ru/business/10/11/2018/5be6b5929a79471263626f32> (In Russ.).
16. Analytical review of the global robotics market 2019. Sberbank Robotics Laboratory. URL: http://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/pdf/sberbank_robotics_review_2019_17.07.2019_m.pdf (accessed on 17.08.2019). (In Russ.).
17. Robots and industrialization in developing countries. UNCTAD Policy Brief. 2016;(50). URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/presspb2016d6_en.pdf (accessed on 17.08.2019).
18. Robotization and automation: Impact on the labor market. Awara. Apr. 21, 2017. URL: <https://www.awaragroup.com/ru/blog/impact-of-robotization-on-labor-market> (accessed on 17.08.2019). (In Russ.).
19. Kapelyushnikov R. I. Is technological change a devourer of jobs? *Voprosy ekonomiki*. 2017;(11):111-140. (In Russ.).
20. Online learning can be a driver for the development of offline education. NRU HSE. Oct. 10, 2017. URL: <https://www.hse.ru/ba/isct/news/210593865.html> (accessed on 18.08.2019). (In Russ.).
21. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Workforce and stimulation of economic growth in Russia. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(9):5-12. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-5-12
22. Galenko V. P., Lobanov N. A., eds. Lifelong learning: Continuing education for sustainable development. Proc. 17th Int. conf. (Sept. 26-28, 2019). St. Petersburg: SPb. State University of Economics; 2019. 715 p.
23. Zorgner A. Job automation: a threat to employment or a source of entrepreneurial opportunity? *Forsait = Foresight and STI Governance*. 2017;11(3):37-48. (In Russ.). DOI: 10.17323/2500-2597.2017.3.37.48
24. Verkhovskaya O. R., Aleksandrova E. A., Bogatyreva K. A., Dzhelepova M. V., Shmeleva E. V. Global enterprise monitoring. Russia 2016/2017: National report. St. Petersburg: Graduate School of Management, St. Petersburg State University; 2017. 64 p. URL: http://smb.gov.ru/files/images/gem_russia_2016-2017.pdf (In Russ.).
25. Bolat K. E., Novokshanova N. A. The impact of automation on the future of the workforce. *Nauka i obrazovanie segodnya = Science and Education Today*. 2018;(7):42-48. (In Russ.).
26. Lomskaya T. Robotization threatens job loss primarily to women. Vedomosti. May 13, 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/05/13/801154-robotizatsiya-poterei-raboti> (accessed on 18.08.2019). (In Russ.).
27. OECD employment outlook 2019: The future of work. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/9ee00155-en/1/2/2/index.html?itemId=/content/publication/9ee00155-en&_csp_=b4640e1ebac05eb1ce93dde646204a88&itemIGO=oecd&itemContentType=book (accessed on 18.08.2019).

Торгунаков Евгений Анатольевич

профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
доктор экономических наук, профессор

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Торгунакова Елена Владимировна

доцент Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
кандидат экономических наук

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а, e-mail: elena.torgunakova@gmail.com

В условиях конкурентного, развивающегося быстрыми темпами рынка электронной коммерции большая часть затрат организаций, работающих на этом рынке, связана с логистикой и продвижением товаров. Внедрение в деятельность компаний фулфилмента, т. е. полного комплекса услуг, предоставляемых компаниям e-commerce одним универсальным логистическим оператором, способствует уменьшению затрат на доставку грузов при обеспечении безопасности грузов и высокого качества обслуживания.

Цель. Исследование и разработка методов совершенствования логистических процессов компаний, действующих на рынке электронной коммерции.

Задачи. Исследование особенностей и тенденций российского рынка e-commerce, анализ существующих методов доставки конечным потребителям товаров интернет-магазинов, обоснование необходимости применения современных методов доставки товаров.

Методология. С помощью общих методов научного познания рассмотрены логистические процессы e-commerce, сформулированы основные подходы к совершенствованию логистики интернет-магазинов.

Результаты. В статье проведен анализ статистики российского рынка электронной коммерции. Исследованы особенности рынка логистики e-commerce, методы доставки товаров. Рассмотрены виды логистических операторов, действующих на рынке электронной коммерции. Выявлены преимущества и недостатки фулфилмента – полного комплекса услуг, предоставляемых компаниям e-commerce одним универсальным логистическим оператором с момента оформления заказа покупателем и до момента получения им покупки. Выявлено, что фулфилмент для интернет-магазина включает в себя прием и хранение товаров, корреспонденции, иных видов грузов на специально оборудованном складе, надлежащую упаковку грузов для отправки клиентам, подбор оптимальной схемы доставки товара в зависимости от срочности заказа и других факторов, обоснована необходимость применения данной технологии доставки в деятельности интернет-магазина.

Выводы. Совершенствование методов доставки товаров потребителям интернет-магазинов позволяет уменьшить логистические издержки, обеспечить качественный сервис.

Ключевые слова: логистика интернет-торговли, рынок e-commerce, фулфилмент для e-commerce, доставка товаров, онлайн-заказы.

Для цитирования: Торгунаков Е. А., Торгунакова Е. В. Развитие логистики электронной коммерции // Экономика и управление. 2019. № 11 (169). С. 95–100. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-95-100

Development of E-Commerce logistics

Evgeniy A. Torgunakov

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103

Elena V. Torgunakova

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103, e-mail: elena.torgunakova@gmail.com

In the competitive, rapidly developing e-commerce market, most of the costs of organizations are associated with logistics and sales promotion. Implementation of fulfillment, i.e. the full range of services provided to e-commerce companies by a universal logistics operator, reduces the costs of goods delivery while ensuring the safety of goods and high quality of service.

Aim. The presented study aims to examine and develop methods for improving the logistics processes of companies operating in the e-commerce market.

Tasks. The authors examine the specific features and trends on the Russian e-commerce market, analyze the existing methods of delivering goods from online stores to the end consumer, and substantiate the need to apply modern methods of goods delivery.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition to examine the logistics processes of e-commerce and formulate basic approaches to improving the logistics of online stores.

Results. The statistics of the Russian e-commerce market is analyzed. The specific features of logistics in e-commerce and methods of goods delivery are determined. Different types of logistics operators acting in the e-commerce market are examined. The benefits and drawbacks of fulfillment – the full range of services provided to e-commerce companies by a universal logistics operator from the moment a customer places an order to the moment they receive the goods – are identified. It is established that fulfillment for an online store includes the acceptance and storage of goods, correspondence, and other types of cargo at a specially equipped warehouse, proper packaging of goods that are to be shipped to the consumer, and selection of an optimal delivery scheme depending on urgency and other factors. The necessity of implementing this delivery technology in the operation of an online store is substantiated.

Conclusions. Improvement of the methods of goods delivery to the consumers of online stores can reduce logistics costs while providing quality service.

Keywords: e-commerce logistics, e-commerce market, e-commerce fulfillment, goods delivery, online orders.

For citation: Torgunakov E. A., Torgunakova E. V. Development of E-Commerce Logistics. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(11):95–100 (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-95-100

В современных условиях российский и мировой рынок электронной коммерции растет быстрыми темпами. Интернет-торговля — конкурентный рынок со многими покупателями и продавцами, рынок ценовой конкуренции. Цена на товары определяется затратами в большей степени на продвижение товаров и логистику — физическое доведение товаров до конечного потребителя. Основным критерием при выборе логистического провайдера являются логистические издержки и качество обслуживания.

Логистику интернет-торговли можно определить как часть логистики, управляющую материальными, информационными и финансовыми потоками в процессе доведения товаров, приобретенных через интернет-магазин, до покупателя. Интернет-магазины, находящиеся на рынке, применяют следующие технологии [1, с. 23]:

- оптовую интернет-торговлю (B2B); при этом организация не имеет собственных товарных запасов, а выступает посредником между потребителем и поставщиком или производителем, отсылая им заказы клиентов и информацию о доставке, которые затем отправляют товар непосредственно покупателю;
- оптовую и розничную продажу товаров с собственного склада (B2C);
- реализацию товаров под заказ, т. е. на небольшом складе хранятся только товары, пользующиеся особым спросом, остальное магазин заказывает у поставщиков в соответствии со спросом потребителей.

В специальной литературе выделяют три вида рынков интернет-торговли:

- 1) рынки верхнего эшелона, являющиеся крупными или достаточно зрелыми, благодаря чему они привлекают существенные инвестиции в интернет-торговлю, или их относительно легко обслуживать вследствие существующей инфраструктуры;
 - 2) рынки «второй волны» — многие международные бренды мониторят данные рынки, но они обычно не становятся первыми площадками запуска;
 - 3) рынки выжидания — бренды также проявляют интерес к этим рынкам, но их размер, уровень инфраструктуры или политическая ситуация обуславливают решение отложить выход интернет-магазинов компаний на них.
- Отечественный рынок электронной коммерции обладает спецификой, сущность которой заключается в следующем:
- географическая гиперконцентрация ритейлеров в Москве;
 - непропорционально большая доля заказов в больших городах;
 - фрагментированная инфраструктура логистики;
 - большая доля самовывоза из магазинов и ПВЗ;
 - слабые позиции международных игроков внутри России;
 - высокая доля кросс-бордера;
 - специфичный (локальный) набор маркетинговых каналов;
 - фрагментированный рынок интернет-торговли;
 - высокие ожидания покупателей по скорости доставки;

Рейтинг регионов по онлайн-заказам [2]

№	Регион	Кол-во заказов	Сумма выкупленных товаров
1	Москва	21 670 000	37 965 100 000
2	Санкт-Петербург	3 850 000	6 384 830 000
3	Краснодарский край	2 440 000	3 615 430 000
4	Свердловская область	2 190 000	2 980 040 000
5	Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО — Югра)	1 340 000	2 367 310 000
6	Ростовская область	1 520 000	2 182 870 000
7	Нижегородская область	1 500 000	2 074 000 000
8	Иркутская область	1 560 000	2 105 000 000
9	Ямало-Ненецкий автономный округ	950 000	1 867 640 000
10	Красноярский край	1 200 000	1 658 930 000

Таблица 2

Прирост в категориях, %

Электроника	492
Бытовая техника	255
Техника для кухни	203
Товары категории beauty	99

- преобладание оплаты при получении заказа.

Некоторые компании, такие как Ozon.ru, самостоятельно управляют логистикой, имеют собственные распределительные логистические центры, обеспечивают комплектацию заказа и подготовку товара к отправке. Склады ежедневно получают и обрабатывают, комплектуют, готовят к отправке тысячи заказов. Однако собственные логистические центры доступны только очень крупным организациям интернет-бизнеса, поскольку требуют значительных инвестиций в складские здания и сооружения, технологии хранения, подъемно-транспортное оборудование, информационную логистическую систему и др. Поэтому часть технологических операций, в большинстве случаев доставка товаров конечному потребителю, передается на аутсорсинг. В крупных мегаполисах действует множество транспортных организаций, курьерских служб, в более отдаленных областях — преимущественно АО «Почта России». Существует очевидный запрос на единого логистического провайдера, который мог бы предложить весь комплекс логистических услуг интернет-магазинам.

Основным трендом 2017–2018 гг. является рост доли самовывоза потребителями товаров, приобретенных в интернет-магазине, поскольку качество услуги самовывоза сегодня повышается вследствие увеличения числа пунктов выдачи заказов и снижения стоимости услуг.

Три из пяти онлайн-заказов доставлялись в 2017 г. сторонними сервисами: 34 % — АО

«Почта России»; 28 % — собственная доставка; 21 % — сторонняя курьерская служба; 13 % — через пункты выдачи заказов; 6 % — постаматы.

В Москве преобладает курьерская доставка, в Петербурге и других крупных городах — самовывоз. За пределами мегаполисов — АО «Почта России». Онлайн-ритейлер Wildberries составил собственный рейтинг регионов, в которых чаще других заказывают онлайн. После Москвы и Санкт-Петербурга в лидерах оказался Краснодарский край. Исследование опубликовано на сайте Rusebase.ru. Рейтинг регионов по онлайн-заказам представлен в таблице 1.

В 2018 г. в тройку лидеров по сделанным заказам в интернет-магазинах вошли москвичи, сделавшие более 21 млн заказов на сумму 38 млрд руб., петербуржцы — 3,9 млн заказов на сумму 6,4 млрд руб. В Краснодарском крае количество заказов превысило 2,4 млн, а общая сумма выкупленных товаров — 3,6 млрд руб. Высокие показатели в Краснодарском крае обусловлены тем, что, во-первых, регион входит в тройку лидеров по количеству покупателей (184 тысячи) после Москвы (1,7 млн) и Санкт-Петербурга (400 тысяч), по данным компании Wildberries. Во-вторых, в Краснодарском крае развита собственная сеть пунктов выдачи заказов Click & Fit Wildberries, расположен один из распределительных центров Wildberries, что позволяет доставлять заказы в кратчайшие сроки.

На четвертом месте — Свердловская область с 2,2 млн заказов на общую сумму почти

3 млрд руб. В пятерку лидеров и входит Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО — Югра), где количество заказов превысило 1,3 млн, а в прошлом году оборот в регионе составил 2,4 млрд руб.

Средний чек в Москве равен 5,5 тысячам руб., в Санкт-Петербурге — 5,3 тысячи руб. В Центральной России сумма заказа в 2018 г. в среднем составляла около четырех тысяч рублей, на востоке — более пяти тысяч рублей. В таблице 2 показан прирост продаж в сфере электронной коммерции по разным товарным категориям.

Ежедневно в интернет-магазине Wildberries оформляется свыше 400 тысяч заказов. В компании Morgan Stanley оценивают долю Wildberries от всего внутрироссийского рынка e-commerce (GMV) в 7 % [3]. В соответствии с прогнозом банка Morgan Stanley [3], за пять лет, к концу 2023 г., российский рынок электронной коммерции вырастет более чем в два с половиной раза — до 3,491 трлн руб. с 1,292 трлн руб. в 2018 г. По итогам 2017 г. Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ) оценивала объем рынка интернет-коммерции в 1,04 трлн руб.

По мнению Morgan Stanley [3], лидерами российского рынка в первую очередь станут совместные предприятия, созданные с участием крупнейших отечественных интернет-компаний — «Яндекса» и Mail.Ru Group. Четыре топовых онлайн-ритейлера занимают в 2018 г. лишь 27 % рынка, тогда как в США — 63 % рынка, в Китае — 84 %. Причиной этого является недостаточный уровень инвестиций.

В России объем электронной коммерции растет не за счет роста числа повторных покупок, а за счет увеличения числа онлайн-покупателей. По данным доклада агентства Wolfgang Digital, основанным на анализе более 250 млн сессий на сайтах в Google Analytics, выручка с мобильных устройств во всем мире возросла на 23 %. В настоящее время она составляет 32 % дохода и 53 % трафика. Однако крупные покупки пользователи по-прежнему совершают с десктопа или планшета.

В нашей стране, согласно информации исследовательской компании Data Insight, мобильный трафик в поиске достиг 55 % всего трафика, продажи — только 30 %. По словам представителей интернет-сервиса «Яндекс.Маркет», покупки только в мобильных приложениях совершают 19 % пользователей (для сравнения: в 2016 г. их было всего 6 %). Сегодня на отечественном рынке работают несколько небольших логистических компаний, предлагающих специализированный сервис для интернет-магазинов, но их сравнение

с зарубежными аналогами будет, очевидно, не в пользу первых [1, с. 24].

Однако встречаются и исключения из этого правила. Так, логистическая компания «Молком» стала провайдером новой федеральной розничной непродуктовой сети Enter. Все процессы в области складской логистики нового проекта обслуживаются силами «Молком».

Особенность проекта состоит в сложной организации эффективной логистической цепочки (от хранения и обработки товара до его доставки конечному покупателю) в условиях огромной номенклатуры. Каждая категория товаров имеет свои требования к условиям хранения и перевозке. Наличие необходимых ресурсов, опыт и качество работы логистической компании «Молком» позволили ей обслужить проект e-commerce такого масштаба.

Оценить емкость российского рынка можно по объему заказов, но со значительными допущениями ввиду ряда причин [1, с. 24]:

- много звеньев (сбор заявок, хранение, комплектация заказов, доставка, работа с воротами и т. д.);
- практически отсутствуют игроки, предоставляющие комплекс услуг;
- финансовая закрытость.

Сегодня на рынке электронной коммерции работают компании, предлагающие логистическое обслуживание (например, Pony-express, DHL-express), выполняющие доставку товаров; специализированные компании, осуществляющие наряду с доставкой складское обслуживание (например, IM Logistics, Экспресс Точка Ру, E-commerce Services); небольшие компании, работающие в основном в мегаполисах как курьерские службы, например, Мегаполис-экспресс. Если исключить доставку товаров силами интернет-магазинов и самовывозом, то становится очевидным тот факт, что через АО «Почта России» доставлено наибольшее число посылок россиян.

Канал курьерской доставки товаров интернет-магазинов является вторым по значимости после почтовых отправлений. С 2018 г. четыре из десяти посылок магазины доставляют своими силами, из этих четырех каждые три — покупатели забирают самостоятельно в пунктах выдачи заказов или других. На самовывоз пришлось 100 млн посылок (29 %), на курьерскую доставку — 40 млн (11 %) в общем объеме заказов по России, включая MLM-компании, но без кросс-бордера. АО «Почта России» доставила в прошлом году каждый четвертый онлайн-заказ (90 млн штук). Госператор за последние два года увеличил объем обрабатываемых посылок с покупками из интернет-магазинов на треть. Абсолютным лидером по динамике роста стали пункты вы-

дачи и постаматы, резко увеличившие свою долю рынка. Конечно, рост с низкой базы и общий процент на рынке у этой формы доставки пока не очень высок — 13 %.

Два–три года назад спрос на аутсорсинг услуг формировали в первую очередь «классические» интернет-магазины, что определяло их спектр — в основном это были курьерская доставка, магистральная логистика, гораздо реже — фулфилмент-функции. Будущее сегодня задает десятка крупнейших ритейлеров в e-commerce, которой требуются услуги 3PL (Third Party Logistics).

Логистическая отрасль становится диверсифицированной и более сложной. Кроме естественного роста заказов в интернет-магазинах, на российском рынке начинают диктовать условия маркетплейсы, монобренды, выходящие в онлайн, продуктовые ритейлеры, доставка еды, негабаритных товаров — все это предъявляет требования в логистике, в том числе — к складской. Возрастают требования к контролю качества и упаковке товаров, верификации личности при получении заказа.

В ближайшем будущем наиболее востребованной станет доставка крупногабаритных грузов до двери. По данным курьерской службы Dynamic Parcel Distribution (DPD), только в последние полгода объем таких отправок увеличился в пять раз, а количество ежедневных отправок измеряется сотнями. Кроме того, ожидается рост доли прямых межрегиональных доставок. Развитие региональных интернет-магазинов и производителей, инфраструктуры региональных распределительных центров и стремление снизить операционные издержки у игроков рынка приведут к выстраиванию «сетевой» логистической инфраструктуры, а значит, к снижению тарифов, сокращению сроков доставки и развитию дополнительных сервисов и фулфилмента.

В свою очередь снижение тарифов должно привести к росту отечественной e-commerce в целом. Но по-прежнему ограничивающим фактором становится высокий средний чек в интернет-магазинах. В отличие от китайских площадок, в России клиент не может заказать товар за 200–300 руб., ему придется добирать до фиксированной минимальной суммы заказа или переплачивать за доставку. Поэтому чаще клиент делает заказ из Китая и ждет две–три недели свой заказ. Все это негативно влияет на отечественный рынок электронной коммерции. Качество обслуживания потребителей интернет-магазина будет определяться скоростью доставки покупки и удобством сервиса для потребителя. При этом потребители хотят самостоятельно

выбрать способ доставки и получить товар в день заказа.

На современном рынке актуальной задачей остается предоставление интернет-магазинам полного комплекса услуг от одного универсального логистического оператора, т. е. фулфилментом. Фулфилмент (от англ. Fulfillment — «выполнение, исполнение») — комплекс операций с момента оформления заказа покупателем и до момента получения им покупки [4]. По сути, фулфилмент представляет собой аутсорсинг — передачу функции по доставке товара потребителю сторонней организации, что дает возможность интернет-магазину сосредоточиться на выполнении других задач. Фулфилмент для интернет-магазина включает в себя следующий набор услуг:

- хранение и учет товаров и корреспонденции на специально оборудованном складе;
- выбор схемы доставки товара с учетом запросов потребителей и срочности доставки;
- подготовка товара к отправке потребителю;
- доставка товара клиентам интернет-магазина;
- получение оплаты от клиента за доставленный товар;
- перечисление средств интернет-магазину.

Можно выделить некоторые преимущества и недостатки фулфилмента. К его преимуществам относятся:

- комплексное обслуживание на самом высоком уровне;
- полная безопасность грузов;
- выполнение обязательств в соответствии с заранее оговоренными сроками.

В числе недостатков фулфилмента следующие:

- зависимость от фулфилмент-оператора;
- информационные риски;
- наличие дополнительного звена в цепи поставки, которое ухудшает обработку рекламаций.

Несмотря на наличие указанных выше недостатков, фулфилмент — простое и выгодное решение для организаций, занимающихся дистанционной торговлей.

Итак, можно сделать вывод о том, что в России рынок e-commerce будет продолжать свой рост, спрос на услуги логистических провайдеров будет востребован. В настоящее время эта ниша рынка логистических услуг не закрыта логистическими компаниями в полном объеме. С одной стороны, интернет-магазины нуждаются в предоставлении им комплекса услуг в целом по доставке товара клиентам, поддержке работы call-центра, в обеспечении оплаты товара, а также обратной связи с потребителем, работы с рекламациями. С другой стороны, логистические компании рассматри-

вают электронную коммерцию как потенциал роста бизнеса, поскольку увеличение объема электронной торговли обеспечивает устойчивую прибыль логистической компании. Будущее за интернет-площадками, которые смогут

объединить функции логистического провайдера и ИТ-платформы, обеспечить не только доставку и адресное хранение посылки, но и управление заказами и отслеживание движения товаров.

Литература

1. Винокурова П. Логистика для e-commerce // Логистика. 2012. № 3. С. 22–24.
2. Мар'ина А. Названы регионы, которые больше всех заказывают онлайн // Rusebase.ru. 2019. 1 марта. URL: <https://rb.ru/news/wildberrries-online-russia/> (дата обращения: 14.09.2019).
3. Баленко Е., Посыпкина А. Morgan Stanley пообещал почти трехкратный рост рынка e-commerce в России // РБК. 2018. 1. окт. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/10/2018/5bae50449a794761830cd94b (дата обращения: 14.09.2019).
4. Что надо знать об услугах фулфилмента и как выбрать оператора // Beseller. 2017. 29 авг. URL: <https://beseller.by/blog/fullfilment/> (дата обращения: 14.09.2019).

References

1. Vinokurova P. Logistics for e-commerce. *Logistika = Logistics*. 2012;(3):22-24. (In Russ.).
2. Mar'ina A. The regions that order online more than others, were named. Rusebase.ru. Mar. 01, 2019. URL: <https://rb.ru/news/wildberrries-online-russia/> (accessed on 14.09.2019). (In Russ.).
3. Balenko E., Posypkina A. Morgan Stanley promised almost three-fold growth in the e-commerce market in Russia. RBC. Oct. 01, 2018. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/10/2018/5bae50449a794761830cd94b (accessed on 14.09.2019). (In Russ.).
4. What you need to know about fulfillment services and how to choose an operator. Beseller. Aug. 29, 2017. URL: <https://beseller.by/blog/fullfilment/> (accessed on 14.09.2019). (In Russ.).

Финансирование устойчивого развития институциональными инвесторами в Южно-Африканской Республике

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-101-110

УДК 336.76

Никулина Светлана Игоревна

научный сотрудник Центра международных финансов

Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ
127006, Москва, Настасьинский пер., д. 3, стр. 2, e-mail: snikulina@nifi.ru

Исследование направлено на изучение институциональных инвестиций в устойчивое развитие в Южно-Африканской Республике (ЮАР). С учетом масштабности повестки дня в области устойчивого развития основное внимание в статье сосредоточено на финансировании институциональными инвесторами экологического блока целей устойчивого развития.

Цель. Определить факторы, способствующие внедрению институциональными инвесторами ЮАР принципов устойчивого финансирования в свою деятельность.

Задачи. На примере ряда крупнейших институциональных инвесторов ЮАР выявить основные элементы реализуемых ими стратегий устойчивого финансирования и приоритетные направления «зеленых» инвестиций. Изучить ключевые инициативы по внедрению ESG-факторов в инвестиционный анализ и процесс принятия решений институциональными инвесторами.

Методика. При выполнении исследования применялись такие общие методы научного познания, как анализ, синтез, метод научной абстракции.

Результаты и выводы. Nedbank Group и GEPIF начали внедрять принципы устойчивого финансирования в свою деятельность еще в начале 2000-х гг. Ключевые элементы стратегий устойчивого финансирования, реализуемых ими, — четкое целеполагание, наличие внутренней политики и процедур, позволяющих учитывать экологические и социальные риски при принятии финансовых решений, а также адаптация передового международного опыта в сфере финансирования проектов устойчивого развития благодаря участию в крупных международных инициативах и объединениях инвесторов. С конца 2011 г. пенсионные фонды в ЮАР законодательно обязаны учитывать ESG-факторы в процессе принятия инвестиционных решений. В банковском секторе, напротив, учет факторов устойчивости осуществляется на добровольной основе. Сегодня под руководством Национального казначейства ведется разработка национальной стратегической системы устойчивого финансирования.

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивое финансирование, «зеленая» экономика, ответственное инвестирование, ESG-факторы, «зеленые» инвестиции, институциональные инвесторы.

Для цитирования: Никулина С. И. Финансирование устойчивого развития институциональными инвесторами в Южно-Африканской Республике // Экономика и управление. 2019. № 11 (169). С. 101–110. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-101-110

Financing of Sustainable Development by the Institutional Investors in the Republic of South Africa

Svetlana I. Nikulina

Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

Nastas'inskiy Lane 3, bldg. 2, Moscow, Russian Federation, 127006, e-mail: snikulina@nifi.ru

The research is aimed at the study of the institutional investments in sustainable development of the Republic of South Africa (RSA). Taking into account the large scale of agenda in the area of sustainable development, the article is focused on financing by the institutional investors of the environmental set of goals of sustainable development.

Aim. To identify factors promoting introduction of the sustainable financing principles in the operation of RSA institutional investors.

Objectives. To identify main components of the implemented strategies of sustainable financing and priority areas of “green” investments on the example of the number of largest institutional investors of RSA. To study the key initiatives of introduction of the ESG-factors into the institutional analysis and the decision making process by the institutional investors.

Methods. Such general scientific methods of inquiry as analysis, synthesis, and method of scientific abstraction were used for research.

Results and conclusions. NedbankGroup and GEPF started introduction of sustainable financing principles in their operation in early 2000s. The key components of strategies of sustainable financing implemented by them include clear goal setting, availability of internal policy and procedures that allow taking into account the environmental and social risks when making financial decisions, as well as adaptation of the best international practices in the area of financing the projects of sustainable development thanks to participation in the large international initiatives and associations of investors. Since the end of 2011, pension funds of RSA are legislatively obliged to take into account the ESG-factors when making investment decisions. In contrast, in the bank industry the sustainability factors are taken into account on a voluntary basis. Currently, the National Treasury manages development of the national strategic system of sustainable financing.

Keywords: sustainable development, sustainable financing, “green” economics, responsible investment, ESG-factors, “green” investments, institutional investors.

For citation: Nikulina S. I. Financing of Sustainable Development by the Institutional Investors in the Republic of South Africa. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(11):101–110 (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-11-101-110

Введение

В настоящее время мобилизация финансовых ресурсов в целях реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. — один из приоритетных и животрепещущих вопросов для развивающихся стран. Дефицит финансирования, необходимого для выполнения Целей устойчивого развития, в этих странах достигает рекордных величин — 2,5–3 трлн долл. в год [1, с. 1]. Институциональные инвесторы рассматриваются в качестве потенциального источника финансирования проектов в области устойчивого развития ввиду размера активов, находящихся под их управлением [2, с. 9; 3, с. 80]. Развивающиеся страны запустили ряд инициатив, направленных на привлечение капитала долгосрочных институциональных инвесторов. Например, инвестиционная платформа Africa 50 создана при активной финансовой поддержке Африканского банка развития и ориентирована на «банкуемые» инфраструктурные проекты в основном в энергетическом и транспортном секторах.

Растет число институциональных инвесторов, включая пенсионные фонды, страховые компании, управляющих активами, которые принимают во внимание риски и возможности, связанные с инвестициями в устойчивое развитие. По данным масштабного опроса инвесторов (в том числе институциональных) и эмитентов в мире, проведенного в 2019 г. одним из крупнейших финансовых конгломератов HSBC, свыше 60 % инвесторов признают экологические и социальные факторы «очень важными» [4, с. 6]. Большинство опрошенных инвесторов считают настоятельной необходимостью наличие практического опыта в области ответственного инвестирования [4, с. 10].

Вместе с тем они отмечают существование ряда барьеров, сдерживающих устойчивые инвестиции. В их числе указан недостаток компетенции или квалифицированного персонала, дефицит привлекательных инвестиционных возможностей, низкое качество и доступность данных об экологических, социальных и управленческих аспектах (Environmental, Social and Governance, ESG) деятельности инвестируемых компаний, регулятивные или законодательные ограничения, низкая прибыль на инвестированный капитал и др.

Значительное внимание теме мобилизации средств институциональных инвесторов на цели устойчивого развития уделяют международные организации, особенно созданная в рамках системы Организации Объединенных Наций (ООН) Программа по окружающей среде (ЮНЕП). В 2005 г. рабочая группа по управлению активами Финансовой инициативы (ФИ) ЮНЕП заказала международной юридической компании Freshfields Bruckhaus Deringer исследование, результатом которого должен был стать ответ на вопрос о том, разрешается ли интеграция ESG-факторов в инвестиционную политику (включая распределение активов, формирование портфеля и выбор ценных бумаг) государственных и частных пенсионных фондов, страховых компаний и фондов взаимных инвестиций на добровольной основе, требуется ли она по закону или затрудняется по причине законодательных и регулятивных требований [5, с. 6]. Поставив этот вопрос, рабочая группа пояснила, что она хотела бы понять, может ли действие в интересах бенефициаров также включать другие цели, помимо максимизации прибыли. Для исследования выбраны семь развитых стран. Его итогом явилась публикация отчета, в котором утверждалось, что «связь между ESG-факторами

и финансовыми показателями все в большей мере признается... Интеграция ESG-факторов в инвестиционный анализ для более надежного прогнозирования финансовых результатов, несомненно, разрешается, и можно утверждать, что «она требуется во всех юрисдикциях» [5, с. 13]. В 2009 г. ФИ ЮНЕП выпустила продолжение отчета Freshfields [6], в котором представила план действий в нормативно-правовой сфере для обеспечения практической реализации фидуциарами обязательства по ответственному инвестированию. В 2016 г. Принципы ответственного инвестирования, ФИ ЮНЕП и Фонд поколений запустили четырехлетний проект «Фидуциарный долг», положивший начало ряду исследований [7]. Заключительный доклад 2019 г. упрочил идею о том, что фидуциарный долг требует включения ESG-факторов в инвестиционный анализ и процесс принятия решений. Инвесторы, которые не учитывают ESG-факторы, не выполняют своих фидуциарных обязанностей и все чаще сталкиваются с проблемами юридического характера [8].

Несмотря на актуальность рассматриваемой темы, в научной русскоязычной литературе она слабо освещена. Из научных исследований за последние три года можно выделить работу К. В. Дудко [9], посвященную анализу наиболее распространенных на международном уровне стандартов в области устойчивого финансирования. Ее автор приходит к выводу о том, что финансовые институты, которые смогут продемонстрировать приверженность международным стандартам в области устойчивого финансирования, будут иметь существенное конкурентное преимущество. В еще одном исследовании прошлого года рассмотрен вопрос о формировании механизма финансирования «зеленых» инвестиций в России. В нем авторы подчеркивают, что «сегодня наблюдается трансформация ключевых подходов к управлению экономическими системами и процессами..., закреплена идея о необходимости широкого вовлечения всех субъектов экономики в процесс финансирования «зеленого» роста при обязательном формировании (со стороны государства) условий для их активного участия» [10, с. 15]. Они также отмечают, что «финансовые инвестиции, банковское дело и страхование представляются главными каналами финансирования “зеленой” экономики» [11, с. 18].

Настоящая статья вносит вклад в понимание процессов, связанных с интеграцией ESG-факторов в национальную финансовую систему, которые протекают на уровне неко-

торых стран. Ее цель — определить факторы, способствующие внедрению институциональными инвесторами ЮАР принципов устойчивого финансирования в свою деятельность. Поскольку Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. масштабна, основное внимание в этом исследовании будет сосредоточено на экологическом блоке целей устойчивого развития (6, 7, 12, 13, 14, 15 и 17) и «зеленых» инвестициях. ЮАР представляет особый интерес, поскольку она одной из первых приняла стратегию развития «зеленой» экономики и в настоящее время разрабатывает целый комплекс политических мер и принципов в области устойчивого финансирования для всего финансового сектора [12, с. XV].

Статья состоит из двух основных частей. В первой части на примере двух крупнейших институциональных инвесторов ЮАР (банковской группы и пенсионного фонда) описаны стратегии устойчивого финансирования и определены приоритетные направления «зеленых» инвестиций. Во второй части изучаются ключевые инициативы по внедрению ESG-факторов в инвестиционный анализ и процесс принятия решений институциональными инвесторами. Статья завершается выводами по итогам проведенного в основной части анализа.

Реализуемые институциональными инвесторами стратегии устойчивого финансирования и ключевые направления «зеленых» инвестиций

Nedbank Group — одна из крупнейших банковских групп ЮАР, являющаяся участником ряда авторитетных международных инициатив в области устойчивого развития и «зеленых» инвестиций: Принципов экватора (с ноября 2005 г.), Глобального договора ООН (с октября 2005 г.), ФИ ЮНЕП (с февраля 2004 г.), Альянса по финансированию проектов, связанных с сохранением природного капитала (Natural Capital Finance Alliance), Водного мандата высших должностных лиц (CEO Water Mandate).

Nedbank Group поддержала и привела свои операции в соответствие с Принципами финансирования с положительным воздействием¹ (Principles for Positive Impact Finance), разработанными в 2017 г. в рамках одноименной инициативы (Positive Impact Initiative), в которой банковская группа принимает активное участие. Эти принципы представляют собой руководство для финансистов и инвесторов по

¹ Под таким финансированием понимается финансирование любого вида коммерческой деятельности, оказывающей верифицируемый положительный эффект на экономику, социальную сферу или окружающую среду, при котором в то же время гарантируется, что любой возможный отрицательный эффект надлежащим образом определен и смягчен.

анализу, мониторингу и раскрытию социального, экологического и экономического воздействия финансовых продуктов и услуг. Они применимы ко всем категориям финансовых инструментов, включая, но не ограничиваясь кредитами, акциями, облигациями, мезонинным финансированием.

В 2015 г. Nedbank Group утвердила стратегию «Справедливая доля 2030» (Fair Share 2030) и приступила к внедрению понятия устойчивости во все направления своей деятельности. Сущность этой стратегии заключается в увеличении потока кредитных ресурсов для финансирования проектов в области устойчивого развития. Она включает в себя декарбонизацию кредитного портфеля Группы.

Спустя два года, в 2017 г., разработаны Основы деятельности Nedbank Group в области устойчивого развития (Nedbank Sustainable Development Framework). Учитывая, что наибольший вклад в выполнение Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. банковская группа может внести через коммерческое предложение, приоритет отдается развитию соответствующих финансовых продуктов и услуг. Из 17 целей устойчивого развития Nedbank Group выбрала девять — приоритетных (4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 15), которые, по ее мнению, открывают перспективные возможности для разработки инновационных банковских продуктов и услуг, отвечающих неудовлетворенным потребностям клиентов. С 2018 г. Группа приняла решение о прекращении проектного финансирования либо других форм финансирования, где полученные денежные средства направляются на строительство новых угольных электростанций, независимо от страны или применяемых технологий. Одно из приоритетных направлений деятельности для Nedbank Group — поддержка проектов в сфере возобновляемой энергетики. С 2013 г. объем средств, предоставленных банковской группой на реализацию таких проектов, вырос в 6 раз, составив 22,8 млрд южноафриканских рандов в 2018 г. [13, с. 79].

В 2012 г. Nedbank Group выпустила первые «зеленые» сберегательные облигации для розничных клиентов с фиксированным сроком погашения от 1,5 до 5 лет, выгодной процентной ставкой и гарантированным доходом для обеспечения безопасности капитала. Чистый приток инвестиций в эти облигации в течение 2018 г. составил 5,3 млрд южноафриканских рандов. Общий объем вложений в них достиг 31,3 млрд южноафриканских рандов [14, с. 7]. Поступления от облигаций предназначены для поддержки проектов в сфере возобновляемых источников энергии (ВИЭ),

реализуемых в ЮАР. В апреле 2019 г. Nedbank стал первым коммерческим банком в ЮАР, разместившим «зеленые» облигации, эмитированные для привлечения финансирования под проекты по развитию солнечной и ветроэнергетики, в сегменте «зеленых» облигаций Йоханнесбургской фондовой биржи¹. Эти облигации соответствуют Принципам «зеленых» облигаций Международной ассоциации рынков капитала и Стандарту климатических облигаций. Они оказались настолько привлекательны для инвесторов, что аукцион прошел с переподпиской.

Nedbank Group также активно поддерживает проекты, связанные с повышением эффективности применения природных ресурсов, в частности водных и энергетических. В течение 2017 г. завершен и сдан в аренду первый «зеленый» жилой комплекс «Белхар Гарденс» (Belhar Gardens). Его строительство профинансировано из объединенного «зеленого» фонда Nedbank и Банка развития Южной Африки. Всего 630 семей с низким уровнем доходов в настоящее время пользуются преимуществами энерго- и водосбережения в этом комплексе. Город Кейптаун назвал данный проект новым стандартом в сфере социального жилья, а Министерство по вопросам населенных пунктов ЮАР признало его лучшим проектом социального жилья 2017 г. на церемонии вручения национальной премии имени Гована Мбеки.

Группа вносит значимый вклад в сохранение экосистем суши посредством различных программ, осуществляемых в партнерстве с южноафриканским отделением Всемирного фонда дикой природы. В качестве примера можно привести Программу по развитию устойчивого сельского хозяйства, созданную для продвижения ответственных методов ведения сельского хозяйства и стимулирования инноваций в этой сфере. За шесть лет ее реализации Группа вложила 18 млн южноафриканских рандов в поддержку работы южноафриканского отделения Всемирного фонда дикой природы с фермерами, потребителями и правительством [14, с. 17]. В рамках программы разработаны передовые общепромышленные экологические стандарты производства сельскохозяйственной продукции и созданы успешные партнерства на уровне стоимостной цепочки, выполняющие эти стандарты. У Группы существует совместный «зеленый» трастовый фонд со Всемирным фондом дикой природы, через который она вкладывается в национальные проекты по рациональному управлению водными ресурсами и сохранению морских экосистем.

Пенсионный фонд государственных служащих (Government Employees Pension Fund,

¹ Этот сегмент создан в октябре 2017 г. Он способствует мобилизации капитала в «зеленые» проекты.

GEPF) — крупнейший пенсионный фонд Африки с активами стоимостью свыше 1,8 трлн южноафриканских рандов [15]. Как утверждается на официальном веб-сайте, Фонд находится среди лидеров социально ответственного инвестирования в ЮАР. Он учитывает ESG-факторы при принятии инвестиционных решений. Фонд является подписантом Принципов ответственного инвестирования (Principles for Responsible Investment, PRI) с апреля 2006 г. В своем последнем отчете, размещенном на веб-сайте PRI, он указал, что продвигает ответственные инвестиции самостоятельно, а не посредством участия в совместных инициативах с другими организациями [16]. В начале 2009 г. Фонд находился во главе создания сети PRI в ЮАР.

GEPF представляет интерес также потому, что он являлся активным участником отраслевой инициативы Sustainable Returns for Pensions and Society, направленной на разработку последовательной системы и набора инструментов, содействующих пенсионным фондам ЮАР в выполнении пересмотренного Положения 28 (Regulation 28) и Кодекса ответственного инвестирования в ЮАР (Code for Responsible Investing in South Africa, CRISA). Фонд сыграл ключевую роль в разработке этого Кодекса. Государственная инвестиционная корпорация (Public Investment Corporation, PIC)¹ и менеджеры фондов, которые осуществляют инвестиционную деятельность от имени и по поручению GEPF, приняли принципы Кодекса.

У Фонда имеется политика в отношении инвестиций в развитие, в соответствии с которой он отводит для них 5 % общего инвестиционного портфеля [17, с. 16]. В основе этой политики — несколько важных составляющих: развитие экономической и социальной инфраструктуры, содействие устойчивому будущему (формированию «зеленой» экономики), создание рабочих мест, новых предприятий, расширение экономических возможностей темнокожего населения [18, с. 6].

GEPF активно поддерживает развитие альтернативной энергетики в ЮАР. Согласно отчету за 2018 г., он вложился в ряд проектов [17, с. 41]: по строительству объектов ветровой генерации мощностью 140 МВт инвестировано 313 млн южноафриканских рандов, в области солнечной энергетики — 4,925 млрд южноафриканских рандов, в газовые проекты

в различных регионах страны — 142 млн южноафриканских рандов.

PIC от имени и по поручению GEPF, совместно с другими партнерами Abengoa Group, IDC и Xina Community Trust вложились в многомиллиардный проект в области солнечной энергетики под названием Xina Solar One около Пофаддер (Pofadder) в Северо-Капской провинции. Доля GEPF в проекте составляет 20 %. Проект предполагает строительство солнечной электростанции мощностью в 100 МВт на участке площадью 300 га, которая будет генерировать электроэнергию для 95 000 домашних хозяйств в ЮАР в течение пикового периода. Помимо возобновляемой энергетики, Фонд инвестирует в проекты в сфере образования, жилищного строительства, здравоохранения, а также содействует развитию малого и среднего бизнеса в ЮАР.

Инициативы по внедрению ESG-факторов в деятельность институциональных инвесторов

Регуляторные инициативы

В феврале 2011 г. министр финансов ЮАР объявил о важных изменениях в Положении 28 Закона о пенсионных фондах (Pension Funds Act), включающих в себя новое требование для пенсионных фондов учитывать должным образом в процессе принятия инвестиционных решений любой фактор, который может существенно повлиять на устойчивость активов фонда в долгосрочной перспективе, включая факторы экологического, социального и управленческого характера [19]. Пересмотренное Положение 28 вступило в силу с 1 июля 2011 г. Впоследствии Совет по финансовым услугам (Financial Services Board)² продлил срок его выполнения до конца декабря 2011 г.

После введения нового регулятивного требования пенсионные фонды столкнулись с очевидным недостатком необходимых компетенций в сфере ответственного инвестирования. Возникшая у них потребность в развитии соответствующих компетенций и инструментов вылилась в отраслевую инициативу под названием Sustainable Returns for Pensions and Society Project. Этот проект запущен в декабре 2011 г. благодаря усилиям Ассоциации высших должностных лиц пенсионных фондов

¹ Государственная инвестиционная корпорация — это компания по управлению активами, принадлежащая правительству ЮАР, представленному министром финансов. PIC инвестирует средства от имени и по поручению организаций государственного сектора, в том числе GEPF. Инвестиционная политика PIC определяется мандатом, который она получает от клиентов. PIC управляет 87,12 % инвестиционного портфеля GEPF напрямую, а оставшейся частью — через местных и международных независимых менеджеров, назначаемых ею.

² Совет по финансовым услугам был органом финансового регулирования, ответственным за отрасль небанковских финансовых услуг в ЮАР с 1990 г. по март 2018 г. С 1 апреля 2018 г. Совет прекратил свое существование. Его заменило Управление по регулированию и надзору за поведением финансового сектора (Financial Sector Conduct Authority, FSCA).

ЮАР (Principal Officers Association of South Africa), Ассоциации в сфере сбережений и инвестиций ЮАР (Association for Savings and Investment South Africa), Пенсионного фонда государственных служащих и Международной финансовой корпорации. В итоге планировалось разработать последовательную систему и набор инструментов для содействия пенсионным фондам, управляющим активами и менеджерам фондов в выполнении пересмотренного Положения 28.

Благодаря усилиям экспертов, в сентябре 2013 г. вышло в свет руководство «Ответственное инвестирование и владение активами — руководство для пенсионных фондов в ЮАР» (Responsible Investment and Ownership — a Guide for Pension Funds in South Africa). Оно было одобрено Национальным казначейством в качестве авторитетных методических рекомендаций для отрасли и утверждено отраслевым регулятором — Советом по финансовым услугам. Руководство предназначено для фондов, которые, как правило, нанимают независимых управляющих через отдельные мандаты.

В июне 2019 г. опубликованы методические рекомендации в отношении устойчивости инвестиций и активов пенсионных фондов [20]. Они представляют собой детальное руководство для пенсионных фондов, призванное помочь им в раскрытии информации об учете ESG-факторов и их возможном влиянии на активы фонда, а также в подготовке соответствующей отчетности.

Под руководством Национального казначейства осуществляется процесс, направленный на разработку национальной стратегической системы устойчивого финансирования. В январе 2017 г. Национальное казначейство создало Рабочую группу из представителей органов, регулирующих финансовый сектор, и отраслевых ассоциаций для разработки рамочного документа по устойчивому финансированию, который планировалось опубликовать в 2018 г. [21]. Инициатива Национального казначейства получила поддержку Международной финансовой корпорации и Государственного секретариата Швейцарии по экономическим вопросам. Рамочный документ должен был включать в себя определение устойчивых финансов с учетом приоритетов национального развития, описывать мировые и национальные движущие факторы устойчивого финансирования, а также существующие отраслевые инициативы и предлагать рекомендации относительно национального стратегического подхода к развитию устойчивого финансирования.

Однако какая-либо информация о публикации этого документа отсутствует.

Добровольные инициативы участников финансового рынка

В 2011 г. Комитет по ответственному инвестированию институциональными инвесторами в ЮАР¹, созданный Институтом управленцев в ЮАР (Institute of Directors, South Africa), выпустил в свет добровольный Кодекс ответственного инвестирования. Принципы, закрепленные в нем, получили поддержку Совета по финансовым услугам и Йоханнесбургской фондовой биржи. Кодекс распространяется на пенсионные фонды, страховые компании, управляющих активами и консультантов.

Если резюмировать принципы и практические рекомендации, составляющие основу Кодекса, их суть сводится к следующему [22].

1. Институциональным инвесторам рекомендуется разработать политику по учету факторов устойчивости в инвестиционном анализе и инвестиционной деятельности в целом, обеспечить реализацию этой политики и установить процедуры, необходимые для контроля за ее соблюдением.
2. Институциональному инвестору следует проявить ответственный подход к участию в акционерном капитале инвестируемой компании, который включает, но не ограничивается применением руководящих принципов, например, Королевского кодекса корпоративного управления, для определения проблем в инвестируемой компании, связанных с ESG-факторами, механизмами вмешательства в случае выявления проблем, голосованием на собраниях акционеров.
3. Институциональным инвесторам рекомендуется сотрудничать с другими акционерами, регуляторами, инвестируемыми компаниями и конечными бенефициарами для продвижения Кодекса ответственного инвестирования в ЮАР и надежного управления.
4. Институциональным инвесторам необходимо разработать политику по предотвращению и управлению конфликтами интересов и установить процедуры для контроля за ее соблюдением.
5. Институциональным инвесторам рекомендуется не менее одного раза в год полностью и публично раскрывать заинтересованным сторонам информацию о том, в какой степени применяется Кодекс.

В 2016 г. Королевским комитетом по корпоративному управлению под эгидой выше-

¹ В этот комитет вошли представители финансового регулятора, отраслевых ассоциаций, пенсионных фондов и управляющих активами.

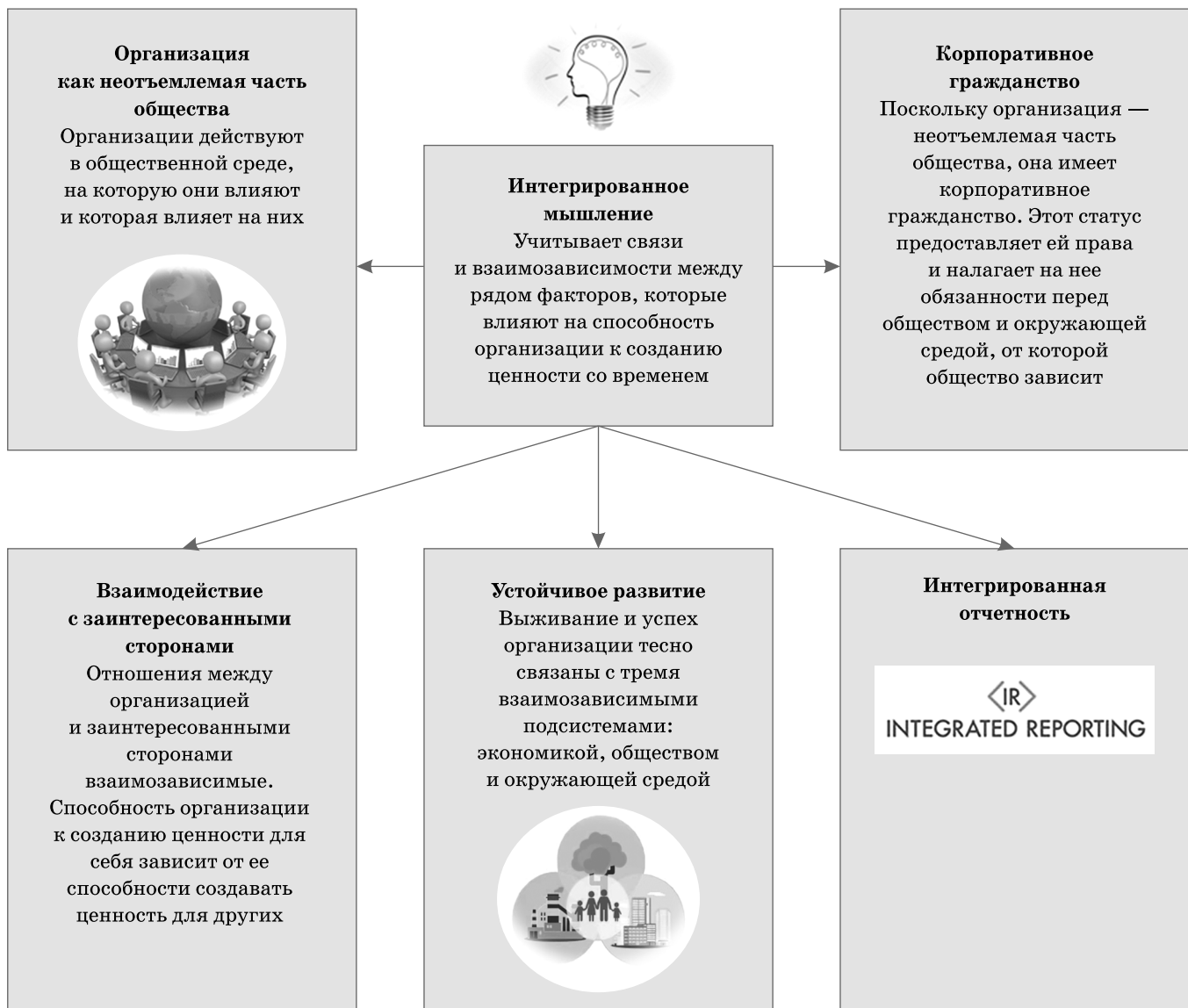

Рис. 1. Концептуальная основа Королевского кодекса корпоративного управления IV

Источник: составлено автором на основе [23].

упомянутого Института управленцев в ЮАР опубликован обновленный Королевский кодекс корпоративного управления IV (King IV Code). С концептуальной точки зрения, он не претерпел значительных изменений, продолжая опираться на концепцию устойчивого развития, что отражено на рисунке 1.

По сравнению с предыдущей редакцией Королевский кодекс IV содержит меньше принципов (17), учитывая, что ранее их насчитывалось 75, что значительно повышает прозрачность и упрощает отчетность об их применении. 16 принципов применимы ко всем организациям, независимо от их организационно-правовой формы, включая финансовые институты, а семнадцатый принцип — только к институциональным инвесторам. Последний сформулирован следующим образом: «Руководящий орган институционального инвестора должен способствовать практической реализации подхода ответственного инвестирования для содействия эффективному

управлению и созданию ценности инвестируемыми компаниями» [23, с. 73].

С точки зрения правового статуса Королевский кодекс IV представляет собой набор добровольных принципов и практических рекомендаций. В ЮАР развита смешанная система корпоративного управления, когда некоторые успешные управленческие практики со временем закрепляются на законодательном уровне, действуя одновременно с добровольным королевским кодексом корпоративного управления. Однако при возникновении коллизии между законодательством и королевским кодексом законодательство имеет преимущественную силу. Королевский же кодекс IV и Кодекс ответственного инвестирования в ЮАР подкрепляют и дополняют друг друга. Несмотря на то, что Королевский кодекс IV является добровольным, Йоханнесбургская фондовая биржа ввела требование к котируемым компаниям о представлении

на ежегодной основе отчетности о степени его выполнения.

Примечательны начинания по учету ESG-факторов в банковском секторе. В частности, Банковская ассоциация ЮАР, среди членов которой свыше трех десятков банков, включая Nedbank, учредила Комитет по устойчивому финансированию для содействия пониманию устойчивого финансирования и продвижения передового опыта в этой области на национальном уровне. Данный комитет разработал Принципы управления экологическими и социальными рисками, применяющиеся ко всем видам финансовой деятельности. Однако их выполнение не является обязательным. Комитет обсуждает вопросы, связанные с реализацией этих принципов, и делится успешными практическими примерами.

Заключение

Примеры Nedbank Group и GEPF показывают, что одни из крупнейших институциональных инвесторов ЮАР начали внедрять принципы устойчивого финансирования в свою деятельность еще в начале 2000-х гг. посредством присоединения к авторитетным международным инициативам. Так, с 2004 г. Nedbank Group участвует в ФИ ЮНЕП, которая вовлекла широкий круг финансовых учреждений, в том числе коммерческие, инвестиционные банки, венчурных инвесторов, управляющих активами, а также многосторонние банки развития, в конструктивный диалог о необходимости учета факторов устойчивости при принятии решений финансовым сектором. GEPF поддерживает Принципы ответственного инвестирования с момента их создания в 2006 г.

Ключевыми элементами стратегий устойчивого финансирования, реализуемых Nedbank Group и GEPF, являются четкое целеполагание, наличие внутренней политики и процедур, позволяющих учитывать экологические и социальные риски при принятии финансовых решений, а также адаптация передового международного опыта в сфере финансирования проектов устойчивого развития и непрерывное развитие через накопление знаний, благодаря участию в крупных международных инициативах и объединениях инвесторов. Очевидно, рассмотренные институциональные инвесторы ЮАР признают, что как финансовые институты они могут оказывать косвенное воздействие на окружающую среду посредством поддержки клиентов и деловых партнеров, и стремятся адекватно оценивать социальные и экологические риски, связанные с финансируемыми ими проектами. Например, с 2018 г. Nedbank Group

решила прекратить финансирование проектов строительства новых угольных электростанций и предпринимает значительные усилия по декарбонизации своего кредитного портфеля. GEPF установил определенную долю для инвестиций в развитие от общего инвестиционного портфеля.

Ввиду масштабности задач и целей, поставленных в Повестке дня в области устойчивого развития, Nedbank Group и GEPF концентрируются на ряде целей устойчивого развития и определяют приоритетные направления устойчивого финансирования. В числе приоритетов Nedbank Group — возобновляемая энергетика, повышение эффективности применения водных и энергетических ресурсов, устойчивое сельское хозяйство, сохранение морских экосистем. В центре внимания GEPF — возобновляемые источники энергии и другие проекты в области «зеленой» экономики, экономическая и социальная инфраструктура, поддержка новых предприятий, в особенности малых и средних, социальные проекты, улучшающие экономические возможности темнокожего населения.

GEPF начал внедрять принципы устойчивого финансирования в начале 2000-х гг., поэтому он был отчасти готов к тому, что практика, некогда добровольная, может перейти в категорию обязательной. В 2011 г. требование об учете ESG-факторов в процессе принятия инвестиционных решений пенсионными фондами было закреплено на законодательном уровне, что положило начало отраслевой инициативе Sustainable Returns for Pensions and Society Project по наращиванию потенциала пенсионных фондов, управляющих активами и менеджеров фондов в сфере устойчивых инвестиций. Наряду с регулированием действуют такие добровольные кодексы, как Кодекс ответственного инвестирования в ЮАР, Королевский кодекс корпоративного управления IV.

В отличие от пенсионной отрасли, в банковском секторе ЮАР учет ESG-факторов осуществляется на добровольной основе. Банковская ассоциация ЮАР ведет активную деятельность, направленную на продвижение устойчивого финансирования на национальном уровне. Она разработала Принципы управления экологическими и социальными рисками для всех видов финансовой деятельности и делится успешными кейсами. В настоящее время под руководством Национального казначейства проводится разработка национальной стратегической системы устойчивого финансирования. Таким образом, правительство ЮАР дает финансовому сектору ясный сигнал о том, какого политического курса оно намерено придерживаться.

Литература

1. *Roadmap for Financing the 2030 Agenda for Sustainable Development 2019–2021: Executive Summary* // United Nations (UN). URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/wp-content/uploads/2019/07/EXEC.SUM_SG-Roadmap-Financing-SDGs-July-2019.pdf (дата обращения: 06.10.2019).
2. *From Funding to Financing: Transforming SDG Finance for Country Success* // World Economic Forum. 2019. April. 29 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_From_Funding_to_Financing.pdf (дата обращения: 06.10.2019).
3. *Finance for sustainable development* // World Economic Situation and Prospects. New York: United Nations, 2017. P. 74–103. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/2017wesp_chap3_en.pdf (дата обращения: 06.10.2019).
4. *Sustainable Financing and Investing Survey 2019. Markets Alert to the Environment and Society* // Global Banking and Markets. HSBC. URL: <https://www.gbm.hsbc.com/insights/sustainable-financing/sustainable-financing-and-investing-survey-2019> (дата обращения: 06.10.2019).
5. *A Legal Framework for the Integration of Environmental, Social and Governance Issues into Institutional Investment* // Freshfields Bruckhaus Deringer. 2005. October. 154 p. URL: https://www.unepfi.org/fileadmin/documents/freshfields_legal_resp_20051123.pdf (дата обращения: 06.10.2019).
6. *Fiduciary Responsibility: Legal and Practical Aspects of Integrating Environmental, Social and Governance Issues into Institutional Investment* // UNEP FI. Asset Management Working Group. 2009. July. URL: <https://www.unepfi.org/fileadmin/documents/fiduciaryII.pdf> (дата обращения: 06.10.2019).
7. *Publications* // Fiduciary Duty. URL: <https://www.fiduciaryduty21.org/publications.html> (дата обращения: 06.10.2019).
8. *Fiduciary Duty in the 21st Century. Final Report* // United Nations Principles for Responsible Investment (UN PRI). URL: <https://www.unpri.org/download?ac=9593> (дата обращения: 06.10.2019).
9. Дудко К. В. Международные стандарты в области устойчивого финансирования // Вестник науки и образования. 2018. Т. 2, № 2. С. 40–43.
10. Яковлев И. А., Кабир Л. С. Механизм финансирования «зеленых» инвестиций как элемент национальной стратегии финансирования устойчивого развития // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2018. № 3. С. 9–20. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-3-9-20
11. Яковлев И. А., Кабир Л. С., Никулина С. И., Раков И. Д. Финансирование «зеленого» экономического роста: концепции, проблемы, подходы // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. № 3. С. 9–21.
12. *Global Progress Report. Sustainable Banking Network (SBN)*. Washington, DC: International Finance Corporation. 2018. February. URL: https://www.unepfi.org/fileadmin/events/2018/sydney/SustainableBankingNetwork_Global_Progress_Report.pdf (дата обращения: 06.10.2019).
13. *Creating value by using our financial expertise to do good: Nedbank Group integrated report 2018*. Johannesburg: Nedbank Group Ltd.; 2018. 100 p. URL: <https://www.nedbank.co.za/content/dam/nedbank/site-assets/AboutUs/Information%20Hub/Integrated%20Report/2018/2018%20Nedbank%20Group%20Integrated%20Report.pdf> (дата обращения: 06.10.2019).
14. *Creating value by using our financial expertise to do good: Sustainable development review 2018*. Johannesburg: Nedbank Group Ltd.; 2018. 32 p. URL: <https://www.nedbank.co.za/content/dam/nedbank/site-assets/AboutUs/Sustainability/Supporting%20Documents/2018%20Sustainable%20Development%20Review.pdf> (дата обращения: 06.10.2019).
15. *Who is GEPF?* // Government Employees Pension Fund (GEPF). URL: <https://www.gepf.gov.za/who-is-gepf/> (дата обращения: 06.10.2019).
16. *Government Employees Pension Fund of South Africa* // Principles responsible investment (PRI). URL: <https://reporting.unpri.org/surveys/PRI-reporting-framework-2019/49064F70-CDE2-4D35-8636-876DB4151718/57749b1a39a14fe6942aabb90698b3c1/html/2/?lang=en&a=1> (дата обращения: 06.10.2019).
17. *Annual Report 2018* // Government Employees Pension Fund (GEPF). URL: http://www.gepf.gov.za/wp-content/uploads/2019/07/AR_2018_20181128_Final_Submitted-min.pdf (дата обращения: 06.10.2019).
18. *Investment Policy Statement* // Government Employees Pension Fund (GEPF). URL: http://www.gepf.gov.za/wp-content/uploads/2019/08/GEPF_Investment_Policy_Statement.pdf (дата обращения: 06.10.2019).
19. *SRI in Africa* // Africa SRI. URL: <http://africasri.co.za/regulatory-frameworks/south-africa/> (дата обращения: 06.10.2019).
20. *Sustainability of Investments and Assets in the Context of a Retirement Fund's Investment Policy Statement* // Financial Sector Conduct Authority (FSCA). URL: <https://www.fsca.co.za/Regulatory%20Frameworks/Pages/Guidelines.aspx> (дата обращения: 06.10.2019).
21. *About the Initiative* // South Africa Sustainable Finance Initiative. URL: <http://sustainablefinanceinitiative.org.za/> (дата обращения: 06.10.2019).
22. *Code for Responsible Investing in South Africa* // Institute of Directors, Southern Africa. 2011. URL: https://cdn.ymaws.com/www.iodsa.co.za/resource/resmgr/crisa/crisa_19_july_2011.pdf (дата обращения: 06.10.2019).
23. *King IV Report on Corporate Governance for South Africa* // Institute of Directors, Southern Africa. 2016. URL: https://cdn.ymaws.com/www.iodsa.co.za/resource/collection/684B68A7-B768-465C-8214-E3A007F15A5A/IoDSA_King_IV_Report_-_WebVersion.pdf (дата обращения: 06.10.2019).

References

1. Roadmap for financing the 2030 agenda for sustainable development 2019-2021: Executive summary. New York: United Nations; 2019. 16 p. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/wp-content/uploads/2019/07/EXEC.SUM_SG-Roadmap-Financing-SDGs-July-2019.pdf (accessed on 06.10.2019).
2. From funding to financing: Transforming SDG finance for country success. Geneva: World Economic Forum; 2019. 29 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_From_Funding_to_Financing.pdf (accessed on 06.10.2019).
3. Finance for sustainable development. In: World economic situation and prospects 2017. New York: United Nations; 2017:74-103. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/2017wesp_chap3_en.pdf (accessed on 06.10.2019).
4. Sustainable financing and investing survey 2019: Markets alert to the environment and society. Global banking and markets. London: HSBC Bank plc; 2019. 58 p. URL: <https://www.gbm.hsbc.com/insights/sustainable-financing/sustainable-financing-and-investing-survey-2019> (accessed on 06.10.2019).
5. A legal framework for the integration of environmental, social and governance issues into institutional investment. London: Freshfields Bruckhaus Deringer; 2005. 154 p. URL: https://www.unepfi.org/fileadmin/documents/freshfields_legal_resp_20051123.pdf (accessed on 06.10.2019).
6. Fiduciary responsibility: Legal and practical aspects of integrating environmental, social and governance issues into institutional investment. Genève: UNEP FI; 2009. 92 p. URL: <https://www.unepfi.org/fileadmin/documents/fiduciaryII.pdf> (accessed on 06.10.2019).
7. Publications. Fiduciary duty. URL: <https://www.fiduciaryduty21.org/publications.html> (accessed on 06.10.2019).
8. Fiduciary duty in the 21st century. Final report. Genève: UNEP FI; 2016. 60 p. URL: <https://www.unpri.org/download?ac=9593> (accessed on 06.10.2019).
9. Dudko K.V. International standards for sustainable financing. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Herald of Science and Education*. 2018;2(2):40-43. (In Russ.).
10. Yakovlev I.A., Kabir L.S. Green investment financing mechanism as an element of the national strategy for sustainable development financing. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Research Institute. Financial Journal*. 2018;(3):9-20. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2018-3-9-20
11. Yakovlev I.A., Kabir L.S., Nikulina S.I., Rakov I.D. Financing green economic growth: Conceptions, problems, approaches. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Research Institute. Financial Journal*. 2017;(3):9-21. (In Russ.).
12. Global progress report. Sustainable banking network (SBN). Washington, DC: International Finance Corporation; 2018. 74 p. URL: https://www.unepfi.org/fileadmin/events/2018/sydney/SustainableBankingNetwork_Global_Progress_Report.pdf (accessed on 06.10.2019).
13. Creating value by using our financial expertise to do good: Nedbank Group integrated report 2018. Johannesburg: Nedbank Group Ltd.; 2018. 100 p. URL: <https://www.nedbank.co.za/content/dam/nedbank/site-assets/AboutUs/Information%20Hub/Integrated%20Report/2018/2018%20Nedbank%20Group%20Integrated%20Report.pdf> (accessed on 06.10.2019).
14. Creating value by using our financial expertise to do good: Sustainable development review 2018. Johannesburg: Nedbank Group Ltd.; 2018. 32 p. URL: <https://www.nedbank.co.za/content/dam/nedbank/site-assets/AboutUs/Sustainability/Supporting%20Documents/2018%20Sustainable%20Development%20Review.pdf> (accessed on 06.10.2019).
15. Who is GEPI? Government Employees Pension Fund (GEPI). URL: <https://www.gepi.gov.za/who-is-gepi/> (accessed on 06.10.2019).
16. Government Employees Pension Fund of South Africa. Principles for responsible investment (PRI). URL: <https://reporting.unpri.org/surveys/PRI-reporting-framework-2019/49064F70-CDE2-4D35-8636-876DB4151718/57749b1a39a14fe6942aabb90698b3c1/html/2/?lang=en&a=1> (accessed on 06.10.2019).
17. Annual report 2018: Ensuring your future. Pretoria: Government Employees Pension Fund (GEPI); 2018. 110 p. URL: http://www.gepi.gov.za/wp-content/uploads/2019/07/AR_2018_20181128_Final_Submitted-min.pdf (accessed on 06.10.2019).
18. Investment policy statement. Government Employees Pension Fund (GEPI). URL: http://www.gepi.gov.za/wp-content/uploads/2019/08/GEPI_Investment_Policy_Statement.pdf (accessed on 06.10.2019).
19. SRI in Africa. Africa SRI. URL: <http://africasri.co.za/regulatory-frameworks/south-africa/> (accessed on 06.10.2019).
20. Sustainability of investments and assets in the context of a retirement fund's investment policy statement. Financial Sector Conduct Authority (FSCA). URL: <https://www.fsca.co.za/Regulatory%20Frameworks/Pages/Guidelines.aspx> (accessed on 06.10.2019).
21. About the initiative. South Africa Sustainable Finance Initiative 2017. URL: <http://sustainable-financeinitiative.org.za/> (accessed on 06.10.2019).
22. CRISA: Code for responsible investing in South Africa. Institute of Directors, Southern Africa. 2011. URL: https://cdn.ymaws.com/www.iodsa.co.za/resource/resmgr/crisa/crisa_19_july_2011.pdf (accessed on 06.10.2019).
23. King IV report on corporate governance for South Africa. Institute of Directors, Southern Africa. 2016. URL: https://cdn.ymaws.com/www.iodsa.co.za/resource/collection/684B68A7-B768-465C-8214-E3A007F15A5A/IoDSA_King_IV_Report_-_WebVersion.pdf (accessed on 06.10.2019).

СПбУТУиЭ развивает сотрудничество в сфере информатизации

1 ноября текущего года подписано соглашение о сотрудничестве между Санкт-Петербургским университетом технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ) и крупнейшей немецкой компанией по разработке технологий, программных продуктов в сфере бизнеса и управления Innoscripta, созданной в 2012 г. Основной офис компании находится в Мюнхене.

Следует отметить, что Innoscripta позиционирует себя как инновационный двигатель,

выполняя задачи с помощью широкой, междисциплинарной команды из разных отраслей. К 2017 г. штат этой компании вырос до 50 сотрудников, успешность проектов возросла на 70 %. Сегодня в штате — более 80 экспертов. К 2020 г. компания должна стать № 1 в Европе. Наряду с опытными специалистами в компанию входят и молодые, развивающиеся таланты, что позволяет Innoscripta быть хорошо подготовленной к будущему и нести социальную ответственность в качестве образовательной компании. В рамках соглашения СПбУТУиЭ и Innoscripta планируется сотрудничество в образовательных и научно-инновационных проектах в сферах информатизации предприятий, развития технологий искусственного интеллекта и больших данных, а также организация в немецкой компании стажировок студентов направления «Прикладная информатика».

Директор компании Innoscripta Микаел Хохенестер

Сотрудники Innoscripta

Представители Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики стали участниками международной межвузовской научно-практической конференции «Технологическая перспектива в рамках евразийского пространства: новые рынки и точки экономического роста».

В работе конференции, которая проходила 7–8 ноября 2019 г. в Доме ученых РАН им. М. Горького, а также на площадке Санкт-Петербургского государственного университета, приняли участие представители администрации Санкт-Петербурга, эксперты ведущих вузов, ученые из Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН, Института проблем региональной экономики (ИПРЭ) РАН, сотрудники предприятий. На конференции в формате пленарного заседания, панельной дискуссии и секционных заседаний рассмотрены актуальные вопросы современной технологической перспективы, определяемой экономической составляющей и инновационным развитием. Эти вопросы связаны прежде всего с необходимостью раскрытия потенциала территорий, формированием новых рынков и разработкой интегрированных подходов к организации и ведению бизнеса.

Technoperspective проводится уже в пятый раз, и представители СПбУТУиЭ ежегодно участвуют в этой конференции. Проректор по научной работе, доктор технических наук, доцент Г. А. Костин выступил с приветственным словом на секции «Устойчивое развитие российской Арктики в условиях промышленной

Выступление М. Ю. Гладких, начальника службы «Виртуальный Русский музей» — структурного подразделения государственного Русского музея

трансформации и интернационализации». По приглашению главного научного сотрудника ИПРЭ РАН, председателя секции «Наукоемкая экономика и управление знаниями» Дома ученых РАН, доктора экономических наук, профессора О. Н. Кораблевой на панельной дискуссии «Цифровая экономика и развитие бизнеса» с докладом «Система взаимодействия бизнес-сообщества и университетов при реализации наукоемких и инновационных проектов» выступил директор Института экономики, менеджмента и информационных технологий СПбУТУиЭ, кандидат экономических наук, доцент Е. Ф. Щипанов. Представители университета также приняли участие в заседании секции «Искусство и технологии», состоявшейся в Русском музее.

СПБУТУиЭ принял участие в Петербургском международном инновационном форуме

В Санкт-Петербурге прошел XII Петербургский международный инновационный форум — профессиональная диалоговая площадка для российского и международного сообщества.

На площадке собрались более десяти тысяч специалистов в сфере инноваций. Диалог власти, бизнеса, науки и образования является необходимым инструментом решения проблем экономического развития и внедрения инноваций на предприятиях. В работе форума участвовали губернатор Санкт-Петербурга, доктор экономических наук А. Д. Беглов и глава «Роснано», кандидат экономических наук А. Б. Чубайс, представители городского правительства.

Председатель правления ООО «УК "РОСНАНО"» А. Б. Чубайс принял участие в XII Петербургском международном инновационном форуме (ПМИФ)

Фото — www.rusnano.com

ХII Петербургский международный инновационный форум (ПМИФ), пленарное заседание

Фото — www.rusnano.com

Активное участие в работе крупнейшего конгрессно-выставочного мероприятия Северо-Запада России приняли и представители Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики — проректор по научной работе, доктор технических наук, доцент Г. А. Костин, директор Института экономики, менеджмента и информационных технологий СПбУТУиЭ, кандидат экономических наук, доцент Е. Ф. Щипанов, заведующий кафедрой менеджмента и государственного и муниципального управления СПбУТУиЭ, кандидат экономических наук, доцент Е. В. Ушакова, начальник управления организации совместных исследований и внедрения научных разработок в производство В. В. Юшкова, студенты профиля «Менеджмент организации».

В рамках форума представители вуза выступили экспертами в сфере инновационного развития, а также провели переговоры с представителями бизнеса, науки и власти. Отдельно была организована встреча с директором

Федерального ресурсного центра по организации подготовки управленческих кадров Министерства экономического развития Российской Федерации А. С. Бункиным.

Представители СПбУТУиЭ приняли участие в работе Петербургского международного инновационного форума

ХII Петербургский
Международный
Инновационный
Форум

XII St. Petersburg
International
Innovation
Forum

**СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ
ЭКОНОМИКА**
SYNERGY ECONOMY

13-15 НОЯБРЯ 2019
NOVEMBER

Основные условия и требования к оформлению рукописей научных статей, представляемых в РНЖ «Экономика и управление»

Журнал издается Санкт-Петербургским университетом технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ) под научно-методическим руководством Отделения общественных наук Российской академии наук с 1995 г.

Российский научный журнал «Экономика и управление» входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются экспертными советами по экономике, а также управлению, вычислительной технике и информатике Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. В 2009 г. РНЖ «Экономика и управление» удостоен высокого звания лауреата всероссийского конкурса журналистов «Экономическое возрождение России» в номинации «Лучшее специализированное информационно-аналитическое издание по инновационной тематике».

Для публикации в журнале «Экономика и управление» принимаются статьи на русском языке, содержащие описание актуальных фундаментальных технологий, результаты научных и научно-методических работ, посвященных проблемам социально-экономического развития, а также отражающие исследования в области экономики, управления, менеджмента и маркетинга. Предлагаемый материал должен быть оригинальным, не публиковаться ранее в других печатных изданиях, тематически соответствовать профилю журнала.

Обязательные требования к содержанию статей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

Чтобы статья успешно прошла научное рецензирование и была принята для публикации в журнале, она должна иметь следующую структуру.

1. Актуальность проблемы, ее сущность и общественно-научная значимость.
2. Освещение данной проблемы и опыта ее решения в зарубежной и отечественной литературе, анализ законодательства и нормативно-правовой базы (если это в русле авторского замысла).
3. Критический анализ имеющихся в литературе, экономической и управленческой практике подходов к решению проблемы.
4. Научно обоснованные предложения автора по решению проблемы (систематизированное изложение авторской идеи (идей): методов, концептуальных положений, моделей, методик и пр., направленных на разрешение проблемы. Эти взгляды должны быть аргументированы и обоснованы, по возможности подтверждены расчетами, фактами, статистикой и пр. При необходимости в качестве элементов обоснования приводятся формулы, таблицы, графики и др.
5. Краткие выводы, резюмирующие проведенные исследования, отражающие основные их результаты.
6. Научная и практическая значимость материала статьи с изложением рекомендаций (как, где авторские предложения могут быть использованы, что для этого следует сделать) и теоретического развития авторских идей в дальнейшем.

Основные требования к сдаче в издательство рукописей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

1. Статья должна содержать:

- 1.1. Аннотацию (расширенную; в аннотации должны отражаться цель, задачи, методология, результаты, выводы).
- 1.2. Ключевые слова (от 5 до 7 слов), разделенные запятой.
- 1.3. Сведения об авторе: место работы каждого автора (если таковое имеется) в именительном падеже, его должность и регалии, контактную информацию (почтовый адрес, e-mail).

2. Оформление статьи

- 2.1. Объем статьи должен составлять от 0,4 до 1 а. л. (1 а. л. — 40 000 знаков, считая пробелы).
- 2.2. В верхнем правом углу первой страницы статьи должна содержаться информация об авторе: Ф. И. О. (полностью), должность, название организации и ее структурного подразделения, адрес. Ученая степень, ученое звание, почетное звание (если таковые имеются).
- 2.3. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пунктов. Поля: 2,5 — левое и по 2 см — остальные, печать текста на одной стороне листа, оборот листа — пустой. Страницы должны быть пронумерованы.
- 2.4. Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминающихся в статье, расположенные в порядке упоминания в квадратных скобках, и не должен включать в себя работы, на которые в тексте отсутствуют ссылки. Все ссылки в статье, должны быть затекстовыми (расположенными в конце статьи), с указанием в основном тексте порядкового номера источника и упоминаемых страниц. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать страницы: в случаях ссылки на публикацию в журнале, газете, сборнике (периодическом издании) — интервал страниц, а в случаях ссылки на монографию, учебник, книгу — общее число страниц в этом издании.

3. Иллюстративный материал

- 3.1. Рисунки, диаграммы, таблицы и графики должны быть вставлены в текст статьи на соответствующее им место.
- 3.2. Если иллюстрации отрисованы авторами самостоятельно в формате Word или Excel, то не следует заверстывать их в другие программы!
- 3.3. Остальные иллюстрации также присылать только в исходном формате:
 - отсканированные с разрешением на 300 dpi иллюстрации в формате .tif либо .jpg вставляются в текст статьи на соответствующее место и дополнительно отправляются отдельными файлами, не вставленными в текст;
 - иллюстрации из сети Интернет вставляются в текст статьи и дополнительно присылаются отдельными файлами в том формате, в котором были скачаны.
- 3.4. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого.
- 3.5. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

Статья представляется в электронном виде (по электронной почте или на носителе информации) в формате Microsoft Word.

Для получения полной информации о требованиях к публикации
просьба обращаться в издательство СПБУТУиЭ.

Тел.:
(812) 448-82-50

E-mail:
izdat-ime@yandex.ru

Basic Conditions and Requirements for Research Articles Submitted to the Russian Academic Journal "Economics and Management"

The Basic Requirements to script submissions for publisher of Economics and Management

1. Contents

- Summary should contain the aim, tasks, methods and results of research. Please find the Summary Guidance on *Economics and Management* web-site
- List of key words should contain 5 to 7 items separated by semicolon
- Information about the author should contain job position, regalia and location using subjective case together with personal details and contact information

2. Layout

- Size should be not less than 0.4 and not more than 1 author's list
- Personal information should be placed in the top right corner of the front page starting with the name, position, regalia, company name with full address, etc.
- Please use the Times New Roman size 14 with 2.5 cm border on the left and 2 cm on the right, top and bottom sides
- List of references should contain bibliography on all publications mentioned in the article. Please use square brackets for numbers in the order of their appearance in the article. The sources not mentioned in the article should not be used in this list. All the references should be positioned at the very end of the article using numbers shown in square brackets with detailed position in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number (s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication

3. Graphics

- All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article
- Please use .doc or .exe formats in case illustrations were made by the author personally in the same format
- For all the other illustrations please use the original format
- Illustrations scanned in .tif or .jpg using 300 dpi apart from being placed in the text should be sent separately in attached file
- Illustrations copied from Internet should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format
- The picture in the article should be of the same size as it is shown in original source
- Recommended amount of pictures and illustrations should not exceed three items

**Please send all the articles printed on A4 paper format together
with electronic version using Microsoft Word.
Both versions should be identical.**

Contact details:
Lermontovskiy Ave 44a, St. Petersburg, Russian Federation, 190103
Publishing house
of the Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics.

Tel.:
+7 (812) 448-82-50

E-mail:
izdat-ime@yandex.ru